
Андрей НОВИКОВ

ПРЯНИЧНЫЙ ГУБЕРНАТОР

Роман

Любой уважающий себя летописец выбирает для создания исторического персонажа подходящий материал. Мне показался самым удобным обыкновенный хлебный мякиш. Даже незабвенный Ленин, сидя в «Крестах», хитро лепил чернильницы из хлебного мякиша, наливал в них молоко и писал тайные революционные письма соратникам. Да так увлекся, что и жену свою, Надежду Константиновну, из хлебного мякиша искусно вылепил. А почему бы и нет? Надувных барышень при царском режиме не делали. Надзиратель это безобразие заметил, но сделать ничего не успел. Ильич ловко чернильницу проглотил, а следом стал и Надежду Константиновну уплетать. Надзиратель говорит:

— Что вы делаете? Вы жену кушаете!

Ленин важно отвечает:

— Вы, кажется, ослепли. Это не Надежда Константиновна, а хлеб. И вот я его кушаю. Надзиратель посмотрел — действительно хлеб!

Долго другие заключенные над этим пищевым фактом хохотали и, взяв его на вооружение, до сих пор поделками из мякиша балуются. Конечно, с точки зрения искусствоведов — творчество спорное. Но яркое, доступное, наивное и жизнеутверждающее. Для моей задумки — прославить жизнь и политику губернатора, которого ласково и задушевно прозвали в народе «Петровичем», — материал вовсе идеальный, даже сакральный. Ибо хлеб, прошедший полный круг алхимических превращений, сотканный из всех стихий, является совершенным продуктом, отторгающим все нечистое. Он не подвержен воздействию злых областных сил; кремлевских интриг; на него нельзя навести порчу; из хлебного мякиша местные политические оппоненты не смогут создать магическую куклу, как делают из глины или воска черные маги. Да и сам процесс лепки — занятие кропотливое, сродни работе со словом, а хлебный мякиш — материал душевно теплый, именно такой, каким я вижу своего героя-губернатора. Мякиш дает простор фантазии, да и любой известный ваятель, даже со званием «народный», прежде чем

Андрей Вячеславович Новиков родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Калининской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Кострова). Работал корреспондентом, ответственным секретарем в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортер», специальным корреспондентом РИА «Новости» по Липецкой области, главным редактором газеты «Город лип». Публиковался в журналах «Подъем», «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Дружба», «Молодая гвардия», «Литературная Киргизия», «Сибирь», «Южное сияние», «Берега», «Сибирские огни», «Сура», «Север», «Симбирскъ», «Столица», «Белая скала», «Таврия литературная», «Балтика», «Байкал», «Крым», «Приокские зори», «Зинзивер», «Метаморфозы». Автор пяти книг. Живет в Липецке.

дать своему герою забронзоветь, лепит его из простого, доступного материала. А можно и вовсе превратить мякишевого героя в пряничного. А краски использовать съедобные, пищевые. Наша власть тоже в каком-то смысле пряничная, наполненная многими сказочными героями и смыслами. Пряник от слова пряность: в состав пряников входят корица, мускатный орех, кардамон, гвоздика, имбирь, ваниль и, конечно, мед. Поэтому пряники получаются такими ароматными и аппетитными. Понятно, что пряничный губернатор всегда желаннее народу, чем настоящий. Можно не только им любоваться, но и всегда с аппетитом съесть. И вкусней будет, чем ленинская чернильница из мякиша.

Итак, размял я нарезной батон до состояния мякиша, смешал его с медом, и только туловище потолще вылепил, ручки с ножками, голову побашковитей, как прознали невесть откуда доброжелатели о моей благой затее. Подойдут тихо, в затылок дышат, высматривают и молчат как партизаны. А как только я наполеоновскую шляпу и кушак герою своему присобачил, так пряничного губернатора у меня и свистнули. А кто и что ему потом долепливал, я не знаю и за это не отвечаю.

Живет такой парень!

Был на примете у коммунистов хороший парень. Все его по простоте Петровичем звали. Служил при тогдашнем губернаторе ХавроLINE... Ихтиандром. Привезет, бывало, Хавролин своего верного Петровича ночью в село Преображенковка, на стоячую речку Смородинку и сурово велит прыгнуть в реку, чтобы рыбу руками ловить.

Тяжела же была доля Петровича! Ибо вода в Смородинке от красной глиняной взвеси мутная, аки кисель. Потому реку Смородинкой и прозвали. В ней не то что рыбу, собственного носа не видно.

Возвращались они как-то с рыбалки, понятно, на служебном «мерседесе», но напрямки через лес. Так Хавролин бензин до города экономил. На полпути сделал вдруг Хавролин Петровичу в глаза «два пусто», и малый наш от неожиданности из машины на ходу-то вывалился. Чудом успел за трубу глушителя ухватиться. Прочная труба, настоящая пацанская, из нержавейки! Мчится Хавролин по лесным делянкам, буйной головой Петрович о березовые пеньки бьется, но за трубу крепко держится. Свернул тогда Хавролин на большую дорогу да погнал по асфальту, аж спидометр зашкалило. Но держится Петрович молодцом! И не потому, что пузо у него скользкое, а потому, что к пупку маленькое колесико пришито. Колесико ему еще в роддоме акушер пришил, когда пуповину завязывал. Сразу понял, что малец далеко по жизни поедет. Испугался акушер, но зубы стиснул, только колесико от железной кровати отвинтил и по голосу свыше куда нужно пришил. Этому акушеру потом у роддома памятник поставили гипсовый, с бронзовым колесиком в руках.

Губернатор и попугай

Как известно, кадры решают все. Не везло Петровичу с замами, то бишь вице-губернаторами. То льстец попадетса бестолковый, то казнокрад, а то просто — дурак. Попробуй подбери хоть одного, а их по штату семь штук положено. Думал, думал и решил назначить на ответственную должность... попугая. Попугай всегда правду говорит и взятку не берет. Разве что просом да грецкими орехами.

Но как без лишнего внимания попугая на работу в облдминистрацию оформишь? Даже карточки пенсионного страхования у него нет, не говоря уже о паспорте. Да и гражданства тоже нет, даже вида на жительство. А за это попугайского работодателя миграционная служба вправе на крупный штраф насадить. Но выход Петрович нашел. Нарядил попугая своим первым замом — Тихонычем и прямо на письменный

стол в клетке посадил, аккуратно между чернильницей и пресс-папье. Петрович любил на работе гусиным пером документы подписывать из торжественности момента и основательности почерка.

А какой умный оказался попугай, страсть! Устав области и Административный кодекс знал, как «Отче наш»! И что слов ведал только триста, не большая беда. Большому чину и необязательно много говорить, лишь бы по существу. По существу как раз попугай хорошо говорил, то есть всех далеко посылал. Проскакивали, конечно, нехорошие словечки. Но согласитесь, у какого начальника они с языка не срываются. Вообще, попугай все надежды Петровича оправдал, и областной казне такой помощник обошелся почти задаром. Нашлись, конечно, и в рядах администрации вредные чиновники, вечно сующие свой нос куда не надо. Посмотрят, бывало, на попугая и спрашивают ехидно Петровича:

— А что это Тихоныч таким мелким стал и пух с пером из него во все стороны, как из подушки, летит?

— Так он ведь старенький уже, по возрасту давно пенсионер, усох Тихоныч за свою многотрудную жизнь, вконец утоптался, одна башковитость в нем и осталась, — резонно отвечает любопытным губернатор.

И сам Тихоныч такой переменной в жизни доволен остался. По курортам да санаториям отдыхает себе, а зарплата идет. Тимуровцы Тихоныча не забывают, пока он в разъездах, воды принесут, дров заготовят. Рай, да и только.

Губернатор и шерстяной нос

Вот и стал с тех пор Петрович нашей областью править, умножая с каждым годом народное благосостояние. Но одновременно с бурным ростом губернаторской благодати стали с Петровичем происходить странные физиологические изменения. Теперь он много и часто говорил, не понимая смысла того, что говорит, а голова его по форме стала напоминать мандолину. К тому же на носу Петровича стали бурно и прямо расти толстые черные волосы. Не памятный ли зюгановский поцелуй был в том виноват?

Вначале супруга Петровича этому явлению сильно обрадовалась. Даже с носа мужа шерсти настригла. Сперва всей семье на носки и варежки, потом на шапочки и свитера. Одно время она даже малое предприятие открыла — «Липецкнос». Петрович обеспечил благоверной кредит из областной казны на развитие малого бизнеса и солидные налоговые льготы. Все поначалу шло отлично. Шерстяной нос Петровича давал хорошую прибавку к скромной губернаторской зарплате.

Дальше чудеса пошли с нарастающей силой. У одного вице-губернатора рога выросли, а у другого — копыта. Этим уникамам Петрович любил поручать административные советы. Хорошо они чиновников созывали. Кликнет губернатор, и минуты не пройдет, как один в коридоре по дубовому паркету копытами бьет, другой двери кабинетов рогами мозжит. Глядишь, административный совет с испугу заседать начинает.

Все шло чинно и гладко, да вдруг взбеленился полпред президента и дал Петровичу зоркий офтальмологический намек:

— Мы за тобой, Петрович, в четыре глаза следим!

Глянул Петрович на полпреда и просто обомлел. И точно — на мраморном лбу крупного чиновника сияли, как прожектора, еще два глаза. А всего их и вправду было четыре, но все разные. Стало быть, не обманул. Потрясло это Петровича, сильно потрясло и до сих пор потряхивает внезапно и мелко. Петрович замам рога и копыта поотшибал, а нос теперь каждый день бреет. Да так его скоблит по утрам, что и под лупой драгоценную прежде шерсть не разглядишь.

Петрович и братки

Как только Петровича в губернаторы выбрали, к нему сразу местные братки ввалились, ботву разводить. А губернатор серьезный разговор с шутки начал, можно сказать лирично, но по существу:

— Не ходи, браток, во власть, власть сама умеет красть.

Братки сразу все поняли, нервничать перестали, и остались у них только просьбы и чаяния.

Неведомо о чем они договорились, да только город теперь даже глубокой ночью стал опрятным и безопасным. А центр города — вовсе стерилен, то бишь свободен от разного рода упырей и отморозков.

— Кто навел такой образцовый порядок? — любит пенять своим чиновникам Петрович, — Уж точно, что не милиция. Помните, как в кошмарные, девяностые на всех перекрестках менты в бронжилетах с «калашами» стояли, словно на блокпостах оккупанты какие? А теперь их вовсе не видно, как в странах гнилого капитализма, а на улицах тишина и полный порядок.

— А откуда этот порядок возник? — властно продолжает поучать губернатор начальника УВД, — Да потому что только моими стараниями город и область на административной сходке наконец по уму разделили авторитеты — смотрящие. И мы, волки, теперь сыты, и братки целы. Бюджет области отныне не пустует, и воровской общак дебит с кредитом сводит.

И прав губернатор! Это тупые европейцы да противные америкосы измышления о русской преступности раздувают. Разве наши авторитеты о тишине-порядке не заботятся? Разве они теперь вне закона? Да они давно «в законе». Недаром у нас говорят, о каком-либо братке, дескать, это он раньше бандитом был, а теперь от нехороших дел отошел, стал легальным бизнесменом, добропорядочным членом общества! Даже налоги платит и деток за границей обучает хорошим манерам. Очень любят нынче бывшие братки милосердием заниматься. Слезы от умиления сами по себе текут, когда безусому дьячку из Богом забытого храма добрые братки-прихожане новый «лексус» дарят, теремок трехэтажный строят во спасение своей души. Словом, запросто любые вопросы у нас легальные авторитеты решить могут. И граждане это поняли, чуть непонятки какие или бизнес не поделили, долги возвращать надо — сразу бегут к браткам за советом и помощью.

Стало быть, именно при Петровиче произошло новое разделение властей, а милицейские да прокурорские тяготы надзора и наказания перешли отныне к мудрым и отзывчивым браткам.

И заметьте, за большими кусками они не гоняются. Им это и не нужно для правильного пищеварения. Куски они мелкие глотают, но очень часто. Большими кусками у нас нынче только областная власть питается.

Виноватое лицо

Требовал Петрович, чтобы его подчиненные исключительно с виноватыми лицами службу отправляли и перед прочими людьми ходили. И дело не в том, что дела и наказания губернаторские исполнять у них не получалось или к административной работе они были не годны. Петрович точно знал, что, живя среди чиновников, любой из них всегда сталкивается с материальными интересами других, которые подчас противоречат его собственным. Казалось бы, самый простой способ решения проблемы — делиться и договариваться. Но иногда договориться невозможно, например, не хочет одна из сторон. Кто-то чувствует себя правым, кто-то не в силах совладать с областными эмо-

циями, кто-то считает свою рубашку ближе к телу. Да к тому же умение договариваться — целое искусство, им не так просто овладеть. Оно дано лишь Петровичу. И потому губернатор изобрел способ работы со своими чиновниками — нещадно манипулировать.

Петрович понял, что самый распространенный тип манипуляции связан с чувствами долга и вины. Этот способ губернатор считал «родительским», поскольку он чаще всего используется родителями по отношению к детям. А ведь верно, чиновники у губернатора что дети шкодливые и малые. А губернатор что отец строгий и родной. Только он волен наказывать, прощать, оценивать наши поступки. И если мы делаем что-то не так, как он считает правильным, родитель заставляет нас чувствовать себя виноватыми. Стало быть, мы должны исправить свои ошибки. Смекнул Петрович, что такое восприятие родителей преследует областного чиновника всю взрослую жизнь, до пенсии. Если кто удивится, почему у наших чиновников вечно виноватые физиономии, то воздайте должное мудрости нашего губернатора, его прозорливости. И чиновники не внакладе, крадут все подряд, а как иначе, коли губернатор их заранее в виноватые определил!

Губернатор и народные приметы

Чтобы как-то систематизировать хаос происходящих в области политических и экономических событий, придумать, как сделать окружающий граждан мир понятным, решил Петрович создать свою систему объяснений и предсказаний.

Но одно дело — доходчиво народу объяснить происходящее, другое — мудро предвидеть то, что может случиться в будущем. Следовательно, существующей власти надобно к грядущему успеть подготовиться и обывателя подготовить. Вот и задумал Петрович обратиться к своего рода гражданским наблюдениям, так сказать, народным приметам. А они бытуют вне времени, переходят от одного нетрезвого общественно-го сказителя к другому, фривольно гуляют по городам и весям. Губернатор, изучая народные приметы, часто ходил неузнанным по улицам, переулкам и тупикам. Остановит, бывало, властно с окриком «Ша!» бабу или мужика какого, сигаретку стрельнуть или на пиво два рубля добавить, парой слов перекинется, а сам после в блокнот записывает самое пронзительное и ценное из народного опыта. Например: «Если чешется левая рука — к взятке, если нос — к госзаказу, если и то и другое — к госзаказу на хляву». Или: «Хочешь почувствовать себя губернатором — сядь на Конституцию», «Пришел с просьбой в администрацию — спасибо, ушел — большое спасибо...», «Жизнь чиновнику дается один раз, и в основном случайно», «По факту исчезновения губернатора возбуждено... два олигарха», «Бизнесмен, забитый молотком в налоги, держится крепче, чем фермер, закрученный отверткой», «Существует всего три причины неявки на выборы: забыл, запил или забил», «И чиновники сыты, и бизнесмены целы, и народу вечная память», «Не так страшна административная машина, как ее экипаж», «Губернатор всегда бесконечно уважает чудовищный выбор жителей его области», «В области все идет хорошо, только мимо...», «Олигарх не воробей: залетит — не прокормишь», «У народа главные полушария защищены черепом, у губернатора — штанами», «Если голова у губернатора болит, значит, она есть...», «Ходить на работу в администрацию — к деньгам», «Если губернатор вас обманывает, значит, вы ему не безразличны».

Очень здорово эта система народных примет помогла Петровичу со многими делами разобраться, а для населения стала бесстрашной Книгой судьбы.

Губернатор и парадный подъезд

Нераздельность губернаторской силы в нашей области выражается в величественном, но типовом здании администрации. Никакие соображения и расчеты не могут оста-

новить стремление чиновников жертвовать всеми материальными ресурсами для украшения того, что так дорого и свято власти. А все потому, что только кабинет высококого чиновника является памятником сугубо общественным и каждый имеет побуждение оставить по себе такой памятник, не стесняясь в квадратных метрах, персидских коврах, ореховой мебели и дорогом евроремонте.

Встречает этот административный памятник величественным парадным крыльцом в стиле ампир. Здесь всегда тихо. Это потому, что губернатор, чуткий и внимательный к народным проблемам и чаяниям, предпочитает держать народ на почтительном расстоянии от власти. Народу же на пользу, ведь привычка к рабскому низкопоклонству граждан его всегда ужасает. Он презирает «холопов души», а потому вынужден принимать их унижение и низкопоклонство как должное и неизбежное, можно сказать — фатальное. Ему понятно, что поклоняются они его чину, богатству, а не достоинству и уму.

Соорудили в парадном подъезде лестницу из полированных гранитных плит, и народ сразу потешно кувыркаться со ступенек стал, ломая руки, ноги и шеи. Летом на ступенях скользко от дождя, зимой от наледи. Смотрит Петрович на кувырканья просителей из окна кабинета и видит в том символический смысл, вселенское зло, библейские ассоциации, мотивы высшего суда над суетливыми жалобщиками. А тут еще премьер-министр в наш город засобирался. Призадумался губернатор: вдруг сердешный премьер тоже с красного крыльца, поскользнувшись, полетит да оливковой, царственной лысиной о мостовую насмерть ударится? Скандал будет на всю Россию, да еще и в терроризме обвинят! Стало быть, надо срочно дать распоряжение, чтобы дорогие ступени выщербить. Всю ночь чиновники гранитные плиты стамесками ковыряют, молотками стучат, подошвами шаркают, проверяя, не скользко ли теперь? И одолевает Петровича хандра.

Петрович и ходоки

Просителей губернатор принимал только по старой ленинской традиции — быть простым и доступным народу. Беседу с ходоками, если она ни к чему не обязывает, считал самым лучшим упражнением для ума. А ум Петрович тщательно берег, иначе бы давно опошлится от общения с существами низкими и ущербными, коими являются не только просители, но и чиновники. Не успеет ходок-проситель шаг в приемную сделать, как Петрович сам ему жаловаться начинает на трудности жизни и коварство федерального центра, жадность его циничную и вечную дотационную мелочность. А секретарша от бумаг голову оторвет и укоризненно на просителя поглядывает, дескать, пришли утомленного государственными делами человека беспокоить по пустякам, время драгоценное отнимать.

Ходоков Петрович прекрасно понимал, ибо жизнь в области плоха, а иногда и хуже некуда. Но только он догадывался, что в этом и есть основной вопрос областной диалектики, можно сказать, ее подлый и натуральный генезис. Поскольку жизнь самого губернатора и его щедро окормляемых являла постоянный административный обман. Сама областная жизнь — базис. Административный обман — надстройка. И все из-за того, что на самом деле нет в нашей области хороших просителей, а есть только надежные и благодарные получатели.

Но что ни говори, а хорошо, когда для тебя люди-просители. Слушает Петрович, а сам на себя в зеркало посмотрит и скажет:

— А не хотите ли чайку с лимоном с дальней дороги попить?

Тут уж и вовсе от губернаторской душевности проситель теряется. Дрожит в его руке стакан в подстаканнике мелкой стеклянной дрожью, а другая рука сама жалобу мнет

и стыдливо в карман прячет. И уж будто не чай он пьет, а кирпич глотает. Прямо в душу просителю губернатор смотрит и сразу на чистую воду выводит.

Губернатор и серый кардинал

Всегда есть в администрации некто, чьи губы ближе всего к губернаторскому уху, а рука с нужным документом ближе других. Такое ощущение, что этот загадочный человек всегда у него сидит под столом или в сейфе ночует. Без его флюидов, симпатии и одобрения редкий проситель дойдет до кабинета губернатора и дверь тихо приоткроет, трясаясь на полусогнутых. Просто фантом какой-то. Имя призрака — серый кардинал. Каждое появление серого кардинала на публике вызывает уйму вопросов, домыслов и слухов. Многие считали таким серым кардиналом бывшую комсомольскую подругу Петровича — Дуракову. Однако все это — враки. Женский пол губернатор никогда не слушал, а белокурую, большебюстную Дуракову пристроил в администрацию ради административного равенства полов и плотских взоров чиновничьей братии.

У серого кардинала всегда есть мелкие недруги и завистники, каждый подло хочет занять его теплое место. Однако истребить можно конкретного человека, но не вечную административную функцию. На место павшего героя тайных дел и советов неизбежно встает новый наушник, как мифическая птица Феникс из пепла.

Долго ломал голову губернатор над этой политической загадкой, и решил Петрович, что будет лучше взять процесс на контроль да серых кардиналов потихоньку начать клонировать.

Ах, как бы было хорошо, если бы клонированный серый кардинал был покладистым и тупым, как начальник финансового управления, слепым и аморфным, как начальник налоговой инспекции, глухим и писклявым, как прокурор области, глупым и безыскусным, как начальник управления культуры, жадным и жестоким, как начальник соцобеспечения, свирепым и злым, как начальник по экономике, и таким же привлекательным, безотказным, как круглозаядая Дуракова. А если что не так — укол в голову. Авось на следующий биоматериал сгодятся.

Закипели пробирки в кабинете губернатора, засновали странные люди в масках и белых халатах. От пола до потолка все клетками да инкубаторами уставили. Не все сразу получалось. Вначале по коридорам франкенштейны какие-то ходили и на части разваливались. То нога на ковре лежит, то рука, а то и голова обезображенная. Или того хуже, идет вроде навстречу человек, а вроде пол-овцы.

Каков был на самом деле конечный результат, до сих пор неясно. Губернатору невыгодно в этом признаваться, аполитично и чреватое с медицинской точки зрения. Но из Госдумы коммунисты приезжали вкрадчиво справки наводить, дескать, если у вас все удачно прошло, помогите Ленина клонировать, великую идею снова в мясо и кости превратить, оживить, закартавить и весь мир насилия до основания снова разрушить. Но Петрович даже на такую уловку не попался. Так и заявил обескураженным ленинцам:

— Нет у меня, удачно клонированного серого кардинала и не было никогда. А что лаборатория работает, дым идет и ученые как угорелые взад и вперед снуют, так то философский камень ищем, золотовалютный резерв страны задарма восполнять, без всякой торговли невозполнимыми углеводородами и прочими природными ресурсами.

Губернатор и римское право

Очень уважал губернатор исторический опыт. Считал, что все мы сидим на плечах великих предков, потому и дальше видим, даже в солнечных очках. Петрович точно знал, что сам он на закорках у Цезаря неплохо устроился, что правильно право и власть понимает. Отсюда и здравые выводы делал: все, что принадлежало каждому жителю об-

ласти, принадлежало Петровичу. Да и каждый местный индивидуум с потрохами принадлежал губернатору.

Конечно, Петрович понимал, что его подданные тоже в некотором смысле люди. Это чтобы каждый знал и помнил: хочешь жить хорошо — будь преданным губернатору. И постоянно совершенствовал право собственности путем рейдерских захватов.

Конечно, римское право отрицательно влияло на психологию Петровича, провоцируя жестокость, презрение к труду, алчность, отложенную месть и судороги в падучей. Часто каждого десятого нерадивого представителя малого бизнеса он публично подвергал децимации. Радивых же бизнесменов лично кормил капустой, считая, что только этот овощ воспитывает экономическую отвагу и кредитную безрассудность.

На выборы практиковалась раздача народу печатных пряников и нефilterованного пива. Когда он прилюдно клялся, что полностью газифицирует всю область, то, как знаменитый Сцевола, смело возложил правую руку на газовую горелку и терпеливо сносил боль, пока аппетитно не запахло жареным мясом, а народ в ужасе не разбежался.

Однажды он явился на Госсовет в пурпурной тоге, но другие губернаторы почему-то не поняли Петровича и выставили за дверь, дескать, сауна у нас в подвале находится.

На торжественных обедах Петрович не сидел, а возлежал в центре стола, часто вытирая жирные руки о лысину услужливого пресс-секретаря. Это был особый знак губернаторского доверия, немногие удаивались такой чести. Пищу, как и древние римляне, Петрович опрыскивал туалетной водой «Олд спайс», считая простой вкус блюда вульгарным и обыденным. Чтобы освободить переполненный желудок для дальнейшего чревоугодия, чиновники щекотали друг другу глотки павлиньими перьями, а когда все павлины в нашем зоопарке остались без хвостов, то в дело пошли пучки сухого чертополоха.

Однако на административных пирах строго соблюдалась умеренность в возлияниях, и было принято разбавлять крепкий первач лебедянскими соками. Из римского права пришла и традиция проводить политические и экономические дискуссии в большом общественном туалете администрации. Решать, так сказать, сложные вопросы в неприужденной обстановке, на унитазах из каррарского мрамора.

Особенно любил губернатор триумфальный въезд в город после очередной сельскохозяйственной победы. На запятках, как обычно, стоял министр сельского хозяйства и холуйски держал над головой триумфатора венок из свежей картофельной ботвы. К колеснице были золотой цепью прикованы проштрафившиеся в битве за урожай главы районных администраций, проворовавшие директора совхозов, гастарбайтеры-молдаване, а поодаль, в полном соответствии со славными традициями римского права, за колесницей трусцой бежал назначенный законодательным собранием оппонент — исполняя о Петровиче сатирические куплеты и всячески понося триумфатора. Более удачный плюрализм трудно себе представить.

Петрович и вопросы морали

Признаемся честно, что развитие нашей области, а уж управление ею и подавно всегда сопровождалось критикой отдельными сволочными оппонентами губернатора. И хоть поставь каждому из них по монументу, все равно критиковать будут, во всем никому не нужную мораль искать. Однако Петрович справедливо считал людьми экзотическими и вредными не тех, кто излишне морализирует или мораль вовсе отрицает, а тех, кто ее признает абсолютной. Да и как иначе: коли существуют противоречия между областным правом и областной же моралью, неизбежна и суровая реальность — переходящая по наследству от губернатора к губернатору власть, а значит, обеспечен прогресс всего позитивного и прогрессивного.

Чтобы уместить областную мораль в шаткое прокрустово ложе областного права, Петровичу пришлось сильно ее укоротить, умять, утрясти и посушить. А разумное укорочение морали во благо всей области сродни действию добродетельному и поступательному. А ежели ее можно укорачивать, значит, мораль подвижна и меняется вместе с обществом. Тут целесообразность — фундаментальная вещь. Кто запретит прокурору отдавать преступников в наш зоопарк, на растерзание диким зверям? И преступников нет, и звери хорошо питаются. Кто запретит Дураковой поджечь главный город области? Сколько места для новостроек освободится. Земелька в городе под строительство дорогая, стало быть, казне будет большой доход, да и чиновники на этом полакомятся. Так размышлял Петрович, стоя вечером у окна своего кабинета. Он видел, как постепенно загораются городские окраины и пляшет по реке большой огонь. К счастью, пока это были лишь обычные городские огни.

Феномен власти Петровича

Чуял Петрович, что он перестанет быть губернатором только после того, как получит известие о собственной скоропостижной смерти, может быть, даже в страшных судорогах. Как так? Да так, и такому странному явлению есть поучительный пример: послал губернатор одного налоговика в заграникомандировку на годичное обучение — опыт цивилизованный мытарский перенимать. Уехал чиновник совершенно счастливый, а жена его, во время мужниного отсутствия, ребенка здорового родила, правда очень черного. Стало быть, возникает законный вопрос: как она могла родить ребенка, ежели благоверный отсутствовал и участия в детородном предприятии не принимал? Более того, живым из заграницы так и не вернулся. Напился после защиты иностранного диплома, можно сказать, с горя — домой, вишь ли, страшно не хотелось ему возвращаться, оттого и помер от огорчения прямо за столом в ресторане, объевшись каракатиц да виски халявного опившись. Несчастливая жена получила скорбную телеграмму и стала вдовой с лялькой на руках. А если бы она не получила этой телеграммы? Она бы так и не узнала, что стала вдовой, и продолжала оставаться женой налоговика, в то время как мужа давно нет в живых! Выходит, действительно вдовой она может стать только в момент получения известия о смерти мужа. И не иначе.

Так как же может губернатор перестать быть губернатором, если он жив и телеграммы о своей отставке или смерти не получал? Кто скажет здравствующему Петровичу, что он уже усоп или должность потерял? Конечно, губернатор более сложный областной феномен, чем объевшийся каракатиц и опившийся виски несчастный налоговый и его продувная, веселая вдова. Их бытие социально, а бытие Петровича определяет момент власти — управление и право на это управление. С первым понятно, управляет Петрович всем и вся будь здоров!

А вот с правом большая накладка вышла. Злые языки в нашей области, безрассудно называющие себя оппозиционерами, часто толкуют право ею управлять как общественный договор. Дескать, Петровича на второй срок губернаторствовать президент назначил, а жители области так не договаривались ни с президентом, ни с Петровичем.

Однако сие еще больше свидетельствует, что живой губернатор не может получить известие о собственной смерти и отставке. Ведь не было никакого уговора! Вот и сидит у власти Петрович много лет, в ус не дует, на собственные политические и прочие похороны деньги не откладывает, смертное в сундуке под кроватью не держит, домовину сандаловую гробовщику впрок не заказывает.

Есть, правда, третий момент власти — обязанности. Но коли второй, то бишь общественный договор на отправление власти отсутствует, то какие обязанности могут

быть? С него и взятки гладки. Даже президент обязанности выполнять не заставит, пока сам Петрович этого не захочет. Придут, бывало, к Петровичу ходоки от мелких политических партий, странный вопрос задают:

— Ты что тут, Петрович, в кресле сидишь да нами управляешь, мы так не договаривались!

А губернатор усмехается:

— Хватит не по делу бухтеть, будто не знаете, что культура наша политическая еще не до конца развита — тяжелое наследие социализма, стало быть, архаичная. А потому велика и всеобъемлюща у нас роль вождя племени. И республика у нас оттого президентская, а не парламентская. Сказал же вам ясно президент: парламентская республика для нашей страны — сущая смерть! Стало быть, власть моя важная, символическая и сакральная. Местами — божественная. Я в глазах жителей области должен почти магическими способностями обладать: лечить на расстоянии, тучи разгонять, засуху и наводнения предотвращать, помечать своим мускусом новые экономические территории да по возможности покрывать как можно больше здоровых самок, честно выполняя нацпроект по демографическому росту населения.

— А как же символическое съедение вождя? — с надеждой в голосе обронили потерявшиеся политические оппоненты-ходоки. — По древнему скифскому обычаю ритуально съедают тело старого вождя, чтобы вместе с ним навсегда оставить в прошлом недород, пожары, необоснованные репрессии, падение цен на пеньку на мировых рынках и прочие неприятности. Мы дрова уже давно припасли и приправы душистые импортные, место для кострища удачно выбрали.

— Дудки, — ласково сказал им губернатор, — меня теперь только Верховный вождь может съесть, и то по протоколу, а он у нас вегетарианец по фамилии, если, конечно, не шатун.

Однако знал Петрович, что нельзя требовать от народа абсолютной лояльности и приятия его губернаторской власти. Только глупцы оппозиционеры негодуют и сердятся оттого, что надеются на неизбежные, в их понимании, перемены после отставки губернатора. Петрович на самом деле догадывался, что нельзя полагаться на свое губернаторское могущество: сильные гибнут прежде всего. Нельзя полагаться на нажитые во власти деньги: проходит время, и они растратятся в детях, внуках, племянниках и кумовьях. Нельзя полагаться на повиновение клеветников и слуг: их перекупят, они рано или поздно послушаются, неизбежно обворуют, сбегут, а то и подло ударят в спину. Нельзя добиваться однозначного расположения столичных чиновников: оно очень изменчиво и призрачно. Нельзя добиваться благосклонности президента: между милостью и казнью порой не бывает паузы. И уж тем более нельзя полагаться на собственные обещания: в них нет правды. Губернатор — душа власти в области. А власть не имеет пределов. Так почему же должны быть отличны от нее свойства человека? Когда ты великодушен, стоишь выше радости, выше печали, то и люди тебе не причиняют вреда, а живут только для губернаторской пользы.

Губернатор и коррупция

К взяткам в нашей области подходят тактично и прагматично, как в любом примитивном, в хорошем, народном смысле, обществе. Да и почему в нашем административном слое не может быть места такому традиционному обряду, как солидная взятка? Не так давно это блестяще подтвердил громкий судебный процесс. Глава одного из наших славных районов попался с поличным. Губернатор похлопотал за друга, и взятчику дали условный срок. А все почему? Да по причине сохранения культурного слоя, из ува-

жения к его насущным традициям. На суде чиновник клялся и божился, что деньги взял с коммерсанта за разрешение на строительство торгового центра, не себе в карман, а на дело благое — строительство церкви. И местный батюшка, отец его духовный, на сей процесс пришел прямо в рясе бородой трясти, мужей судейских стыдить и увещевать ради спасения своего доброго чиновника-прихожанина.

Но суть даже не в том. У нас четыре официальных конфессии мирно сосуществуют и официально утверждены в правах своих. Стало быть, этот чиновник может еще не раз лапу для взятки раскрыть, скажем, на строительство мечети, синагоги или буддийской ступы. Однако этот случай, как считает наш губернатор, вовсе не характерен для всей области, поскольку не выходит за пределы традиционной этнографии с ее обрядами и ритуалами. Больше всего Петровичу нравится определение взятки как некоего «самопроизвольного вознаграждения». Разве коррупцию с таким определением победишь?

Кроме того, между чиновниками нашей области бытуют весьма отстраненные отношения, недоверие на почве интересов карьеры, зависть у кассы, где они получают зарплату, разная степень блага и привилегий. Так постепенно складывается замкнутый круг отчуждения и отчаяния. Рутинна на службе, рутинна в досуге, тяжкое бремя нужды или очень скромного достатка. Стало быть, как резонно размышляет губернатор, борьба с взятками может привести к массовым самоубийствам как чиновников, так, из солидарности, и ходатаев. Но мы ведь не в средневековой Японии живем, где самоубийство считалось подвигом! И в столице сие хорошо понимают, недаром такой уведомительный закон о коррупции приняли. Чиновник якобы сам себя от взятки одернуть должен, не ведая, что творит рука берущая и рука одергивающая, а не в тюрьму садиться. И правильно, вдруг взятку взять не успел, а уже судят, непонятно за что.

О подарках начальству теперь надобно честно докладывать, а покрупней дары — самому у себя выкупать, в виде публичной оферты. Стало быть, брать взятку сразу в тройном размере, на подарок, аукцион и на выкуп подарка. А прежде всего на себя губернатору честно донести, о меркантильных намерениях, да на бедных своих родственников донос написать, путем подачи декларации о доходах и недвижимости всех домочадцев. И кто скажет после этого, что чиновники у нас бессовестные и не законопослушные? К Петровичу, как закон справедливый вышел, сразу подчиненные в очередь на прием выстроились с доносами на самих себя, коллег и домочадцев. Целые романы со страху настрочили, многие иллюстрации пикантные вклеили, прямо с камер скрытого видеонаблюдения. Скалькулировал Петрович их незаконные доходы и сказал радостно:

— Ваши незаконные доходы больше бюджета области будут, и если мы их задекларируем, в один миг ВВП удвоим и утроим раньше срока, намеченного правительством. Ведь кризис взяткам не помеха, они только растут в период кризиса.

Вот какую стратегическую и экономическую пользу в нашей области коррупция обрела. Лелеять, возвращать и уважать ее народу без конца требуется, впредь на подарочные подношения чиновникам не скупиться.

Губернатор и цензура

Смешно в нашей области жить без цензуры. Ибо она понятие скорее геометрическое, нежели политическое, некий вопрос строгих и обязательных духовных пропорций. Запретить цензуру — значит запретить хороший литературный вкус Петровича. Да и многие редакторы областных СМИ гораздо репильнее, подозрительнее и твердолобее нашего справедливого губернатора. Никто им указаний сверху давно не дает, никто в корзину с рукописями не лезет. Но степень природной пугливости у них с каж-

дым днем растет, зрение чрезвычайно вострит на разного рода подозрения в нелояльности к власти. Порой до смешного доходит: принес штатный фотограф в газету снимки, где губернатор на сельскохозяйственной выставке с животинкой в вольере мило отображен. А главное — подпись к фотоснимку сочинил точную: «Наглядно было, где корыто и рыло». Хорошая подпись получилась, свежая по форме, да еще и в рифму. Но боязливый редактор так засомневался, что подпись зарубил и даже фотографию позитивную от страха с газетной полосы снял. Между прочим, сей акт трусости и произвола редакторского на самой газете отразился. Фотографию пришлось другую подбирать. А попробуй свинью без губернатора найти! Подобрали первую попавшуюся, из архива редакции, в типографию срочно послали, но при монтаже газетной пленки, уже глубокой ночью, выпускающий с неожиданной проблемой столкнулся: новая фотография была на два сантиметра короче, чем отведенное под нее окно на газетной полосе. Пришлось перьевой ручкой с черными чернилами, прямо на пленке, свинье ноги дорисовывать. Нарисовал, как смог, оттого свинья в газете стройная получилась, как хорошая борзая.

Не раз Петрович пенял горе-редакторам, выказывая единственно правильный взгляд на цензурный вопрос:

— Цензура — это такой же натуральный общественный продукт, дающий покой и защищающий народную чувствительность от игры большого воображения и отравленного ума некоторых порой не в меру деятельных писак!

Так посредством цензуры областная власть идентифицирует себя с народом, узнает сама себя и очень удивляется. А может и вовсе на отдельные личности перейти. Важно не терять классовое чутье. Следовательно, лучший и совершенный вид цензуры — убийство. Нет противного писак — нет проблем. Одного зловредного журналиста губернатор лично убил обыкновенным молотком, чтобы выглядело преступление как заурядная бытовуха. Целый месяц его в подъезде караулил и набросился с диким воплем:

— Тварь я дрожащая или право имею?

Прокуратура в действиях губернатора состава преступления не увидела. Ведь действовал он в состоянии цензорского аффекта, исключительно в целях административной самообороны. Более того, отважный поступок губернатора вдохновил местных мастеров кисти и резца на создание многих художественных произведений.

Как Петрович языки смешал

Много из нашей области в столицу жалоб не по делу пишется. Строчат злопыхатели обиженные, перья попусту тупят, желчь на бумагу изливают. Да как жалобы писать запретишь?

— А ты, Петрович, большую башню начни возводить, — дельно посоветовал ему вице-губернатор попугай, — глядишь, языки смешаются, и жалоб не будет. Как жалобу подадут, коли ее прочитать нельзя?

— Ино так, — рек губернатор, — должно быть, строительство вавилонской башни — дело в нашей области не случайное, а исторически неизбежное. Рабочих найдем, сколько вон безработных у нас кризис наплодил, и гастарбайтеров приглашать не надо. Но на какие шиши стройматериалы закупить? Как зарплату столпотворцам платить?

— Башню из земли можно построить, все равно потом рухнет. Из праха возведем, в прах она и превратится, — вслух размышлял попугай, — а под зарплаты добьемся федерального финансирования, объявим башню нацпроектом.

Мудрый помощник — попугай! Стали они вместе постройку обосновывать. Бизнес-план для столицы сочинять. Дескать, настала пора воплотить и в обыкновенной

российской области Божие проклятие! Может, в других регионах жители тоже убоятся да в столицу жаловаться перестанут, у высоких чиновников не будут время попусту отнимать. Да и само строительство башни — тяжкий труд и отвлечение населения от антигосударственных мыслей. Вкусы и убеждения у всех жалобщиков различны, и индивидуальные колебания чрезвычайно сильны — но логика подлая у всех одна, и заключается она в том, чтобы любой ценой свалить губернатора! Пусть в столице поймут, что это логика вконец одичавшего областного человека или преступной группы лиц, и осудят богоборчество с местной властью.

— Хороший проект, Петрович, — одобрительно, по-приятельски похлопал по плечу губернатора добрый министр соцразвития. — Да запоздал он малость, языки в наших регионах давно естественным образом перемешаны чиновничьим жаргоном, административной феней. Жалобщиков мы уже и так не понимаем, а потому президентская администрация все жалобы вам же в регионы и спускает. С припиской «разобраться на месте по существу». Не зря же такая приписка фигурирует. Пойди пойми это существо.

Стушевался Петрович, вроде как оконфузился. Однако есть признаки, что все же строительство башни Петрович тайно вел. Об этом свидетельствует самая высокая географическая точка нашей области — Галичья гора, которую жители ошибочно считают памятником природы, капризом геологического периода. В пользу этого довода красноречиво свидетельствует большой каменный уступ — язык на самой ее вершине. Язык этот явно рукотворный, потому что очень правдоподобно выглядит. Считают, что именно таким образом Петрович отомстил столице, показав ей каменный язык. Очевидно, за обидный отказ профинансировать столпотворительную стройку.

Губернатор и Общественная палата

Очень не хотел Петрович Общественную палату в области открывать, считал ее данью изменчивой гражданской моде. В самом деле, если разобраться по существу, структура эта весьма бесполезная, чисто формальная, поскольку гонору и понтов у ее членов будет не меньше, чем у поднадоевших народу депутатов, а при этом реальных полномочий — никаких. Вроде как Общественная палата должна за исполнительной властью, то бишь губернаторской, все время приглядывать, журить, одергивать ее от поступков неразумных. А сие и вовсе смешно. Петрович на депутатов-то давно забил, а у Общественной палаты и вовсе руки коротки ему указывать. Как мудро изрек однажды Петрович по поводу полномочий региональной Общественной палаты:

— Не дай Бог теляти волка поймати!

Однако в столице настояли, дескать, открывай, и все, не позорь область перед европейскими институтами демократии. Надобно видимость гражданского контроля над властью продемонстрировать. Да что ж не открыть, коли половину членов палаты губернатор сам набирает, на свой вкус и прикид. Лишь бы они совершеннолетними были, желательно дееспособными, а сам этот гражданский орган лучше сделать, на всякий случай, малопонятным и загадочным. Конечно, пока с Общественной палатой какой-нибудь громкий скандал не случится. Но это вряд ли. Народец в Общественную палату Петрович подобрал смиренныйкий, с полуслова его понимающий. Едва Петрович рот начнет открывать, а они уже по губам читают, расшифровывают, соревнуются между собой, кто лучше слова губернатора угадает. А Петрович еще больше издевается над ними. Постоит с раскрытым ртом, огласит зал нечленораздельными звуками, рожу страшную скроит и уйдет прочь, сочно на паркет плюнув.

Странно, но только один вице-губернатор Тихонич такой Общественной палатой сильно возмутился:

— Наша Общественная палата — коллективный советчик бюрократии, адвокат ее, оголтелый, а не маленький добрый кулачок, который должен пропихивать хорошие дела!

— Да ты же их сам набирал, за взятки по моему поручению, что же на кулачки теперь пенять, — успокоил его Петрович. — Эта палата, по сути, хорошо забытый советский народный контроль. А народный контроль всегда таким был. Вспомни молодость и беззубые комитеты советского народного контроля! Общественная палата — это вообще бородастая притча о народной зависти и позитивном мышлении начальства, организовавшего эту отдушину. Стало быть, у нас у каждого своя Общественная палата, и начинается она в голове.

— Да что же с ними делать, Петрович, коли даже видимости работы в них нет, симуляции полезного действия? Неудобно как-то.

— Ты их вопросами армянского радио озадачь. Это ведь на самом деле не вопросы армянского радио, а актуальные вопросы нашей областной жизни. Пусть на них и отвечают, а заседания палаты в темноте проводи, дескать, энергосбережением заниматься пора, а на энергосберегающие лампочки денег пока в бюджете нет.

И вправду, очень оживилась после этого работа палаты. Сидят важно в полной темноте, друг друга по голосам, шорохам, прочим физиологическим звукам угадывают и на актуальные вопросы армянского радио дружно отвечают. Хохочут, а если дверь внезапно скрипнет, зайдет кто, обступят гостя в кромешной тьме, ощупывать и угадывать начинают. Если бизнесмен, то и карманы почистят на социальные проекты. Тут главное, перво-наперво, пол ощупываемого определить, чтобы быстрее карманы найти и выпотрошить. На юбке-то карманов нет. Один раз самого Петровича повалили на пол и чуть до смерти не защекотали. Но больше ничего от него не добились. Поскольку губернатор всегда, прежде чем в Общественную палату зайти, карманы суровой нитью зашивает. А то и вовсе голышом заходит. С голого чего возьмешь?

Отцы и дети

Своих детей губернатор в строгости воспитывал, сизмальства к труду подневольному приучал, чтоб барчуками не росли, и всякий труд детей губернатора был почетен и полезен. Сына, как только тот в первый класс пошел, Петрович спровадил подмастерьем в прокуратуру, учиться дела шить. Чтобы чадо после уроков без дела на улице не болталось, дурных привычек не хватало, клей не нюхало и у других мальцов мелочь на завтрак не отбирало. Не то чтобы он сам профессию для сына такую трудную выбрал, просто когда наследника еще в байковом конверте из роддома принесли, кто ни посмотрит на него, радостно восклицали:

— Ой, как на районного прокурора похож, вылитый!

Так и сглазили. Сын смысленный оказался, основательный, в прокуратуре не всякую мелочь в работу брал, а все больше всяки. Конечно, как сынок подросток, высшее юридическое образование запросто получил. Прокуратура отправляет ежегодно десяток отпрысков-счастливчиков в юридическую академию по спецнабору. Причем вполне официально это делает, якобы для прокурорской службы в области кадры готовит. Потому в наших краях нынче целые прокурорские династии вольно бытуют на ужас обывателю. А на прокурорских детях, известно, природа порой сильно отдыхает. Губернатор, таким образом, не сына в теплое прокурорское креслице пристраивал, а дурную прокурорскую наследственность свежей народной кровью разбавлял. Можно сказать, родительский подвиг во имя торжества Закона совершил, пожертвовав собственным дитятей!

Дочь губернатор тоже не баловал. Она на всех школьных каникулах в турецкие бани работать ездила автостопом. И на море отдохнет, и деньги родительские сэкономит, и на славу поработает. В банях она гигиену тщательно изучала, опыта в столь полезной области лихо набиралась. Петрович считал, что эта самая важная в сегодняшней жизни наука будет, ибо кругом ходит очень много грязных денег.

Петрович и фестиваль масок

Нравилось губернатору в разных образах окружающему миру являться. Оттого решил он классику маскарада познать. А где самые лучшие маскарады проходят и славятся на весь мир? Конечно, в старой доброй Венеции. Купил Петрович турпутевку да и махнул на две недельки в городе на воде пожить, маскарад подробнее изучить, во всех премудростях и деталях. Однако привезли туриста-губернатора на отдых не в саму Венецию, а в отель на Адриатическом море, километрах в тридцати, от чудо-города.

Возмутился Петрович, подбегает к туроператору и претензии высказывает:

— Что за черт, я же в Венецию ехал, а вы меня на какой-то вшивый курорт поселили у итальянского черта на куличках!

А туроператор ему неожиданно отвечает:

— В Венецию мы только на экскурсию отдыхающих возим, а живут они в нормальном отеле на побережье, где есть пляж, водные горки, казино. Отдыхай — не хочу. А индивидуальный тур вы не заказывали.

Не угомонился Петрович, не на пляж он ехал адриатических акул кормить и не водные горки плавками протирать. Достал бумажник да и снял на две недели в самой Венеции мраморную виллу. А передвигаться как? Кругом одна вода. Пришлось арендовать на две недели самое доступное средство передвижения, можно сказать, доступное венецианское такси — гондолу. Понятно, что абы какую брать славному российскому губернатору — не солидно. Зафрахтовал он самую большую гондолу, на шесть гребцов. Да еще упробовал местную полицию мигалки на нее поставить, по привычке. Не дешевое это, прямо скажем, удовольствие — двести евро в час. Да к тому же еще профсоюз гондольеров крепко озадачил Петровича. К такой гондоле, видишь ли, аккордеонист по штату полагается. Народные итальянские песни орать. Бери — и все тут!

Делать нечего, пришлось Петровичу гондолу с аккордеонистом нанимать на все две недели. Сдружились они за это время, не разлей вода. Петрович по русскому обычаю весь плавсостав гондолы все две недели поил и кормил от пуза. Точно так же, как своих шоферов в облдминистрации. Итальянцы быстро наши порядки просекли, все две недели мраморная вилла гудела в затыжном запое на диво всей Венеции. Аккордеонист уже на русские песни перешел, Петрович его живо научил. Сказал веско, дескать, пой, что я хочу, и тут же в глаз дал. Славно итальяшка тенором «Ой, мороз, мороз!» наяривал!

Даже на фестиваль масок Петрович не попал, проспал, можно сказать, хоть гондольеры ему для этого случая костюм домино подарили и маску чью-то, вроде как посмертную, вроде с чердака этой же виллы.

Очнулся Петрович ровно в день отъезда. Помнил он, что последняя экскурсия по его турпутевке — на остров Мурано, где знаменитый венецианский стекольный завод пыхтит. Там все туристы должны собраться, сувениры бакалейные купить и на маршрутном катере в ближайший аэропорт на материк поехать.

Успел Петрович, а то бы, не ровен час, и на родину не вернулся. Подплывает, значит, эта великолепная гондола ко всей туристической группе, гондольеры еле веслами гребут от русского загула, аккордеонист с фиолетовым фингалом под глазом молча за борт свесился и прямо в Голубой канал блюет.

Высадили Петровича гондольеры и кричат ему на прощание с большим чувством восхищения:

— Прощай, русская мафия, ты самая лучшая в мире!

Губернатор и экономика

Общеизвестно, что наша область экономически только на двух ногах стоит: соломенной и чугунной. Это потому, что доходы есть только от металлургии и отчасти — сельского хозяйства, если китайцы чугун купят, а мороз озимые не побьет или жучок не поест. Преодолеть такую однобокость и другие отрасли развить должна была Особая экономическая зона. Стали инвесторов-резидентов зазывать. Вот и зачастили в область иностранные делегации. А жителям области каких только инвесторов не обещали. И завод «Фольксваген», и завод «Электролюкс», и завод по производству биоэтанола — тринадцать тысяч рабочих мест посулили народу. Вот славно, и от дорогой нефти зависеть не будем, автомобили да трактора прямо на растительном масле бегать начнут, ну чем не вечный двигатель!

Одним словом, создавалось впечатление, что инвесторы в нашу область в очередь стоят, у губернаторского кабинета топчутся с мешками долларов и евро, ждут, кого он первым пригласит. А под это дело миллиардные бабки из федеральной казны стали вытаскивать, вроде того, что правительство обязано экономическую зону лелеять и финансировать. Под шумок солидное здание управления зоной отгрохали, дорогу шикарную построили, можно сказать — в никуда. Ведь ничего вокруг нет, а управляющий зоной с чиновниками уже тут как тут! Сидят себе в теплых кабинетах с евроремонтом, презентации сочиняют, обильные фуршеты устраивают, под которые тоже деньги из бюджета вытаскивают.

Прикольный завод стекольный

Один только какой-то заезжий российский денежный мешок стекольный заводик в экономической зоне построил. То бы и вовсе крах губернаторскому экономическому проекту. Увлек его Петрович идеей область стеклянным куполом накрыть. Аквапарк устроить на весь регион да мини-тропики, чтоб по четыре урожая кукурузы в год собирать, чтоб цыплаки размером со страуса были, а хрюшки — с бегемота. В реках махом вырастет папирус, стало быть, лес на бумагу не надо будет рубить, и полиграфическое дело в гору пойдет. Орхидеи круглый год цвести будут на радость и доход цветочным магазинам. И не бесхозный камыш, а тростник сахарный попрет. Пряники с патокой будем есть и ром экспортировать. А там, глядишь, туец расплодится да лобстеры с устрицами прямо на берег поползут из Матырского водохранилища.

Открывали этот стеклозаводик, то бишь новую особую экономическую зону... три раза. Даже вице-премьера одурачили, он на одно из таких дежавю ленточку разрезать приезжал. Только вдруг восстали против завода местные жители, говорят, что в рабочем поселке дышать совсем нечем от стеклянной пыли. Раз в месяц дорогу к нему жители перекрывают, под машины ложатся и милиции не боятся. Дело дошло и до близлежащей железной дороги, ее тоже жители своими вредными телесами перекрывали. Перед поездом Волгоград—Санкт-Петербург целых сорок минут на рельсах пролежали. Пассажиры тоже оказались плохими людьми, вроде в родной город опаздывают, а демонстрантам стали вдруг предательски сочувствовать, даже продукты из окон передавали.

Однако такое безобразие Петрович быстро пресек — омовцев с резиновыми дубинками на капризных демонстрантов спустил. А после райсуд протестантам кипу

административных штрафов понавывписывал, по пять тысяч рублей с каждого протестующего носа.

Но жители до сих пор не унимаются и недавно газопровод на завод ночью гранатой взорвали. Зарево такое полыхало, что подумали, третья мировая началась. Не понимают, стало быть, своего экономического счастья. Да еще главный налоговый власти пресс-конференцию устроил, на которой неразумное слово вякнул: первое предприятие ОЭЗ — стекольный завод — заплатило налогов за текущий год четырнадцать миллионов рублей, а получило возмещение НДС сто пятьдесят миллионов рублей.

— Вернули бизнесменам в десять раз больше, чем они отдали в бюджет, — злобно прокомментировал мытарь. — И так будет пять лет, пока льготный режим особой экономической зоны действует. Зачем все это затевали?

— Провокатор! — только и бросил ему в ответ сурово губернатор. — Ты дальше собственного носа ничего не видишь!

Теперь вот Петрович, с грехом пополам, второе предприятие в зоне строит. Но на этот раз очень полезное — комбинат искусственного лыка. Будет точно вся область в лапоточки обута и природа спасена. Лыко пока с живых деревьев дерут школьники на зимних каникулах.

Губернатор и вопросы областной истории

Впрочем, драматические перипетии создания Особой экономической зоны Петровича мало беспокоили. Потому, как из этой коллизии возникал лишь один вопрос: заслуживает ли наименования ряд событий, лишенных плана и цели. Стало быть, сие строительство экономической зоны — вопрос не экономический, а исторический. Явление Особой экономической зоны может носить исторический характер только в том случае, если оно оказывает влияние на человеческую деятельность губернатора, а если таковой нет и нет определенного результата, значит, и беспокоиться не о чем. О казусе с экономической зоной, растраченных бюджетных миллиардах неизбежно забудут. Проверяющие финансовые органы подкупят или запугают.

Для губернатора областная история — объект индивидуального созерцания. Из его представления о событии и формируется ход событий, заслуживающий стать частью областной истории. Конечно, недоброжелатели губернатора все время возражают: а объективна ли вообще областная история, коли представление о ней формируется индивидуальным сознанием Петровича?

Однако губернатор оппонентам справедливо указывал, что формирование истории и есть продукт индивидуального сознания и напрасно ждать объективности, поскольку областная история — не всемирная и может быть только прагматической. Стало быть, областная история — лицедейство, где каждое действующее лицо играет свою роль совершенно свободно и по своему усмотрению. Например, придумал писатель Ошалелов князя Липецкого, вокнижил его в исторический роман и попробуй теперь докажи областному обывателю, что никакого князя не было. Так и губернатор дал задание найти исторические предпосылки создания экономической зоны на предмет областного обоснования. Для чистоты эксперимента пригласил специалиста со стороны — археолога-гастарбайтера из Луганска, некоего Баранчука. И начал чудо-археолог Петровичу артефакты поставлять. То скифскую принцессу откопает в позе роженицы, то византийский стеклянный кувшин с украинской горилкой, то с помощью георадара летописный Елец определит и установит, что Тамерлан от Ельца повернул из-за любви к местной княжне. Дескать, нашел георадаром остатки берестяной грамоты, в коей княжна алименты с хромоногого сатрапа требует. А недавно готский кожаный сапог в навозе откопал. Прямо на палке в кабинет Петровича победно принес и заявляет:

— Этому сапогу не меньше полутора тысяч лет!

Губернатор только нос пальцами зажал:

— Ты, что мне всякую хрень тащишь из нашей матушки-земли, такие женские сапоги я тридцать лет назад в облторге по благу жене покупал! Ты мне экономические факты развития производства на нашей территории ищи!

Обиделся Баранчук и еще сильнее дерьмовым сапогом размахивает:

— Этот сапог и сохранился хорошо, потому что в навозе лежал. И показывает он, как ремесла хорошо в области были развиты, чем вам не экономический факт! К тому же готский сапог напрямую доказывает, что область нашу прежде готы населяли, стало быть, вправе мы с немцев инвестиции требовать на возрождение их исторической родины...

Так Баранчук, в очень короткий срок развил бурную гробокопательскую деятельность. Даже предков Пушкина откопал. Нанял на деньги Управления культуры кооператив по лозоходству и мигом утраченные захоронения отыскал. Злые языки говорят, копал не в том месте. А он, в ответ выставку с раскопок в краеведческом музее жуткую организовал: полуистлевшие гробы, черепа и кости. Если есть гробы и кости, стало быть, в сознании обывателя есть теперь и предки Пушкина. Просит теперь деньги на торжественное перезахоронение. Только череп предка из музея куда-то пропал. И это вам не хухры-мухры, а основная особенность истории, которая соединяет свободу лицейства археолога и областную необходимость иметь в своем прошлом пушкинские корни. И дом предков Пушкина в городе нашел, почему-то по документам построенный неким генералом Губиным.

— Все это враки, на колоннах дома отпечатки пальцев самого Пушкина остались, и наша милиция это подтверждает, — нагло заявил местному телевидению Баранчук и даже письмо в столицу отписал, прямо в телестудии, с просьбой дом реставрировать. Так на ремонт этого дома больше двадцати пяти миллионов из казны выбил.

Петрович и демократия

Предвыборные обещания наш губернатор всегда выполнял. Наобещает, кажется, с три короба, а все равно исполнит. На основе этих обещаний, между прочим, нечистоплотные люди лохотрон придумали. Модель использовали и концепцию, внесли только новый элемент большой обывательской жадности и умело им манкируют. Дело ведь не в обещаниях губернатора, а в жадности народа. Это электорат хочет, чтобы Петрович обещал, губернатора смущает. А глас народа — глас Божий. Пообещал губернатор бассейнами да аквапарками область обустроить — в каждом районе теперь кой-какой бассейн есть, хоть и мини, вроде джакузи, но при нем обязательно небольшой же аквапарк с крокодилами и пираньями, вроде как натуральные тропики в нашей не избалованной теплом, очень средней полосе России. Пираний теперь у нас, как бычки в томате, продают, балыки коптят, а кожа крокодила на гамонки сгодилась.

Пообещал губернатор первым в стране закон о самоуправлении ввести. Ввел, а денег на местах как не было, так и нет. Местные власти выкручиваются, как могут. Со всех бюджетников безответных чуть не ползарплаты каждый месяц назад в кассу забирают под видом благоустройства территорий. Или учителям в районах зарплату водкой выдают. Все равно мужья пьют от безработицы и безысходности. Даже покойника из села не на что до кладбища довезти. Но Петрович не унывает:

— Не беда, селяне, вы свой рубль в районную казну принесите, а я свой добавлю. Так покойник до кладбища и доедет...

Принесли бабки и деды рубли последние, нашли в сундуках да за образами, любят простачками прикидываться. А Петрович тоже не прост, карманы у гроба наизнанку вывернул: нет, дескать, денег.

Хождение в народ

Любит наш губернатор в простой народ ходить, его чаяниями и нуждами интересоваться при отсутствии прочего бюрократического аппарата. Очень сильно этот хитрый аппарат искажал эстетическое отношение губернатора к действительности. Это еще Чернышевский Петровичу открыто пенял на ежегодном саратовском авиашоу.

Губернатор доводам классика внял и в народ стал похаживать. Ну, скажем, нарядится Петрович бравым гаишником, встанет на Петровском спуске и давай бабки сшибать за превышение скорости. Или придет в черной форме судебного пристава на какую-нибудь фабрику и все акции разом под мышкой вынесет. На таможенно часто заглядывал, иномарки помогал шустрым гражданам подешевле растаможивать, понятно, что не за просто так, услуги-то солидные. А уж налоговую и санитарную службы ему сам Бог послал. Доначислений столько губернатор наизобретал, сколь его гибкий ум усвоить мог и счет в банке. Как от санслужбы в народ выйдет, так из любого торгового центра полный багажник выпивки и разнообразной снеди везет домой на анализы, прямо себе в глотку.

Но больше всего любил губернатор в судебное заседание заходить. Наденет строгую судейскую мантию и запросто заходит. Лжесвидетелей мигом уличает, преступников нещадно милует, освобождает несчастных из-под стражи прямо в зале суда. Ключ у конвоира отберет, распахнет клетку железную и кричит радостно, как дитя малое:

— На волю птичку выпускаю!

Судей он вообще за людей не считает, продажными обзывает. Как судью увидит — обязательно в глаз плюнет, чтобы ячменя и разночтения в законах не случилось. Оно и понятно: как всякий крестьянский сын, не верит Петрович в наше правосудие, считая, что оно имеет больше качательные и карусельные свойства. Аж дух захватывает и мурашки по всем членам от решений судебных бегают! Но ведь правосудие не аттракционное увеселение, не комната смеха с кривыми зеркалами апелляций, надзорных и кассационных жалоб. Судить людей надобно по-людски, по-простому, по понятиям.

Как-то бездомные выпускники интерната прямо возле администрации шалаш в елках поставили и жили целое лето. Не потому, что протестовали, а потому, что рядом с администрацией, у той же самой парадной площади церковь стоит. Так их Петрович прогонять не стал. И судить даже не стал как нарушителей порядка регистрации. Пусть живут и шалаше, церковным подаянием питаются. Сироты ведь! Авось к осени из шалаша в какой-нибудь тепловой коллектор съедут или к зиме дуба дадут.

Одним словом, очень полезно в народ ходить, за простой ежедневной жизнью обывателей приглядывать, хоть и барская это затея. Да и терзают всех смутные сомнения. Вряд ли губернатор вконец опростится, наденет онучи или лапти и возьмется холёными руками за плуг. Однако Петрович ходить в народ упорно продолжает, поскольку сиднем сидеть в губернаторском кабинете, возлагая надежды на нищую, но богатую духом и самогоном жизнь селян, как-то неэтично.

О губернаторской жалости

Однажды возле обл администрации невесть откуда взявшийся одноногий инвалид гнусную акцию протеста устроил. Подъехал, тарахтя, на автомобиле «Ока» с ручным управлением, на костылях выполз, плакат самодельный на лобовое стекло скотчем прикрепил: «Не могу больше бездомным быть, требую нормальных жилищных условий!» Инвалид этот действительно несколько лет уже в автомобиле жил. В проржавевшей «Оке» ел и спал зимой и летом. В такой переплет он попал еще в славные ельцинские

времена, когда с Крайнего Севера на материк на пенсию по выслуге лет уезжал. Квартиру трехкомнатную в суровом заполярном крае сдал государству, как и положено. Вернулся в родную область, откуда в свое время уезжал на работу по комсомольской путевке, да так компенсационного жилья и не получил. Простоял на льготной очереди несколько лет, мыкался по родственникам и знакомым, пока не надоел, а тем временем льготную очередь власти тихо ликвидировали.

Живет неделю инвалид в своем убогом автомобильчике прямо перед окнами губернаторского кабинета, пирожки с капустой ест и газеты столичные оппозиционные вслух читает.

Вначале Петрович к нему омбудсмена Нарывайко послал расспросить задушевно, как до такой протестной жизни горемыка дошел и что дальше делать намерен.

Омбудсмен с инвалидом по-доброму пообщался. Но на следующий день в губернаторской газете критическую статью напечатал под точным и хлестким названием: «Нравственный аванс». В этой статье главный областной правозащитник наглому инвалиду нелестный социальный портрет во многих подробностях дал. Дескать, чем же этот странный человек в жизни своей недоволен? Имеет собственный автомобиль, северную пенсию, а что жилья нет, так за границей восемьдесят процентов населения в съемном жилье всю жизнь живут, и ничего! Потому что собственность — большая ответственность, и надобно всякому бездомному инвалиду этот изъян права собственности хорошо понимать. Да и рожа у этого протестующего, в общем, на пьяницу горького смахивает. К тому же ест он жадно пирожки с капустой, всякими нормами санитарными пренебрегая, прямо на улице, руки, понятно, не моет. А по большой и малой нужде гадит в центральную клумбу, красоту благоустроенную и флору уничтожая.

Но не испугался правдивой и разгромной статьи наглый инвалид. В своей «Оке» жить и протестовать упорно продолжает.

Послал тогда к нему Петрович смысленных гаишников законный штраф выписать за злостное нарушение правил дорожного движения. А как же! Автомобиль инвалида аккурат посреди площади стоит, движению других авто однозначно препятствует. Однако инвалид штраф заплатил и свое гнет.

В одну из ночей губернатор на площадь два наряда ППС отправил, просто припугнуть инвалида малость, окончательно вразумить. Окружили восемь милиционеров «Оку», приподняли и давай весело раскачивать! Одноногий смутьян из нее спящий так и выкатился. После милиционеры вылили под машину баклажку бензина и подожгли. Чудом успел инвалид «Оку» с пылающего асфальта откатить. И ведь, наглец какой, даже такого прямого намека не воспринял! На следующее утро как ни в чем не бывало вновь под окнами администрации в машине протестует, пирожки свои копеечные жрет!

В конце концов к инвалиду вышел сам Петрович и сказал душевно, но по существу: — Не надоело, одноногий хрен, под окнами мне глаза мозолить?

Растерялся инвалид, только плечами пожал вслед уходящему губернатору. Выкурил нервно пару сигарет да и уехал с площади навсегда. Даже один костыль забыл. Не понял, несчастный, что губернатор может быть либо суровым властелином, либо дойной коровой. А так и казны областной не досчитаешься. Потому губернаторская жалость всегда имеет форму совершенного нравственного утомления. И брошенный костыль губернатор приказал с площади не выбрасывать, а оставить на месте и покрасить люминесцентной краской. Во-первых, может, калека за ним еще вернется, а во-вторых, пусть помнят, что губернатор может развязать и уничтожить любые социальные отношения, существующие между властью и людьми. К этому костылю омбудсмен на экскурсии молодых правозащитников часто водит — учить пониманию областного попечительства.

Петрович и Диоген

Не успел губернатор от вредного инвалида избавиться, как возник в области новый квартирный скандал. В город из мятежной Чечни приехала целая семья ветерана Великой Отечественной войны и мыкается без жилья. Вернее, живет на садовом участке в... железной бочке. Этот ветеран тоже терпение потерял и однодневную акцию протеста у администрации устроил и тоже в автомобиле «Ока». Привезла его дочь к парадному подъезду, бумажный плакат развернула со словами протеста. Хотел Петрович на них милицию натравить, но передумал, да и омбудсмен ему отсоветовал, дескать, тогда вообще скандал до столицы дойдет. А дед-ветеран еле на ладан дышит, авось больше одного дня на площади не простоит. На этом плакате и прочитал губернатор историю злоключений ветерана войны, глядя из своего окна в полевой бинокль: в Грозном у него была четырехкомнатная благоустроенная квартира, где ветеран войны жил вместе с семьей своей дочери. Дом разбомбили в первую чеченскую войну, семья была вынуждена эвакуироваться. Имевшихся денег хватило только на то, чтобы купить на железнодорожной станции списанную цистерну. Ее отмыли от горючих веществ, проветрили, обшили внутри пенопластом для тепла и установили печку-буржуйку. В этой бочке участник войны живет на окраине города уже несколько лет, а компенсацию за потерянное жилье и домашнее имущество ему не выплатили.

А тут и омбудсмен Нарывайко с полевым биноклем к плечу губернатора подкрался:

— И чего он хочет, ведь мы сердешного сразу на льготную очередь поставили! А его дочери ссуду дали от миграционной службы, она на эти деньги целую двенадцатимесячную времянку купила, живи — не хочу!

— А сколько ветеран в бочке живет? — сурово спрашивает Петрович, не отрывая глаз от бинокля.

— Да уже пять лет, — отвечает Нарывайко. — Хорошая у него бочка получилась, уютная, любо-дорого посмотреть.

— Так квартиру ему все равно давать не будем, — заключает губернатор. — В бочке он все равно долго не протянет, да и старенький уже, а общественности скажем, что это его меркантильная дочь за счет отца-ветерана квартиры добивается. Мы ему предложим Диогеном поработать, для привлечения туристов в нашу область. Дескать, есть в наших славных краях ветеран-пофигист.

— Правильно, — радостно отвечает омбудсмен. — Очень художественно, естественно и необычно получится. Ветеран-стойк! А каждый житель области пусть учится на этом замечательном примере довольствоваться тем, что у него есть!

Обычаи и традиции областного населения

В административной жизни, быту и культуре любой области есть много явлений, сложных по своему историческому происхождению и выполняемым бытовым функциям. Одними из самых ярких и показательных явлений такого рода стали областные обычаи и традиции. Они имеют свой конкретный источник — Административный кодекс. Согласно областной традиции, Административный кодекс был дарован губернатором областному народу после выборов прямо на Соборной горе, у памятника Ленину. Дарование Административного кодекса — центральное событие областной истории.

Некоторые из обычаев являются, по сути, отголосками древних чиновничьих, религиозное содержание и назначение которых со временем было утрачено, но отдель-

ные обрядовые действия бытуют до сих пор среди местного населения. Так, возле администрации надо обязательно остановиться и почтительно преподнести дары духам чиновников. Если не сделать жертвоприношения — удачи не будет, а то и в милицию заберут за нарушение правил регистрации. Жителям области чужда и непонятна озабоченная деловитость жителей столицы. Человек медлительный, степенный — в их понятии, почтенный человек; занятый, торопливый, стремительный — достоин всякого сожаления. Не принято с ходу задавать гостю вопросы. Гость тоже не должен торопиться выкладывать о себе все. Принято перед разговором обменяться табакерками и понюхать табак друг у друга, не спеша выпить компота, самогона, обмениваясь общими фразами о здоровье губернатора и погоде, и уже потом начинать разговор о делах.

Множество примет и поверий обещает благополучие за доброе отношение к губернатору и области, а всяческие кары сулят тому, кто нарушит обычаи. Нельзя выплевывать остатки самогона и компота, выбрасывать не обглоданную до конца кость, отдавать что-либо левой рукой, продавать любимую свинью, наступать на пролитое на ковер спиртное. Для отпугивания злых областных духов и коммунистов надо хлопнуть три или девять раз в ладоши или сложить кукиш в левом кармане.

От древних обычаев сохранилось уважительное отношение к своему очагу — газовой плите. Очаг — место обитания бога Газпрома и хозяина областного огня. С очагом и огнем связаны важные запреты, нарушение которых грозит благополучию семьи. Запрещается лить попусту воду в огонь. Нельзя вонзать нож и вилку в огонь, касаться огня ножом, вилок или другим острым предметом, доставать ножом мясо из гусятницы, бросать в огонь мусор, тряпки — это оскорбляет дух Газпрома. Запрещается спать, вытянув ноги в сторону газовой плиты: считается, что это может испугать духа — хозяина газа и обнулить счетчик. Нельзя ходить «до ветру» в сторону Полярной звезды. Северная сторона у жителей области является почетной, так как там расположены столица и главный офис Газпрома.

Придя в гости, дорогой подарок сразу не показывают, долго дразнят хозяев и отдают только при уходе. При затмении Солнца, Луны запрещается есть, пить, спать, сидеть, лежать и ходить в туалет. Областная женщина не расчесывает волосы при мужчине или начальнике. Нельзя наступать на порог дома или квартиры. На пороге запрещается сидеть, есть, стоять и разговаривать с милиционером и гостем. Гостю нельзя садиться самовольно на северной — почетной — стороне. Гостю заранее указывают его место, ибо он не должен и не смеет садиться где попало. За столом гости не имеют права менять свои места, чтобы гость не объел других гостей и хозяев. Сельские жители труднодоступных районов области, истощенные законом о самоуправлении, придерживаются следующего обычая: того, кто ест больше других, связывают, обмывают навозом и перьями и выбрасывают на дорогу. Всякий уважающий себя житель области, пожелавший свести счеты с жизнью, должен сначала построить мавзолей и добровольно мумифицироваться. Только так состоятельные жители области способны покончить с собой, а прочие могут просто утопиться в реке Воронеж. Каждый уважающий себя жених обязан перед сватовством прыгнуть вниз головой с Галичьей горы. Только мужчина с крепкой головой имеет право жениться. Считается унижительным чтение Административного кодекса с людьми непосвященными ради забавы, смеясь и выкрикивая его параграфы на разные голоса.

Губернатор и секс-шоп

В один из мартовских дней доложили Петровичу, что отныне в области наступил полный половой беспредел. Жили без секса — и вдруг один ушлый предприниматель секс-шоп открыл. Решил губернатор самолично на это гнездо потребительского греха

посмотреть, а на помощь взял Тихоныча и Дуракову: одному как-то неудобно в секс-шоп идти, еще истолкуют в народе такой культпоход неправильно. Не дай бог, подумают, что у губернатора сексуальные проблемы появились или жена изменять стала. Зашла эта властная тройка гнедых, запряженных зарею, в секс-шоп да обомлела и сомлела.

Тихоныч первым раскололся, говорит продавщице с претензией:

— Я у вас на прошлой неделе надувную девушку на распродаже купил, с виду очень привлекательную, с подогревом и громкой пищалкой. Во всяком случае, симпатичной она на яркой коробке изображена. Надул дома велосипедным насосом, а вместо нее мужик получился, с огромной сигарой во рту, хвостом и здоровым членом... К тому же не греет он вовсе, а больно током бьет. Это обман какой-то сексуально-потребительский и очень уж обидный. Я хоть и старичок, но до сих пор нормальную ориентацию сохранил и советские строгие взгляды на половую жизнь!

А продавщица ему ехидно отвечает:

— Вы не пробовали изделие наизнанку вывернуть?

Губернатор только Тихоныча по спине хлопнул и захохотал:

— Оплошал ты с резинотехническим изделием, инструкцию читать надо было внимательнее!

В это время продавщица уже Дураковой кричит:

— Женщина, что вы там в углу все щупаете и в руках мнете, и вообще, оставьте в покое директора — он живой, а не надувной!

А Дуракова в ответ огрызается:

— Будете хамить, я вам вибратор верну, он мне, между прочим, сильно жмет.

Понял Петрович, что пора экскурсию в секс-шоп прекращать, а то дальше неизвестно какие подробности из жизни руководителей области всплывать начнут. И говорит:

— Дайте мне стринги съедобные, с малиновым вкусом, и мы тихо уйдем отсюда.

А продавщица ситуацию уже просекла и сама прикалываться начинает:

— Вам завернуть или здесь съедите?

Между прочим, губернатор в поведении Тихоныча и Дураковой в секс-шопе здоровую театрализацию интимной жизни чиновников усмотрел. И вообще, после этой замечательной экскурсии Петрович открытие секс-шопов по всей области одобрил. Дескать, интимная жизнь областного народа не должна в рутину превращаться и механическое детопроизводство.

Тюрьма и сума

Однажды решил губернатор поинтересоваться, как простые зэки в тюрьмах живут и соответствует ли их временная изоляция от общества всяким там правам человека и конвенциям европейским. Но в тюрьму-то у нас попасть непросто. Это тебе не захотел и сел. Тут целая процедура нужна после удачно совершенного преступления. Для начала прикинулся Петрович бомжом. Взял и костюм от «Версаче» наизнанку надел. И шляпу наизнанку, и ботинки, а сверху на них носки напялил, тоже наизнанку. Ночь для пущих убедительных ароматов в мусорном ящике провел. Вообще, стал натуральный бомж — зэк от «Версаче». В довершение убедительности на лицо маску Чикатило надел. Даже фикса золотую вставил. Короче, прибрахлился самым что ни на есть зэковским образом и сразу нагло стырил в коммерческом ларьке «Чупа-чупс» со жвачкой. Мечта Петровича сбылась — сразу в следственный изолятор угодил, даже минуя простой милицейский обезьянник. Сидит он, значит, в камере и на себе реальный зэковский быт изучает. Сроднился он быстро с этим бытом, хорошую прописку от зэков в камере получил — возле парашаи.

Однако трудился в том СИЗО замечательный, можно сказать, очень прозорливый охранник, кажется, звали его Чардашем. От его фамилии венгры почему-то сразу в пляс пускались. И что-то костюм от «Версаче» на новом заключенном показался Чардашу подозрительным, а также часы «Ролекс» и авторучка с золотым пером «Паркер». Пожалел Петрович перед тюрьмой эти предметы руководящего быта выбросить. И следователь в милиции не отобрал, подумав, что они — китайская подделка. Действительно, откуда такие цапки у вонючего бомжа? А когда Чардаш услышал, как Петрович по привычке мелет всякую чушь, сразу смекнул, кто перед ним. И стал Чардаш губернатору-инкогнито про эковскую жизнь очки втирать. На завтрак рябчиков с ананасами и шампанским принесет, на обед — суп из ласточкиных гнезд и котлету по-киевски, на ужин — утку по-пекински.

В довершение всего Чардаш губернатору в секу за один кон три миллиона рублей проиграл. Так оно и было, эти бабки потом сам уполномоченный по правам человека пересчитал. Обвел, выходит, надзиратель Петровича вокруг пальца, скрыл от губернатора-правдолюбца всю сермяжную правду эковской жизни. Но что поделаешь? За три миллиона, выигранных в секу, решил Петрович назначить приятного надзирателя начальником над всеми журналистами. Дескать, пусть тоже учатся в секу с губернатором правильно играть.

Казино строгого режима

В тюрьме, как понял Петрович, бурлит настоящая жизнь, не то что на воле. Даже казино свое есть в красном уголке, заведовал им лично надзиратель Чардаш. В тюрьме ведь у арестантов много свободного времени, и надобно его чем-то занять. Игра служит своеобразной отдушиной для людей, находящихся в неволе, в унынии и депрессии. Встретил Петрович за игорным столом бывшего военкома. Очень в незавидном положении он оказался, мало того, что призывникам белые билеты продавал, так еще две дачи на казенные деньги построил: одну себе, другую сыну. Дачи конфисковали, а вот денежки служивый удачно припрятал. Да разве в тюрьме такое шило в мешке утаишь? Особенно если нигде не работающая жена с воли солидные посылки шлет. Мигом сокамерники военкома на карты развели, продул он за игрой, ни много ни мало, а семь миллионов рублей! Да как не продуть, коли соседи по нарам прямо сказали, мол, не будешь играть — опустим.

Хитрый военком был, а на игре в камере попался. Спросил старшего по камере:

— На что играем?

А тот вяло отвечает:

— Да ни на что.

А как проиграл, то пристали:

— Давай сто баксов!

— Но ведь мы играли ни на что... — лепечет, краснея как рак, военком.

— Правильно, — сурово отрезал пахан, — для меня сто баксов и есть ничто!

Оно и понятно, тюремная игра и служит для «разведения лохов». А карточный долг — долг тюремной чести, откажешься выплатить — в камере не жить. Ставки были в игре небольшие, по сто долларов, но военкома развели на «шпилевой» способ. Это когда проигравшему дают срок, чтобы попросить деньги на воле, но надзиратель Чардаш сделал все, чтобы эти деньги до него в тюрьму не дошли. Так карточный долг военкома вырос с процентами до астрономической суммы. А после этого пришел хитрый Чардаш к жене военкома квартиру за карточный долг отбирать. Только так военком с эками и тюремной администрацией рассчитался. Жену его Чардаш, прав-

да, в беде не оставил — в тюремный свинарник работать и жить пристроил, а военному своеобразное наказание придумал — клеить игральные карты. Настоящие карты — в тюрьме под запретом. Потому теперь военком клеит карты зэкам из старых газет хлебным клейстером, раскрашивает и тщательно шлифует. Работа эта очень кропотливая, зато военком настоящим рукодельником стал. Не то что раньше, до тюрьмы у него, как говорится, руки не из того места росли, только взятки умел брать и больше ничего.

Притча о пасечнике

С этим назначением приключилось одно маленькое техническое неудобство. Дело в том, что пост начальника над местными журналистами в администрации уже был занят. Вот и зашел как-то на огонек к этому чиновнику губернатор и как бы между прочим рассказал забавную притчу: когда был Петрович еще председателем совхоза, умер внезапно в хозяйстве пасечник. Но сразу нашелся на интересное место настойчивый претендент. Мужичонка этот слыл в округе человеком жуликоватым, очень себе на уме, и Петрович еще долго колебался, отдать ему пасеку или нет. Но все же наконец решил рискнуть и пасеку отдал. И всю жизнь с удовольствием вспоминал:

— Гляжу, через год и пасека в полном порядке, и пронырливый мужичонка себе мотоцикл «Урал» купил! — многозначительно подытожил притчу губернатор.

А через месяц чиновника, слушавшего притчу, внезапно уволили, а на его теплое место, управлять областными СМИ, бывшего надзирателя назначили. Сразу стало в нашей журналистике все ясно и понятно, вообще, пришел ей полный трюндец. А Чардаш все глумится. Как поймает на улице журналиста, стукнет его оземь, на грудь хромовым сапогом наступит и с наслаждением смотрит, как сердце писаки вокруг подошвы трепещет и прыгает. И мотоцикл «Урал» Чардаш себе через год купил. Носится на нем по городу как угорелый, без глушителя. Надел, окаянный, на голое тело косуху, на лоб бандану — сущий байкер. А на голой груди теперь две татуировки. Под правым соском: «Не забуду госзаказ», а под левым: «Гупигинфол». Лингвисты из нашего педуниверситета пришли к выводу, что это вовсе не абракадабра какая-то, а магическое бюджетное заклинание.

Монстры в полноцвете

Как только стал Чардаш нашими СМИ править, сразу решил главную официальную газету в цвете издавать — в ногу со временем идти. Чтоб не в черно-белом допотопном виде фотографии высоких областных начальников народу являть, а в их естественном, полноцветном, жизненном. Под это благое дело из местного бюджета вытряс Чардаш аж полтора миллиона долларов — новый типографский станок за границей покупать. Но дальше одни загадки пошли и валютные недосказанности. Станок за такие крутые бабки почему-то в далекой Индии купили, к тому же бывший уже в азиатском употреблении. И устанавливать его приехали монтажники-индусы — большие любители выпить. Станок криво и поставили. Целый год ставили да на родину телеграммы слали, и почему-то на чистом русском мате, дескать, дорогая родня, понять не можем, что мы здесь делаем и зачем находимся. Молитесь за нас многоорукому и клыкастому Шиве, чтоб назад живыми и здоровыми вернулись!

Итак, через год станок с горем пополам запустили, но только один номер официальной газеты в цвете под фанфары выпустили. Станок тут же сломался, а чинили его еще добрый год. Бедные индусы совсем спились и на родину их в полной похмельной

нирване отправили. Но когда починили станок, лучше от этого не стало. Выйдет газета, а там на фотографии вице-губернатор Тихоныч с четырьмя ушами да с десятью пальцами, как залетный инопланетянин какой. Печатники только руками разводят, мол, станок криво стоит, и от этого цвета сильно смещаются, все прочее изображение искажают.

Вот и Дуракова к губернатору в слезах прибегает:

— Посмотри, Петрович, безобразия какие, у меня на фотографии четыре рта и четыре глаза, а лицо совсем зеленое, будто от ветрянки лечусь!

Следом пресс-секретарь, запыхавшийся и злобный, в кабинет заглядывает:

— Караул, Петрович! Я на фотографии на Фантомаса похож, да еще статья под моей физиономией с заголовком «Кризис разбушевался!».

А потом и вовсе большой казус вышел. Приехал в область один высокий гость. На протокольной съемке стоит он с Петровичем рука об руку, а на госте лица нет — одна лысая розовая голова, без носа и глаз, а рот на самый лоб уполз. Петрович тоже не ахти вышел, весь в бородавках каких-то.

Тут уж сам Петрович не выдержал, к Чардашу с этой газетой прибежал и трясет перед носом:

— Ты какую аферу с типографской машиной и индусами учудил, депутаты бунтуют, хотя расследование начать, говорят, что с высоким иностранным гостем скандал международный назревает?!

А Чардаш только улыбается в ответ:

— Успокойся, Петрович, какая у нашего гостя фамилия?

— Ну, Залупович, — вытаращив глаза, отвечает губернатор.

— Так какая фамилия, то на фотографии и изображено, — не унывает Чардаш. — Народ так и понял, а с депутатами уже договорился, никакого расследования не будет. Я с депутатами на паях букмекерскую контору открыл. Пусть теперь население за деньги фотографии в официальной газете угадывает. И нам прибыль, и депутатам прибавка к зарплате, и бюджет внакладе не останется.

Как губернатор прописку в администрации ввел

Больше всего Петровичу в тюрьме прописка понравилась, очень важным и полезным делом она ему показалась. Ведь назначение тюремной прописки и состоит в том, чтобы проверить выносливость человека, находчивость, сообразительность, умение постоять за себя. Кроме того, выявляются черты характера новичка, его коммуникабельность, интеллектуальный уровень, зачатки образования. Короче, все то, что и в административной жизни от чиновника каждый день требуется. Вот и решил губернатор систему тюремной прописки в своей администрации ввести. Правила жизни в администрации, как всегда подчеркивал подчиненным Петрович, вполне соответствуют обычным правилам общежития на воле. Во время еды других — не садись на унитаз, мой руки перед едой, не садись за стол в верхней одежде. Не свисти. Не плюй на пол. Аккуратно ешь хлеб, шарики не катай и в соседа не кидай.

Чем выше администрация, тем меньше в ее стенах мата. Не потому, что, став чиновником, обычный индивиду исправляется, дудки! Меньше мата в администрации — меньше риска быть неправильно понятым. Вставленное в речь «для связки» известное слово «мля» может быть истолковано другим чиновником как оскорбление. И уж тем более нельзя посылать коллегу на... Просителя — пожалуйста. А коллегу — нет. Это тягчайшее из оскорблений. Поэтому, скажем, крупные чиновники, уже отбывшие солидный срок на административной работе, почти не используют нецензурных выра-

жений и беседуют в основном тихими и ровными голосами, никому не мешая и не вызывая отрицательных эмоций. Новички чиновники, конечно, злоупотребляют остатками «вольной лексики». Поэтому спорные ситуации часто разрешаются в обладминистрации с помощью кулаков. Вот и считал губернатор прописку делом необходимым, чтобы подобные ситуации вообще не возникали. Молодым чиновникам надобно первое время присматриваться к поведению тех, кто ведет себя в стенах обладминистрации по «понятиям».

Большую помощь Петровичу в организации прописки Чардаш оказал как бывший и опытный надзиратель. Чардаш внедрил систему приколов. Например, новичку чиновнику объясняют, что сейчас будет игра под названием «Хитрая шлюмка». Берут алюминиевую миску и спрашивают: какая шлюмка? Правильный ответ: хитрая. Если новичок ответил неправильно, то этой миской его бьют по голове и дается пять минут для поиска правильного ответа. Если вновь ответил неправильно, то опять новичка бьют миской по голове, порой часами. Потому многие чиновники в нашей администрации рано лысеют, а голова иного чиновника напоминает огромную шишку.

Однако будущим чиновницам сложнее прописку проходить. Не изжито у нас пока в области неравенство полов при приеме на работу. Потискает кандидатку в чиновницы на прописке каждый, а вот куклой в шоколаде с персональной машиной не каждую назначат.

Заканчивается прописка определением новичка в структуру администрации и присвоением клички. В зависимости от того, как прошел прописку новичок — пошлой и обидной или гордой и блатной.

Губернатор и малый бизнес

Летел как-то Петрович в столицу по государственным делам с большой чиновничьей делегацией. А рейс, как назло, задерживают и задерживают, погода выдалась нелетная. Петрович уже два раза в аэропортовском ресторане с Чардашем отобедал за его счет, в игровые автоматы командировочные проиграл, а время все равно течет медленно и тупо. Но тут приспичило ему по малой нужде в туалет сходить. Верный Чардаш тут как тут, всегда услужить готов, на помощь прийти. Говорит губернатору деловито:

— Негоже должностному лицу прилюдно свое губернаторское достоинство всуе обнажать и трясти им, даже по нужде в общественном туалете. Начнут ведь разглядывать и сравнения всякими нехорошими заниматься, еще кривотолки какие пойдут сексуально-политические. Давай, Петрович, под лестницей встанем, и ты мне в карман вмиг надудолжишь без проблем. Пальто у меня кожаное, непромокаемое, да и привык уже другим по нужде помогать. Омбудсмен наш и Тихоныч часто мне в карман отливают, даже разрешения не спрашивают. Пальцем меня молча подзовут, карман оттопырят и журчат властно. А содержимое после вылью в самолетный галльон.

— Ну ты и загнул, — смутился губернатор, — стану я подчиненному карман портить, это уж беспредел какой-то начальственный и хамский. Лучше в туалет пойду.

Исчез губернатор за дверью туалета, но через минуту вернулся смущенный и огорченный:

— Туалет платный, а кредитные карты не принимают, наличные требуют.

Чардаш ему мелочь выгреб, в ладонь щедро высыпал и дальше у туалета ждет. Однако Петрович совсем расстроенный возвращается, злой и взъерошенный, нетерпеливо с ноги на ногу переминается:

— Ладно, подставляй, Чардаш, свой кожаный карман! Не стал я попусту деньги тратить. Где же это видано, чтобы естественную нужду отправить, деньги платить! Бу-

ханка хлеба столько же стоит, а его вырастить надо, это вам не ширинку в платном нужнике расстегнуть! Совсем обнаглел малый бизнес!

С тех пор возненавидел Петрович представителей малого бизнеса, халявщиками их обзывал, кровососами и мироедами, тихими захребетниками на шее простого народа. Потому-то у нас за последние годы число малых предприятий вдвое снизилось, а регистрировать новые все больше в другие области уезжают.

Губернатор и областной кодекс госслужащего

Пришла к Петровичу делегация Общественной палаты и говорят:

— Пора, губернатор, модельный кодекс областного госслужащего принимать, мы его целый год разрабатывали, корпели, спины не разгибая, ведь в нашей области, да и всей стране отношение к чиновникам не очень хорошее. Вот партия власти тоже такой кодекс готовит, только всероссийский. А мы чем хуже?

— А на фиг он нужен, — усмехнулся губернатор. — Областные чиновники не беднее мировых фотомоделей одеваются, цапки золотые с бриллиантами имеют, в виде швейцарских часов и сотовых телефонов, ездят на самых крутых моделях иномарок.

— Да не о том речь, Петрович, — встрял в разговор вездесущий омбудсмен Нарывайко, — модельный кодекс госслужащего — это, можно сказать, кодекс чести и поведения чиновника. Его нравственное кредо. Он должен коррупцию на нет свести.

— Да какая от кодекса польза, — недоумевает Петрович, — разве что на нарах чиновников меньше сидеть будет! Ну-ка дайте ваш кодекс чести полистать.

Послушав палец губернатора, губами на несколько строчек текста пошевелил и сделал первое суровое замечание прожектерам из Общественной палаты:

— Тут с первых строк хрень какая-то получается. Выходит, чиновник не может заниматься бизнесом. А какой чиновник у нас им не занимается? Мы ведь все в учредителях фирм состоим, в советы директоров дружно входим.

— Не беда, Петрович, — поясняет Нарывайко, — мы же учредители некоммерческих организаций, кои прибыль извлекать не имеют право. Нетути прибыли! Одни миллионные зарплаты у нас в этих фирмах, а зарплата — это не прибыль, так, детишкам на молочишко.

— А это что за пункт, — снова вопрошает губернатор, — государственный служащий должен избегать контактов с лицами, вступившими в конфликт с государственной властью. А как быть, если местные коммунисты с просьбой о проведении митинга ко мне придут или депутат-коммунист в областную администрацию официальный запрос сделает. Мне, что, с ними не общаться? Депутат-коммунист пусть и противник власти, но ведь законно избранный в Областную думу! Нам, что, шапки-невидимки надевать прикажете для общения с оппозиционерами? Да я и сам до сих пор билет члена КПСС под подушкой храню, вдруг власть переменится?

Молвил все это Петрович и брезгливо засунул кодекс госслужащего в мусорную корзину.

— Мутный документ и вредный, — резюмировал, — как жили хорошо по понятиям, так и будем жить!

Губернатор и вечный двигатель

Мало кто знает, но практически двадцать четыре часа в сутки Петровича идея перпетуум-мобиле занимала и пользой великой волновала. Как было бы замечательно на самом деле создать некий агрегат, производящий больше энергии, чем потребляющий

из окружающей среды. Молнию, что ли, в металлическую сеть гигантскую заарканить или энергию испаряющейся воды в какую огромную реторту с умом запихнуть.

Увы, не находил способа губернатор силы природных стихий с пользой для области обуздать. Однако из отдаленного района благая весточка ему пришла. Создал, мол, местный умелец очень занятный и полезный в крестьянском хозяйстве моторчик, на простом навозе исправно работающий. Тут и смекнул Петрович открывшиеся, просто не виданные ранее возможности этого изобретения. Прямо из ванны с мочалкой на шею выскочил да как закричит:

— Эврика! Это ведь и есть самый настоящий вечный двигатель, навоза-то у нас не мерено и никогда не убудет!

Съездил он на дом к этому навозному Кулибину, не поленился. Инженеров видных из областного центра в дорогу прихватил. Пусть тоже полюбуются да свое веское заключение сделают.

Действительно, тарыхтит моторчик, навозом заправленный, в дом изобретателя от динамо-машины свет подает. Инженеры видные просто обомлели, стоят, языками цокают, навозный двигатель глазами пожирают.

Тут еще большая идея губернатора осенила: а что если сразу гигантскую электростанцию, на навозе работающую, отгрохать и всей области дармовой свет дать. Тогда и ежегодный рост энерготарифов не страшен с прочими колебаниями мировых цен на энергоносители.

Мотор инженеры досконально скопировали да тут же в сто раз в размерах увеличили, а чтобы материалы сэкономить, металл дорогущий, из соснового бруса необычный двигатель соорудили. Губернатор сам это дело скумекал. Навоз — это не бензин и не солярка, топливо не особо энергоемкое, нагреваться при работе меньше должен, значит, и металл попусту расходовать незачем.

На открытие чудо-электростанции самого главного энергетика страны пригласили. Стоят они с Петровичем возле новой электростанции и чуда нетерпеливо ждут. Завел изобретатель двигатель чугунной ручкой, раз мотор чихнул, два чихнул, а потом как затарыхтит и взвояет — ужас! На глазах у всего честного народа вразнос пошел и разваливаться стал. Щепа сосновая вперемешку с навозом во все стороны с воем полетела. Петрович чудом успел за ближний буерак схорониться, а главный энергетик со страху на вековую липу обезьяной залез, в большое дупло. Все из дупла опасно его голова выглядывала. Еле потом спуститься уговорили, коньяком и языковой колбасой с липы слезть заманивали. Во как напугался!

Не задалась, стало быть, новая электростанция на навозе. Как говорят спецы, эффект масштаба подвел. Дескать, маленький моторчик на навозе может работать, а большой — нет.

Но Петрович благой идеей вечного двигателя все равно грезит. Сейчас в суд подал иск на Парижскую академию наук. Они, видите ли, заявки на изобретение вечного двигателя принимать отказываются еще с восемнадцатого века. Каковы ретрограды!

Губернатор и юродивый

Вышел однажды Петрович на красное крыльцо администрации, а на ступеньках юродивый сидит, за полу пиджака его ухватил и пищит жалобно:

— Поддай копеечку!

Противный такой юродивый, грязный, вонючий, на голое тело один мешок из-под картошки надет, только дырочки для головы и рук проделаны.

Посмотрел губернатор внимательно на его косматую голову и сразу узнал. Этот юродивый раньше работал начальником областной налоговой инспекции. Случилась как-

то в налоговой проверка из столицы, а мытарь ничего лучше не придумал, как целую бухгалтерию сжечь. Мол, и концы в костер. Как только завели уголовное дело, он умом и тронулся. Место потерял, прямо с больничного в юродивые ушел, на паперть. Он и начальником инспекции с большими странностями был. Как отстроил новое здание налоговой за счет фонда развития, сразу и дача в пригороде выросла, как по волшебству. А кабинет в налоговой себе в пол-этажа отгрохал, побольше губернаторского, да еще с комнатой отдыха. От взяток, что ли, отдыхать?

Но самое главное недоразумение с бассейном и сауной получилось, что в подвале инспекции главный налоговый организовал. В сауне и в бассейне процедуры принимало только одно человекотело, ему самому принадлежащее, без всяких на то помывочных нормативов. А другие налоговые немывтыми, чумазыми и шелудивыми на проверки ходили. Придет такой налоговый на предприятие, как пес какой паршивый, его не узнают, носы воротят, значит, и встречают не по ранжиру. Как только начальник в юродивые подался, сразу баня для всех заработала. Новый начальник налоговый березовым веником всему коллективу перво-наперво у дверей бани широкую отмашку дал:

— Парятся все!

Теперь налоговый народ чистым и опрятным на работу ходит, с номерными шайками и большими кусками хозяйственного мыла. Раньше у налоговиков одно развлечение было — целый день на работе в компьютерные игры тупо резаться. Налоги-то наши налоговые не собирают, они учет и контроль за поступлением платежей и доначислений в бюджет зорко ведут в кабинетах. Вроде как управление статистики дополнительно контролируют. Как же не радоваться теперь налоговикам, что, кроме компьютера, еще для развлечения и гигиены баня доступна стала!

Одна беда, новый начальник тоже вскорости погорел. Но не в бане, а на взятке. Взяли субчика прямо в инспекции на взятке в шесть миллионов рублей! Обещал одному предпринимателю помощь в возмещении НДС оказать на сумму в сто миллионов. НДС должна налоговая служба вроде бы автоматом возвращать, но на практике хрен добьешься. Стало быть, налоговый взялся за дело благое, а милиция рвение налогового по-своему истолковала и засаду устроила. Под стражей ныне сидит и, поди же, тоже из себя юродивого корчит, следовательно разные нехорошие пророчества сулит, губернатором страшает. Да еще и приговаривает: «Я — тайный агент ФСБ! И не взятка это вовсе была, а спецоперация. Только фээсбэшники меня же и подставили».

Видать, в налоговой целый институт юродивых силу набирает, формируя областную школу финансового отрешения. А два юродивых на одну область — это чересчур! К тому же юродивыми они вроде стали, но деньги вымогать, видно, не разучились. Так что не дал Петрович юродивому копеечку на ступеньках родной администрации, из принципа, она ведь рубль губернатору бережет!

А прозорливый юродивый вовсе не обиделся — юродивым по статусу обижаться не положено — и рек губернатору целое пророчество:

— Будут тебя, губернатор, всю оставшуюся жизнь маленькие Ленины крепко обнимать, и будет их за тобой ходить чертова дюжина. Ленины эти ростом не выше пятидесяти сантиметров, всегда в одинаковых кепочках, пиджачках и красных галстучках в горошек. Как только выйдешь на улицу, так они сразу и нападать станут, виснуть и скакать на тебе, как белки на дереве. И нет тебе, губернатор, спасения от этой исторической напасти!

Отшатнулся Петрович от юродивого, не на шутку испугался. Эти маленькие Ленины его давно уже во сне обнимали и слюнявили, под одеялом щекотали. Переkreстился губернатор:

— Чур меня!

И от юродивого прочь в церковь побежал свечку ставить и молебен заказывать, хоть и в Бога не верит.

Губернатор и День народного единства

Не хотел Петрович праздновать праздник-новодел — День народного единства. Праздник Великого Октября привычней и понятней ему был. Тут и Ленин в октябре, как шоколадный заяц, и штурм Зимнего с подавлением женского батальона революционными матросами. Хоть спектакль на сцене областного ДК ставь, историю вживую разыгрывай в мельчайших подробностях, поинтересней «Камасутры» будет.

— Ты что же, Петрович, новый взгляд на родную историю не уважаешь, — пеняет ему омбудсмен Нарывайко. — Мы же поляков из Москвы тогда изгнали.

— Да чем тебе поляки не нравятся? — глядит на него отрешенно губернатор. — Избрали бы тогда царем русским королевича Владислава, глядишь, история иначе бы пошла, да жили бы сейчас в Евросоюзе. Сам-то точно на меня анонимные письма в Европарламент пишешь, кровососом и сатрапом называешь. Читал я твои письма, есть свои люди на Главпочтамте.

— Такие письма я пишу исключительно для пользы области, — нисколько не смутился Нарывайко. — Надобно европейцам показать, что живет у нас свободное слово, пусть даже в форме анонимной жалобы.

— Вот загнул, — одобрительно засмеялся Петрович, — но День народного единства праздновать все равно не хочу. Четвертого ноября только из Москвы поляков прогнали, а Смутное время не закончилось, еще несколько лет полстраны под иноземцами была.

— Да не о том вы вообще говорите, — мудро зашамкал губами дремавший на диване старенький вице-губернатор Тихонич, — нет у нас ныне никакой потребности в народном единстве, кроме половой. Мне, например, чукчи в этом смысле нравятся. Гостил я у них в стойбище в молодости и жаркими ночами в чуме единаясь. А какая сейчас потребность? Общенациональный праздник — это публичный ритуал. А какой у нас в области национальный ритуал? У нас и национальности общей нет, да и с ритуалами — туго. Выходит, Днем народного единства можно любой день назначать, хоть четвертое ноября, хоть первое апреля. Дней в году много, хороших и разных.

Как Петрович космическим туристом стал

Попросили нашего губернатора в правительстве в космос слетать инкогнито, космическим туристом. Очень уж приспичило одного высокопоставленного чиновника найти с помощью системы «Глонас». Тот совсем от рук отбил.

— А почему бы и нет? — вслух подумал Петрович. — Благо до орбиты на ракете всего девять минут пехать.

Надел он модный скафандр и на орбиту махнул. Дверь открывает на МКС, заходит, как к себе домой, без всякого стука, с космонавтами за ручку запросто здороваются, но перчатки не снимает. Осмотрелся и видит, наши люди нигде не пропадут. Научились космонавты прямо из вакуума самогонку гнать. Вакуума вокруг гони — не хочу! И как врезать здесь уютно, удобно. Стаканы и стопки в невесомости сами меж собой чокаются, а содержимое не выплескивается. И бутылка никогда не разобьется, если случайно из рук выронишь, не то что на Земле!

Сидят, значит, космонавты с Петровичем задушевно, мандрагорой квашеной закусывают, она в невесомости хорошо растет. Тут инопланетяне на халюву к ним повади-

лись. Прилетят, маленькие такие, зелененькие, без приглашения, песни орут, будто автомобильные сирены воют. Но жалели инопланетян, очень неудобно было им стаканы шупальцами держать, потому в блюдца пришельцам вакуумовку наливали. Одна инопланетянка Петровичу приглянулась, и понятно почему: они в теле и все время нагишом в невесомости плавают. Только инопланетянка сразу отворот Петровичу дала, серьезной оказалась, основательной. Дескать, у меня уже жених в Ханое есть, нынче это круто.

А задание правительства Петрович не выполнил, недосуг было. Однако кабинет министров на него вовсе не обиделся. Петрович в Белый дом целую бочку вакуумовки из космоса прикатил да шайку мандрагоры квашеной. Три дня гуляли.

Губернатор и гороскоп

Как человек разумный и освободившийся от религиозных иллюзий, дабы самостоятельно мыслить и действовать, Петрович одно время верил только гороскопам. Ему просто, так или иначе, хотелось заглянуть в будущее и знать, какую небесную фотографию отражает его жизнь и судьба. И здесь вступали в силу предсказания, которые часто происходили прямо на глазах Петровича. Однажды на презентации, где некое предприятие открывал местный театральный кордебалет, к губернатору с бокалом подошел Чардаш и, пыхтя от волнения, говорит:

— Давай Петрович, после фуршета вон тех двух блондинистых телочек ко мне на дачу увезем по-быстрому...

— Не суетись, — степенно отвечает ему губернатор, — мы обязательно дождемся окончания мероприятия, съедим и выпьем все, что есть, а после повезем на дачу сразу все это стадо.

Предсказание это так и сбылось. И не простое оно, а совершенно точно описывает поведение опытного и молодого чиновника в разные годы жизни под благим влиянием областных небесных сфер. Опытный чиновник будет действовать именно так и степенно удовлетворит все стадо. Несмотря на возраст, терпения и здоровья ему хватит на всех. Он молодого еще уму-разуму поучит.

Какой уж тут гороскоп с его предсказаниями и тайными знаками, коли губернатору приходится любить всех подряд?! Гороскоп, конечно, понимать не вредно, но узрел Петрович, что не гарантирует он откровенного взгляда на дальнейшее бытие, хотя и, возможно, посредством неких небесных знаков разные события приближает.

История одной фотографии

Многие СМИ обошла фотография, где Петрович держит на руках крупную зубастую щуку, изрядно согнувшись под ее зеленой тяжестью. До сих пор считается, что это самый рекордный улов в реках нашей области. Но есть и подлинная история этого улова. Дело было так: поехал Петрович на рыбалку, а жена его слезно упросила Дуракову за мужем-губернатором проследить. Вдруг он вместо рыбалки налево ходит.

Ловит Петрович рыбу на бережку, а Дуракова в камышах сидит, следит и его государственную нравственность от местных баб охраняет. День был весенний, но уже полетнему жаркий. Разморило Дуракову, и решила она с десятка саженок по реке проплыть, тела охолонить. Тут, на беду, Петрович ее крючком за губу зацепил и закрычал от радости, не разобравшись:

— Щуку поймал!

Известно, не успеет такой большой человек рот раскрыть, как журналисты с фотоаппаратами набегают. А первое слово дороже второго. Пришлось Дуракову и даль-

ше за шуку выдавать. Срочно чиновники наклеили Дураковой на кожу рыбью чешую надежным клеем «Супермомент» да между ног веник скотчем привязали, вроде как хвост получился.

Взял Петрович Дуракову, как шуку, на руки и сам еще в тот момент не догадался, кого на руках держит. Так и получился рекордный улов, да не простой, а фотодокументированный. Любит этот снимок губернатор на досуге рассматривать, гладит фотографию и все время приговаривает: «Ох, какая же ты, Дуракова, у меня зубастая!»

Античный герой

Великий человек немислим без античного подвига. Но что делать, если античные подвиги уже совершены каким-то древним Геркулесом, примитивным греческим качком?

Стали в обладминистрации Петровичу срочно новый античный подвиг придумать, чтобы потом по всей матушке-России о нем бессмертные мифы ходили. И придумали: не слабо ли Петровичу в Париж на электричках зайцем доехать да молодую жену президента Франции умыкнуть.

Собрали Петровича в дальнюю дорогу по-простому: рубашку клетчатую надели хлопчатобумажную, треники дешевые с пузырями на коленях, сандалии-плетенки, а в руки плетеную авоську дали, полную «Беломора» и консервов «Завтрак туриста», да три батона с изюмом в придачу положили. Чтоб в долгой дороге ни в чем не нуждался и валюту экономил. Еще Петрович с собой военный дозиметр в дорогу прихватил, а для чего, не сказал. В довершение ему на глаза лошадиные шоры надели, для усложнения подвига.

Долго ли, коротко ли, но доехал вначале Петрович на электричке из нашего города до Мичуринска, от Мичуринска до Белгорода, из Белгорода до Харькова. Потом пошли электрички с зайцем Петровичем по Украине и Белоруссии, из Бреста до Варшавы. Затем до Гамбурга, а из Гамбурга ехал Петрович четыре часа на последней электричке до Парижа. И вроде зайцем Петрович ехал, но кондукторов дурил исключительно дорожными чеками.

В час ночи прибыл он на знаменитый вокзал Аустерлиц. Видят парижане, как выходит из гамбургской скоростной электрички странный человек с дозиметром в руке, с авоськой, удивляются. Но Петрович знай напрямиком на Версаль идет. Постучал в Версаль, свет в окнах зажегся, и выходят к нему Николая с Карлой в пижамах. А Петрович Николая руку крепко жмет и сразу дозиметр дарит, дескать, вы нашим Чернобылем шибко напуганы, так теперь жить спокойней станете, коли с дозиметром по версальским кустам и лужайкам пройдется. Радиационный фон знать будете.

Обрадовался Николая и во дворец Петровича сразу впустил. Сели ужинать, Карла на стол суп «трататуй» модный подала, картошку в мундире с копченым салом. Все у них по-домашнему, как и у нас. Но сама с Петровича все глаз не сводит, понравился, должно быть. Николая тем временем «Бужеле» надрался и за столом уснул носом в жульен. Слова друг другу Петрович и Карла даже не сказали, не сговариваясь, на вокзал бежать кинулись, так их внезапная любовь и страсть обожгла.

Ехали они, конечно, в Россию, уже не электричками, а в скором поезде, пусть и в общем вагоне. Других билетов в Париже не было. Всю дорогу лежали на третьей полке на баулах челноков и ворковали. Но интима меж ними никакого не случилось. Глухонемые все время мешали достойно уединиться: всю дорогу по вагонам ходили, фото-портреты Сталина предлагали купить черно-белые. Но за эти сутки, воркуя с Карлой, Петрович прилично парлекать выучился.

А потом случилась конфузия. Стал губернатор с полки слезать, чтобы по нужде в туалет пойти, тут паспорт у него из штанов и вывалился. Упал и раскрылся прямо на той странице, где жена с детьми вписаны. Заплакала Карла и на стоп-кран нажала. Долго за ней Петрович по рельсам бежал. Да куда там, Карла-то какая длинноногая, не догонишь!

Вернулся он домой грустный и признался областному народу, что свой античный подвиг до конца не выполнил, не оправдал, стало быть, доверия.

— Еще как выполнил, — хором отвечали клеветы, — ты же, Петрович, новую Троянскую войну предотвратил. Николя бы из-за Карлы на нашу область войной пошел, аки Наполеон с двенадцатью языками!

Вот так и состоялся у Петровича античный подвиг, известный теперь на всю страну.

Губернатор и няня

Как только Петрович шоколадку «Марс» ест, сразу свою няню вспоминает. Ест и плачет. Няня у него чернокожая была. В те далекие советские времена его родителям кормилица не полагалась. А молока в тот суровый год не было, даже из-под коровы. Год не молочный был, а минеральный по восточному календарю. Сжалилась одна негритянка и Петровичу самостийно сиську дала. Хотела всего раз покормить, а он, как клещ, присосался, так год от груди отвалиться не мог. А еще на няню дед Петровича глаз положил, проходу не давал. Ему тоже сиську хотелось по причине беззубости и несварения твердых продуктов. Так вместе и мучили няню: на одной сиське Петрович висит, на другой — дедушка, да еще няню шупает, благодарность выражает.

Няню-негритянку Петрович никогда не забывал, а как губернатором стал, сразу ей у обладминистрации избу срубил из голубых елок, что прямо у парадного подъезда росли и могуче фасад украшали. Думал, будет на чай в гости к няне ходить да счастливое детство вспоминать. У самовара они вместе всего один раз посидели за глинтвейном и тортом «Птичье молоко». Уехала няня на свою историческую родину, а избу цыганам вместе с самоваром продала. Ностальгия замучила по хорошим сигарам и крепкому рому.

Губернатор и десять негритят

Если какой проситель зайдет в приемную губернатора, то все равно что в детский сад попадет. По тесной приемной десять хорошеньких негритят бегают, в прятки, в салочки, в лапту играют. А то и живые джунгли Петровичу из фикусов и алоэ смастерят, масок африканских из столешниц красного дерева художественно настрогают. Этих негритят Петрович любит и лелеет больше, чем всех детей области. Они ему моментально национальный проект по улучшению демографической ситуации выполнили. Да и появились, можно сказать, чудесным образом. Поехала Дуракова на кремлевскую елку на живого Деда Мороза посмотреть. Так восторженно смотрела, что этот хитрый Дед ей шоколадного зайца подарил. Да и вовсе не заяц это был, а африканский посол. Вернулась из-под елки Дуракова уже брюхатой и родила сразу десять негритят. Вначале испугался Петрович, а затем понял всю свою губернаторскую выгоду. Негритят он, конечно, у Дураковой отнял, лишив родительских прав. Какие ей права еще нужны, если сразу десять родовых сертификатов за один поход в роддом огребла! Да и ни к чему негритята ей, коли даже не помнит, с кем и сколько раз под елкой была, то ли с зайцем, то ли с Дедом Морозом, то ли с послом, а может, со всеми сразу? Все какие-то рождественские байки рассказывает про непорочное зачатие.

Прана из чакры

Очень губернатора демографическая проблема беспокоила. А тут Чардаш с советом пришел:

— Давай, Петрович, клуб тантрического секса прямо в администрации откроем. В борьбе за рост народонаселения все средства сегодня хороши, а то, не ровен час, россияне вовсе вымрут, а земли наши китайцы заселят.

— А как обоснуем весь этот разврат? — вопрошает губернатор. — Мы же славяне, а не индусы какие-нибудь...

— Зря сомневаешься, Петрович, — увещевает его Чардаш. — Между прочим, занятия йогой здоровье и работоспособность повышают за счет питания организма праной. Это энергия такая, халявная, прямо из космоса. А космос — бездна, значит, энергия эта неисчерпаема. Индусы толкуют, что человек под эту энергию и создан.

— А при чем тут секс тантрический? — все еще сомневается Петрович. — Не флюиды же из космоса идут, чтоб народ сексом озаботился.

— А при том, — настаивает Чардаш, — что прана концентрируется и выходит полезным способом из чакр, коими тело человеческое усыпано. И главная, Муладхара, самая мудрая и важная чакра у мужчины, аккурат промеж ног располагается. Там и есть сосредоточие мудрости и энергии, основа всего в мире.

— Вот те раз, — захохотал Петрович, — хороши индусы, коли мудрость у них между ног находится. Однако давай тантрический секс внедрить попробуем, авось действительно демографии поможет. Пусть теперь поперет прана из чакры! А то прет у нас из этих мест не то, что области нужно.

Собрал Чардаш вечером первую группу чиновников и чиновниц в столовой администрации, чтобы пробный сеанс провести. Да за вход еще плату взял. Началось все с невинных хороводов. Тихоныч, впрочем, сразу о Дуракову тереться стал, даже когда она еще в шубе была, а уж когда обнажилась, вовсе с ума сошел — глаза закатил и сопит. А потом Чардаш властно Дураковой овладел и минут тридцать не отпускал. Петрович даже забеспокоился:

— Ты хотя бы другим шанс потантрировать дай, а то Тихоныч, глядя на вас, совсем извелся!

А Чардаш отвечает губернатору назидательно:

— Искусство тантрического секса и состоит в том, что мужчина учится семяизвержение задерживать!

— Стоп! — кричит в недоумении Петрович. — Как же без этого демографию поднимать?!

Тут и понял Петрович, что никакая демография его чиновникам не нужна, а хитрый Чардаш просто решил свальный грех организовать. Прекратил все это безобразие губернатор, однако до сих пор администрация атмосферой разгула дышит. Во как прана поперла на нашу область, прямо из космоса. Петрович и остановить ее не в силах!

Карма губернатора

Объявился в кабинете у Петровича таракан. Громадный такой, черный, шибко усатый и наглый. Пьет чай, бывало, губернатор, полдничает, только руку с бутерброда снимет, а бутерброда уже нет. Видит он, как тараканище с поживой улепetyвает, а сделать ничего не может. Голыми руками давить противно, а пока башмак снимаешь, чтоб супостату в лоб дать, таракана с бутербродом и след простыл.

Дезинсекторов вызывали, травили. А таракан от отравы еще толще и проворнее стал, носится по кабинету, как борзая.

Тут Дуракова в кабинет губернатора лак для волос «Прелесть» приносит.

— Да на что мне лак твой бабский? — вопрошает Петрович. — Я же укладок по утрам не делаю, чуб мой — не ирокез панковский!

— Знаю, Петрович, — вразумляет его Дуракова. — И лак не затем. Ты им на таракана пшикни, и никуда он уже от тебя не убежит.

Смекнул губернатор, и в засаде долго сидеть не пришлось. Как только вылез таракан на стол за очередным бутербродом, пшикнул на него Петрович лаком из баллончика, таракан и увяз. Только лапами беспомощно перебирает. Снял с наслаждением губернатор с ноги ботинок, размахнулся, чтобы вредное насекомое порешить, да так и застыл с ботинком в руке в глубокой задумчивости и печали.

— Убей его, Петрович! — кричит Дуракова и под локоть толкает. — А то сейчас обсохнет и убежит!

— А стоит ли отягощать карму, — мудро ответил ей губернатор, — может, я в другой жизни тоже тараканом стану?

Губернатор и легенда о Белом Бурхане

Не зря Петрович о карме лишний раз вспомнил. На то у него веская причина была. В молодости, сразу после армии, он к цыганскому табору прибился. Хотел мир посмотреть и лошадей поворовать. Как-то на Алтае украл он из местного колхоза белую кобылу и стал ее тувинцам за жеребца продавать. Дескать, это вовсе не кобыла, а самый натуральный кобыл.

Тувинцы ему поначалу не поверили, пузо у лошади щупают, интересный вопрос задают, с подковыркой:

— А куда у жеребца орган размножения пропал?

— Да и не было его отродясь, — глазом не моргнув, отвечает Петрович. — И не лошадь это, а прямо дух святой. Откуда у духа половые признаки?

Тувинцы неграмотные были, наивные, как дети, сразу поверили. А лошадь на самом деле чудесным духом оказалась, воплощением Будды. Часто она к Петровичу теперь видением белым приходит, умной головой укоризненно крутит и золотым копытом грозит.

Как Петрович цыганским бароном был

Приглянулась в этом таборе Петровичу хорошенькая цыганочка. Есенией звали. Глаза черные, зубы золотые, коса до пят, а пятки толстые. За такой и сам босиком на край света с табором уйдешь. Долго кочевал Петрович за ней с шумной толпой цыган по Бессарабии, руки просил, коня и сердца. Уверял, что полцарства отдаст, но за что конкретно, недосказывал. А цыганка все его любви не верила. Говорит, дескать, ты сам мне сердце свое вперед отдай и путь нам, цыганам, жизненный освети. Не стушевался Петрович, разом вырвал из груди своей сердце пылкое да понес его, словно керосиновый фонарь, навстречу таборным людям. Сразу смекнули цыгане, что отважней защитника и барона им не найти. Сердце ему обратно одна сильная цыганка-гадалка зашила цыганской иглой, волшебным пометом летучих мышей грудь помазала, заговоры набормотала, и зажило на Петровиче это самодеятельное хирургическое вмешательство, как на собаке. За одну ночь ему цыгане всем табором дом построили из упаковочных ящиков, женили утром на красавице Есени и двенадцати ее сестрах сразу.

Стал Петрович очень справедливо баронствовать, каждый день пятимос есть и всех кошек по древнему цыганскому обычаю марганцовкой красить, на счастье. За порядком он тоже следил. Даже ключи от машин на ночь забирал и после восемнадцати часов

никто табор без его разрешения покинуть не мог, разумеется, без уважительной причины. Разве что в командировку или к родственникам какой цыган намылится.

А Есения ему через девять месяцев двух близнецов родила. Авеля и Каина. Цыгане своим детям всегда необычные имена дают. Сестры тоже вскорости понесли. Так Петрович из своих цыганят целую футбольную команду «Чавале» создал с запасными игроками и судьями, особенно бесенятам удавались договорные матчи.

Танец тростниковых девственниц

Нанес визит нашему губернатору один африканский царек. Петрович тоже не сплеховал, к нему навстречу в леопардовой шкуре на голом торсе вышел. Просил царек ему устроить на берегу реки Воронеж, у прибрежных камышей, танец голых местных девок. Так у него на родине полагается жену выбирать для своего гарема. В его стране все девки давно с миротворцами скурвились и с врачами без границ паскудились.

Петрович на профессиональной основе древний обряд арапу организовал, образцовый ансамбль песни и пляски из ДК задействовал, не раз на конкурсах дипломированный. Артисты в нем пусть и самодеятельные, рабочие и колхозники, однако посредством тщательного механического освоения танцевальных фигур иным профессионалам сценических подмостков большую эстетическую фору дадут. А все потому, что художественные руководители его супруги Подлякины мудро годами воспитывают коллектив стеком и стейком. Очень ревностно они и за конкурентами следят. Чужим успехам сердечно сопереживают. Как создали в области казачий ансамбль, сразу письма в администрацию разгневанных трудящихся организовали. Дескать, нет и не было в наших краях никаких казачьих традиций. И сцену ДК отказались казачьим плясунам предоставлять, мол, сапожищами настил расшатают, шпорами исковыряют, а оркестровую яму саблями изрубят.

Петрович на это только плечами пожал:

— Я сам уже в казаки записался, да и как надобно трактовать исторические традиции, коли балет в Россию французы завезли. Что же, Большой театр теперь в память о нашествии Наполеона разгонять? Или балеринам вместо пачек лапти обувать? Вы уж, псевдонародники, с псевдоказаками ищите мирно общий сценический язык.

За остроту творческой позиции Петрович и призвал плясунов на помощь царьку. Вывезли славный ансамбль на речной берег тремя маршрутками. Парней с балалайками вокруг царька посадили, фонограмму наяривать, а девки как запляшут вприсядку в чем мать родила китайский народный танец с коромыслами, не только у африканского гостя, у Петровича челюсть отвисла и шапка с головы от вихря танца слетела. А когда Петрович получше к танцующим пригляделся, и вовсе дар речи потерял: впереди всех в прозрачной набедренной повязке Дуракова кадрили солирует, фабричную, колхозную, простую и серьезную.

Очень царьку эти танцы понравились, весь ансамбль к себе выписал на жаркие гастроли в гареме, а Петровичу калым дал слоновьими бивнями да награду государственную — кольцо в нос. Теперь Петрович его часто с гордостью носит, но окружающим почему-то говорит, что это не высокая награда, а модный ныне пирсинг.

Губернатор и хобби

В любом человеке всегда дремлет какой-либо талант, а уж в таком человеке, как Петрович, талантов спит, пожалуй, целая коммунальная спальня. Ошибочно принято считать, что таланты проявляются в раннем возрасте. А как быть, коли мальцом их не обнаружил? Надобно искать их в себе насильно, возможно, и по команде сверху.

Для этого и придумали в нашей области хобби. Даже флегматичный вице-губернатор Тихонич стал на досуге декоративных курочек разводить. Иногда в склерозе забудется и ну помощников в кабинет созывать:

— Цып-цып-цып, мои цыплята!

Квохчет и деньги им, как просо, сыплет. Смотрит радостно, как они по ковру ползают и деньги клюют, как петушки молодые, дерутся. У Чардаша склонность к живописи проснулась, к модному ныне боди-арту. Заходит к нему раз Петрович, а Чардаш на аппетитной заднице Дураковой гуашью бабочек рисует, щекочет дорогой мягкой беличьей кисточкой. Он весь женский пол в администрации постепенно этим боди-артом разукрасил и защекотал. Губернатору так понравилось увлечение Чардаша, что он приказал персональную выставку прямо в родной администрации провести. Только выставки никто не понял, шепчутся, дескать, губернатор совсем с ума сошел, всех чиновниц догола раздел и краской обмазал. Да, непорочно новое искусство в народ дорогу торит! До него областному люду еще дорости требуется.

Опасно, однако, хобби бывает, чревато необратимыми последствиями. Один чиновник из обл администрации сильно увлекся выжиганием на фанере. Портрет Есенина с трубкой удачно сработал, затем выше художественную планку поднял — премьера выжег, и тоже с трубкой. Еще больше стараться стал, когда за портрет самого Петровича взялся. Заперся ночью на кухне и выжигает. Трое суток прошло, а у него все свет горит, а жена на кухню зайти не может. Звала, в дверь стучала, причитая:

— Дай хоть омлет на завтрак пожарить, не голодной же на работу идти!

А он — ни гугу. Только электровыжигатель сильней шипит да жженой фанерой воет — хоть из квартиры беги или пожарных вызывай. На четвертые сутки пришлось вызвать санитаров.

А что особенного? Может, от проснувшегося таланта человек увидел окружающий мир иначе, чем все мы. Вот и Дуракова стала дома картины из рыбных костей выкладывать. Особенно удачно получались у нее полотна на тему трудовых подвигов области. Знатные люди хорошо из рыбных костей выходили, большой портретной схожести. Глядя на нее, начальник таможни тоже принялся к изобразительному искусству приобщаться — порнографические журналы собирать.

Да и сам губернатор хобби приобрел, талант в себе ощутил, невиданную тягу к прекрасному. С недавних пор стал украшать пространство в своем кабинете окурками. Очень демократично, неординарно и совсем немного места на стенах и потолке уже осталось. Все это как нельзя лучше отражает сущность самого художественного творчества. Любой художник нагло утверждает, что как бы вынужден создавать свои творения, по неодолимому влечению природы, возможно, по указанию Бога. Прекрасное есть жизнь, так почему же инсталляция из обыкновенных «бычков» не может быть прекрасной и актуальной? Это определение столь широко и верно, что даже клюквенный кисель, сваренный женой губернатора и залитый в красивую форму для образования фигурного желе, оказывается произведением искусства, ибо не только удовлетворяет эстетическое чувство губернаторского гостя, но и побуждает к высоким душевным размышлениям, какие обычно булбуряют каждого, впервые увидевшего скульптуры нашего знаменитого областного ваятеля Кишко.

Губернатор и памятники

Богат наш край памятниками. Истории вовсе никакой — область по капризу Хрущева всего полвека как на глобусе России появилась, но куда ни плюнь, обязательно в памятник попадешь. Поскольку мы сами творцы истории, как можем, пишем ее и вая-

ем. Поставили памятник Пушкину, и неказистый Александр Сергеевич из алюминия получился, будто скульптор только одно и знал, что тот курчавый арап. Стоит Пушкин возле театральной банкетки с цилиндром и перчатками, словно не стихотворец известный, а иллюзионист какой. Еще минута — и зайца за уши из цилиндра вытащит!

Пришвина с берданкой и собачкой в обнимку сваяли — невольно поймешь, что был он большой знаток и любитель природы. Толстой — непременно в крестьянской рубахе, босой и с очень большой головой. Сразу видно, не фермер какой-нибудь, а великий писатель. Бунин тоже характерный — сухонький, нервный и язвительный интеллигент, эмигрант неисправимый.

Другие исторические персоны также удивительны. Могучий основоположник русского марксизма Плеханов вышел похожим на объездчика времен сталинской коллективизации. Злые языки говорят, когда памятник торжественно открывали, одному местному плехановеду так плохо стало, что его той же простыней сразу накрыли, что с памятника сорвали.

Автором большинства этих замечательных творений является широко известный в наших краях, заслуженный многими почетными званиями и премиями скульптор Кишко. Он очень прост в своем творчестве и в общении с властями предрежащими. Зайдет в администрацию очередной скульптурный заказ пробивать и скромно о себе сообщает:

— Рядовой художественного фронта Кишко по приказанию губернатора прибыл!

А еще этот известный скульптор нацлидера из меди отлил. Приволок шестикилограммовую статульку к Петровичу и шепчет, как змей-искуситель:

— Я идею вылепить нацлидера долго втайне вынашивал, в тайне держал. Лепил по фото, где он в кимоно на татами сидит, из его же книги про дзюдо. Копировать, конечно, не стал, а художественно осмыслил: поза у него пусть и жесткая, зато взгляд теплый. Чтобы факт этот подчеркнуть, я нацлидеру глазки голубые в скульптуру вставил, из перламутровых пуговиц, и в них лампочки вмонтировал с теплым и мягким светом. Подарим ему его же изваяние, захочет — на стол поставит, как ночник может использовать. Да и меди в нем на полторы тысячи долларов. Не понравится скульптура, так во вторцветмет всегда можно сдать.

Однако огорчил его губернатор:

— Не любит наш нацлидер свои изображения. Впрочем, полторы тысячи баксов я тебе и сам дам, а скульптуру переходящим призом на областных соревнованиях по дзюдо сделаю, потому как похожа она не на нацлидера, а на китайского болванчика.

Славная и весьма небольшая когорта наших ваятелей скорее напоминает некое преступное сообщество, куда постороннему вход строго воспрещен. Например, лет десять назад решили в нашем городе поставить памятник героям-летчикам. Тем, что сорок лет назад от городских кварталов падающий самолет увели, заплатив за это собственными жизнями. Но по новым градостроительным правилам на сей прожект ныне надобно открытый конкурс объявлять, и закон никак не обойдешь. На конкурс работы выставляют без имен. Так и случился большой конфуз: конкурс выиграл никому не известный молодой скульптор. Кишко тут же бучу на всю область поднял, дескать, заслуженных и маститых ваятелей обижают!

Струсила власть, стала выход из этого щекотливого положения искать. Как Кишко угодить и законного победителя конкурса не обойти? И придумала! Решили поставить героям-летчикам сразу два памятника, разумеется, в разных местах города, дескать, негоже на памяти героев экономить, и так сорок лет им памятник не могли поставить! Было только одно но: Кишко заказали памятник в натуральную величину, а молодому скульптору предложили соорудить памятник высотой в... один метр. Такой вот скульптурный пенек! Естественно, молодой скульптор от сомнительной чести отка-

зался. Ну а Кишко теперь торжествует: вырвал все-таки выгодный заказ, не мытьем, так катаньем!

Посмотрел на это безобразие Петрович и решил, что мысль ваятеля приводит к отчаянию, а дух, стало быть, к смерти. Но спорные памятники мудро сносить не стал, а так плотно обустроил новостройками, что непосвященному или гостю города памятников не видно.

Правда, в нашем городе еще один спорный памятник есть, за снос коего все время демократы выступают. Возле администрации с давних пор огромный бронзовый Ленин стоит с протянутой рукой. Губернатору он люб, да только пользы практической нет. Решил он памятник модернизировать в духе рыночной экономики. Тело потолка и пониже отлили, превратив в свинью-копилку. Это чтобы народ закону о самоуправлении помогал и деньгу свою в благоустройство вкладывал. Голову такой же оставили, но с великой пользой модернизировали. Чтобы не пустовала голова вождя, улей в ней губернатор организовал многоярусный, с летками из ушей, ноздрей и рта. Словом, из всех естественных человеческих отверстий. Жужжат теперь пчелы в медной голове, словно мысли мудрые роятся.

Важнейшее из искусств

Хотел губернатор, как всякий великий человек, о себе кино снять, увековечить собственную государственную пользу для смысленных потомков. А что может быть лучше старого доброго вестерна! Тут тебе и сюжет беспроегранный — освоение нужного, но еще враждебного пространства. Романтическая любовная коллизия, даже с представителями коренной национальности. Захватывающая погоня с большой стрельбой. Да и материальная сторона не забыта: героев в финале ждет если не золото, то точно мешки денег из ограбленного банка или поезда. Все как в нашей областной жизни, в повседневной правде ее, в точном отражении суровой действительности, без всякой лакировки и украшательства. Настоящая областная жизнь куда богаче, разнообразнее и интереснее самого смелого художественного вымысла. Вот и разделил Петрович своим постановлением городских и областных чиновников на бледнолицых и краснокожих...

Кино давно закончилось, а война все идет. Буквально вчера областной чиновник украл у городского красавицу жену, а городской в ответ снял за эту пакость с него скальп. В эти же сутки почтовый вагон под откос пустили и два банкомата в супермаркетах на глазах у охранников дерзко вынесли. Милиция по своей близорукости, кроме бытового преступления, в этом ничего больше не видит. И напрасно. Учащаются с каждым днем кражи скота, угоны автотранспорта, убийства, изнасилования, прочие посягательства на жизнь и собственность граждан. Когда же милиция наконец поймет, что все это — война городских бледнолицых с областными краснокожими!

Как Петрович фильм про Мастера и Маргариту снял

Мало кто знает, что самый удачный фильм по бессмертному роману Булгакова наш губернатор снял, а не какой-то там Петрович, тезка его итальянский. Да и где итальянскому режиссеру столько актеров найти? Ведь у нашего Петровича большой административный ресурс имеется. Только рявкнул, и вся чиновничья рать на съемочной площадке оказалась, прямо на бульваре, на трамвайных путях.

Аннушку с подсолнечным маслом Дуракова сыграла, а на роль Берлиоза Петрович вице-губернатора по социальным вопросам Воровского не пожалел. Ему натурально

голову трамвайным колесом отрезало, без всяких дешевых кинотрюков, во имя правды искусства. Теперь эта голова в стеклянной банке стоит заспиртованная в нашем краеведческом музее. Четверть спирта на нее не пожалели. Картина, конечно, жуткая, но и фильм не слабый. Вот потому на этой голове до сих пор волосы шевелятся, а по ночам она глаза открывает. И квартира Воровского-Берлиоза тоже нехорошей стала. В ней до сих пор следователи пропадают, а потому дети Воровского никак наследство оформить не могут.

Воодушевленный таким кинематографическим успехом, решил Петрович по мотивам собственного фильма целый модный телесериал отнять на местном телевидении. Чтобы серий триста областные домохозяйки слезы лили, нелегкой судьбине Маргариты и Мастера каждый вечер сопереживали, от экономического кризиса в стране свои мысли отводили. Роль Маргариты в сериале дочери губернатора досталась. Каждый день теперь на метле летать учится в чем мать родила. Мастером и одновременно Иисусом, сразу на две непосильные роли, Петрович себя утвердил. Посчитал, что другие чиновники столь сложные и глубокие образы убедительно не освоят. Воландом, разумеется, Тихоныча назначил, за неугасимый адв пламень в глазах и склонность к разного рода пакостям. Чардашу роль Бегемота поручил, он и так на наглого kota шибко смахивает, и гримировать не нужно. Только ведущий журналюга области Бредисфельд уперся. Не хочет поэта Бездомного играть, в сумасшедший дом ложиться. Петрович его вначале по-хорошему уговаривал, стыдил:

— Ты что, Изя, массового искусства чураться, дохлого эстета из себя корчишь? Мы тебя не случайно на эту роль сватаем, знаем, что тайком стишки пописываешь и единственным верным наследником творчества капитана Лебядкина себя считаешь, преемником литературного золотого века. Будешь артачиться, действительно тебя бездомным сделаем — квартиру отберем и в сумасшедший дом навсегда запрем!

А Бредисфельд не робкого десятка оказался, встал перед губернатором руки в боки и упорствует:

— Я квартиру давно на молодую жену переписал, по мудрому совету тещи, а в сумасшедшем доме давно дружбу с докторами и санитарями завел, — сказал все это ехидно да как сиганет из окна администрации, с третьего этажа, и прямо в кусты, отряхнувшись, как собака, и деру дал.

Пришлось съемки временно приостановить, трудно подходящего артиста найти. И все из-за, казалось бы, второстепенной роли. Выходит, нет в настоящем искусстве ничего второстепенного и эпизодического! Пусть даже писательская организация наша поэтами богата, но все персонажи какие-то не колоритные, не убеждают они Петровича, хотя многие на самом деле в сумасшедшем доме не раз бывали и до сих пор живут без квартир. Видимо, роль Бездомного богатого внутреннего мира требует, а не только бедного внешнего.

Губернатор и художественная самодеятельность

Профессиональное искусство Петрович недолюбивал, можно сказать, презирал, здраво считал, что настоящий творец не может творить за звонкую монету, быть вечным рабом гонорара. Потому где бы он ни работал, везде упорно трудовые массы в самодеятельность вовлекал. Решил он и в своей администрации драматический кружок открыть на радость Мельпомене. Спектакль подобрал идеологически безупречный — восточную сказку. Естественно, главную роль — мудрого султана — сам играть взялся. Была в спектакле сцена одна, в коей правителя челядь выносит из дворца в роскошном паланкине. Настал день генеральной репетиции, а хитрые чиновники-

наибы справки ему приносят, где указано, что больше трех килограмм им поднимать нельзя. Выходит, сцена с выносом Петровича в паланкине грозит сорваться. Петрович хитрых симулянтов плеткой султанской отстегал, но медицинские противопоказания к сведению принял. Не изверг же он какой, чтоб грыжи подчиненным наживать. Придумал он в паланкине отверстия для ног проделать. Так и состоялся спектакль с торжественным выносом губернатора в паланкине при аншлаге.

Но не только в крупных формах художественной самодеятельности успех был. И малые формы — отдельные номера не забыты. Например, у Чардаша хорошо борьба найских мальчиков получалась. Это когда один человек меховой костюм в виде двух северных ребятишек надевает и сам с собой борется. А секрет сценического успеха Чардашу сам губернатор подсказал:

— Ты представь, что так за госсказ для своей жены борешься!

Внял мудрому наставлению Чардаш, и художественность номера в его исполнении от этого несказанно выросла. Петрович любит его теперь столичным гостям показывать, дескать, знай наших!

Даже Тихоньч комсомольской стариной тряхнул, глядя на успех коллеги, и, малость покумекав, трюк с исчезновениями предметов Коперфилда разгадал. Соберет у зрителей часы и кошельки, платочком накроет и занывает. Так он и облигации областного займа в никуда определил. До сих пор ищут. И более крупные предметы он мог припрятать. Накроет саваном какое-нибудь успешное малое предприятие, пробормочет:

— Крекс, фекс, пекс!

И больше это предприятие никто не увидит. А все потому, что от старческого ма-разма заклинание по возвращению предметов забыл. Губернатора это вовсе не смущает, главное, что первая часть фокуса получается, надо ведь к творческим людям снисходительно относиться, поощрять их таланты по-доброму. Авось когда-нибудь Тихоньч волшебное заклинание целиком вспомнит, предметы и деньги вернет с процентами.

Петрович и народные промыслы

Очень уж любил Петрович народные промыслы, постоянно их развивал и совершенствовал. Да как иначе, если только произведения областного народного искусства о нашем областном же характере рассказать подробно могут, нашей истории, сермяжных идеалах благополучия, счастья и красоты.

Большинство областных народных промыслов возникли у нас в деревенском ремесле, но только сразу после указа Хрущева об образовании области. Ибо нет области — нет промыслов. А уж Петрович всегда понимал гносеологические истоки любых промыслов, и сама природа мудро подсказывала ему материалы и сюжеты. Особенно в девяностые годы. Так появилось выжигание алюминия и меди из кабеля, где были его большие природные залежи на брошенных предприятиях и действующих опорах ЛЭП. Отхожий промысел бомжей на садовые участки за чужим добром славно прижился. А уж пальцевская роспись на стенах домов, заборах и в туалетах бытовала у нас давно и ныне трансформировалась в модное граффити. Хорошо развился перегон старых, ржавых иномарок из Прибалтики. Очень распространено выдувание пластиковых бутылок с последующим их использованием в самых разных отраслях обывательской жизни. Даже заборчики вокруг палисадов из них делают и теплицы шьют.

Но мировую славу нашей области snискали матрешки из пластиковых бутылок с изображением Петровича и всех членов администрации. Этот сувенир довольно молод и происходит от разъемной пенопластовой куклы вуду, изображавшей вождя, над которой часто колдовали враги, злобно втыкая английские булавки ему в глазки.

Знаменитая прежде хохломская роспись золотом по черному перешла со шкатулок, братин, самоваров и подносов на кредитные карточки и визитки. Сюжеты тоже преобразились в духе времени. Удивительно сочетание утонченного, духовного письма с простым, земным содержанием, возникшим от наивных и трогательных народных представлений о новой, местами хорошей жизни: «прокурор в сауне», «олигарх на охоте», «крышевание кооператива», «плечевые на трассе», «депутаты в кукольном театре», «крах долевого строительства» и прочие любимые сюжеты.

Отдадим должное комиксам. Они перешли в сюжеты глиняных романовских игрушек и турецких пластмассовых одноразовых сервизов. В наше время жители области очень любят и ценят произведения народного искусства. Почти в каждом доме можно увидеть мебель из картонной упаковки и пластиковой тары, глумливую матрешку «Петрович». У многих есть целые коллекции пустых пластиковых бутылок, поделки из них в виде светильника и бухты медного кабеля. Эти наивные игрушки всегда напоминают губернатору о его добром, щедром и хитром на выдумку народе.

Боевые гуси

В армии Петрович служил на берегу Амура, аккуратно на китайской границе. Время тогда беспокойное было. Хотели они у нас землицы оттяпать. Поручил тогда Петровичу отец-командир, прапорщик Скамейкин дело государственной важности — гусей пасти. Птица эта имеет большие стратегические способности. Известно ведь, что гуси Рим спасли, когда враги на Капитолийский холм ночью карабкались. Хотите верьте, а хотите нет, но и с Петровичем похожая история приключилась и в анналы военной российской науки навсегда вошла.

Спит однажды Петрович с гусями в душном катухе, а хунвейбины уже посреди батюшки-Амура плывут по-собачьи. Напасть на мирный советский берег хотят, сон и покой наших граждан растревожить, всех лягух поесть и святыни, где можно будет, порушить. Но чуткие гуси Петровича далеко супостатов услышали, едва они за буйки заплыли и в фарватере волну нагнали. Да такой шум и гам подняли, гогот великий на весь Краснознаменный Дальневосточный военный округ, что не только заставы в ружье успели подняться, но умыться, свежие воротнички подшить, сапоги начистить, сытно позавтракать и перед боем законные сто грамм принять. Амур широкий, по-собачьи его не шибко скоро переплывешь! Таким образом, используя выгодный временной фактор и ракетные системы залпового огня «Град», успели в большом количестве на берег выкатиться. Да как ракетами шарахнули, аж вода в Амуре закипела и до утра остыть не могла. Полная победа благодаря гусям случилась.

Только прапорщик Скамейкин куда-то внезапно пропал. Долго его по тайге искали, в кедраче, женьшене и борщевике, норы звериные обследовали, берлоги ворошили, дупла от пчел проколачивали и на любой шорох из «калаша» палили. Вдруг отзовется?

Много лет спустя, уже став губернатором, по праву памяти Петрович документальную повесть «Боевые гуси» об этом решающем ночном бое написал. Так тема вызрела, проверку временем выдержала, что Петровича сразу в писательский союз приняли, государственную премию дали, а всю нашу писательскую организацию в благодарность стали в народе метко величать «Боевые гуси».

Гусиный генерал

За подвиг с боевыми гусями Петровичу срочно звание ефрейтора присвоили. Однако он намного выше свои полководческие способности понимал. Купил в местном

военноторге генеральские погоны и важно к гимнастерке пришел. Ходит Петрович по части в генеральских погонах, радуется и не понимает, почему другие военнослужащие пальцем у виска крутят. На беседу Петровича к себе командир части вызывал, пенял назидательно, дескать, если добровольно не снимешь генеральские погоны, при всей части на плацу их сорву. Сажали Петровича на гауптвахту. Да все без толку, ибо на губе он вел себя как крупный военачальник в плену: требовал каждое утро, чтобы расстреляли и глаза не завязывали. Крепко озадачил Петрович воинское начальство. За ношение погон не по чину в дисбат не отправишь, уголовного дела не пришьешь. Решили просто комиссовать от греха подальше. Вот и вернулся Петрович в родное село в генеральских погонах на законном медицинском основании.

Как Петровича за шпиона приняли

Учиться Петрович решил на лесника. Желающих в эту профессию идти мало было. Кому охота на отшибе цивилизованной жизни жить, в глухом лесничестве. Да и поступить в институт после армии проще, большая льгота была, принимали вне конкурса. И сама учеба довольно простой вид имела. Советскому леснику что требовалось? Уметь правильно на охоте и рыбалке партийное начальство принять, пиломатериалы разного рода начальничкам по дешевке выписать. Вот и все обязанности. Конечно, и лес охранять требовалось, от местного браконьерского населения. Только здесь строгость лесника и проявлялась в полном государственном объеме. Знай, народ, чьи в лесу дровишки и шишки, чьи кабаны и зайцы. Все это добро только представителям власти принадлежит, а лесник и есть человек государственный, потому и в форме ходит, злобен и вооружен.

С этой формой забавная история приключилась. Приехал Петрович в отдаленное лесничество на практику. А в том районе давно лесника не было. Поселился на заброшенной заимке, чемоданы оставил, а сам в ближайшую деревню пошел в сельпо, за спичками, табаком, солью, водкой и сахаром. Да заодно хотел с деревенскими жителями ближе познакомиться. Приструнить, чтоб в лесу больше не баловали. Заходит в деревню при полном параде, в форме, фуражку с лакированным козырьком лихо набекрень заломил. А в той деревне настоящего лесника отродясь не видели, да еще в форме. Сразу большие подозрения у малограмотных селян эта форма вызвала. Бабы на завалинках подсолнухи лузгают, шурются на него и шушукуются меж собой:

— Гляди, шпион!

А мужичье неотесанное вообще сразу за косы и вилы взялось. Так и побежала толпа за Петровичем с криком:

— Держи шпиона!

Догнали у околицы, наземь повалили, бока сильно намяли, веревками бельевыми связали и в сарай под висячий замок заперли. Довольные, что шпиона поймали, пошли звонить из правления в район. Одно Петровича спасло, что председатель колхоза образованный человек оказался, бывший учитель. Говорит мужичью с сомнением:

— А ну, храбрецы, покажите мне этого иностранного агента!

Да как глянул в сарай, обомлел — там лесник Петрович, побитый и связанный, в дражной шинели на соломе лежит.

Простил Петрович селян неразумных, даже для вида похвалил за бдительность. Так и говорил им, когда магарыч за принесенный ущерб всем колхозом ему поставили. Дескать, бдительность — не мнительность, бдительность — не страх! Хотя, признаться, страху он тогда сильно натерпелся.

Как Петрович кита съел

Студенческая жизнь Петровичу в тягость была. Учиться он не любил и большого смысла в том не видел. Терпел учебу только из-за корочек, то бишь нужного в жизни диплома. К чему в тонкости лесного дела вникать, коли основным занятием будет партийных начальников на природе ублажать. Накладно учиться было, стипендия копеечная, одно выручало — на лесных практиках запасы на зиму делал: грибы, ягоды, орехи. А еще приспособился Петрович в городе дешевой морской капустой питаться и китовым мясом. Это оно сейчас — модный деликатес в японских ресторанах. А в советское время есть его брезговали — на всех прилавках валялось, по шестьдесят копеек за килограмм. Видом на говядину похоже, но цвет больно омерзительный, фиолетовый, словно говядину какой гад взял и чернилами облил. И запах рыбный, противный.

Но Петрович терпел, ел китятину и нужные калории для организма от тощей студенческой жизни таким образом восполнял. Нажарит, бывало, сразу килограмм, целую сковороду. Всю кухню студенческую провоняет, а после целый день ест. Даже на лекции китятину с собой брал, в шаргалки бутерброды с ней заворачивал. Многим однокурсникам такое поведение Петровича не нравилось. Даже сатирическое стихотворение в институтской стенгазете появилось.

Вызвали его на студком, на вид китоеда поставили. Ультиматум выдвигают:

— Прекращай, Петрович, китятину есть, ты уже и так за пять лет учебы точно целого кита сожрал! Да и Гринпис китобойный промысел запретить грозит, китов совсем мало осталось. А ты же на лесника учишься — защитника природы.

— Как диплом получу, так и брошу китятину есть, — огрызается Петрович, — не по своей воле ем ее, а из большой студенческой экономии. У меня уже от китятины и морской капусты ночью физиономия светится, от переизбытка в организме фосфора.

Сказал это и свет в аудитории выключил. Глянули однокурсники и обомлели. Действительно, физиономия Петровича во тьме белым фосфором светится! Перепугались и ну бежать всей кодлой со студкома. А Петрович свет включил и в магазин с авоськой за очередным килограммом китятины пошел. Питать мозг требовалось усиленно, на носу защита диплома.

Надобно отметить, что долгое питание полезными морепродуктами с организмом Петровича настоящее чудо сотворило: он вдруг обнаружил, что дышать под водой свободно может, прямо как знаменитый Ихтиандр. Это полезное свойство в будущем сильно пригодилось. Прошло немного времени, и его высокий начальник, тогдашний губернатор Хавролин, заметил да и взял к себе на работу именно Ихтиандром. Так и в трудовой книжке записали. Рыбу свежую начальству к столу руками ловить.

Предприимчивый Петрович

Жить в лесничестве было скучно, трудно и голодно. Волки по ночам вокруг избы воют, и хоть самому волком вой. Вот и решил Петрович попытаться жизнь к лучшему изменить, к своему студенческому предпринимательскому опыту вернуться, малым бизнесом для начала заняться и в люди выбиться. Но какой бизнес в такой непролазной глуши сотворишь? Лес продавать на сторону — разовое занятие, да и свои деревенские мигом милиции сдадут. В сельской местности вся твоя жизнь на виду у честного и вредного народа, живешь, как облупленный, и одни мелкие завистники кругом. Бабки от нечего делать по окнам сидят и высматривают, кто прошел или проехал. Телегу с горбылем мимо деревни инкогнито не провезешь. Лесную живность браконье-

рам на убой продавать? Опять же дело разовое и сезонное. Доходы небольшие, все стараются за добытую дичь один магарыч всучить. А от визитов начальства и загулов чиновничьих на заимке одни убытки, сам порой в долги влезашь, чтобы начальников ублажить.

Впрочем, в деревне у него хороший приятель был, раньше на почте работал шофером. На автомобильчике-«каблучке» ИЖ почту в советские времена развозил. А после того как почту закрыли за нерентабельностью, этот «каблучок» у него и остался, спиленный из почтового хозяйства. Приятель и подал Петровичу ценную идею, своего рода малое предприятие на паях открыть — похоронную контору.

Идея была проста: Петрович из подведомственного леса гробы сколачивает, а дружок на «каблучке» усопших до места постоянного назначения доставляет. Бизнес по тем временам беспроблемный, благо народ от реформ мрет и мрет. Да и если реформы закончатся благополучно, убытка предприятию не будет, так как основано оно на естественном порядке жизни: все мы смертны и против природы не попрешь.

Однако первые же коммерческие похороны фиаско потерпели. Компаньону Петровича отвезти покойника до кладбища родственники не дали, заартачились. Оказалось, что длина кузова «каблучка» всего... 160 сантиметров. У покойника ноги из этого кузова наружу торчат, и ничего не поделаешь с явлением кузовного маломерства. Не калачиком же усопшего укладывать? А если в гробу повезешь, то и гроб наружу торчать будет. Так фирма Петровича и умерла, толком не успев народиться. Однако редкую инициативность Петровича сельчане очень оценили и на первом же собрании председателем совхоза дружно выбрали. Так Петрович наконец от постылой шинели лесника избавился и на радостях в печке ее сжег.

Как Петрович музей из ничего сотворил

Не успел Петрович директором совхоза стать, как его первый секретарь райкома на ковер вызвал и мохнатые брови сурово насупил:

— Почему в вашем совхозе нет краеведческого музея? Чтоб завтра в райгазете «За изобилие» была об этом статья. Хоть свой совхозный кабинет в музей превращай. А вот тебе первый экспонат — мешок земли с охотничьими гильзами. Высыплешь посреди кабинета и назовешь экспозицию «Поля сражений»!

Удивился Петрович находчивости секретаря райкома, но даже глазом не моргнул. Только и сказал, кряхтя, мешок с землей на спину поднимая:

— Будет музей!

Землицы с гильзами насыпал, пару черепов сверху положил, а дальше так в раж музейного дела вошел, что стал своими руками из песка и цемента местную монументальную историю творить. На входе в правление кирпичную колонну воздвиг, как столб александрийский, но не с ангелом, а с забетонированным у самого верха словом: «БДИ» незабвенного Козьмы Пруткова. Следующая прутковская надпись на парадном крыльце совхозного правления покрасовалась: «У предательства нет природных корней». К чему бы это или о ком конкретно?!

А во дворе правления-музея забелела огромная, словно изваяние с острова Пасхи, голова декабриста Пестеля. В совхозном фонтане гипсовый Стенька Разин персидскую княжну топил, и в очень развратной позе. Но выше всех творений заторчала над притихшим селом еще одна песчаная голова. Петрович, поймав удивленный взгляд секретаря райкома, приехавшего посмотреть на чудо-музей, важно заметил:

— Это Спиноза.

— А почему, неужели и он родился в наших краях? — недоуменно спросил секретарь.

— Э. Спинозу я поставил выше всех, и не случайно, — чинно отвечал ему Петрович, — потому что вокруг уничтожается природа, как бывший лесник на своем опыте знаю. А Спиноза сказал: «Бог — это природа», и за это его осудили.

Затем Петрович повел обомлевшего секретаря по залам музея-правления. Исторический экскурс завершался порой неожиданно: на стене совхозного нужника светились два искусственных глаза.

— Это варяги на нашу область глаз положили, — важно пояснил Петрович.

А в экспозицию Бунина Петрович поставил классику две бутылки «Бунинской» водки за его нелюбовь к Белинскому и Ленину. Рядом соседствовали не менее удивительные барельефы: Обломов в буденовке, в шинели, в сапогах и с винтовкой. Как выразился Петрович, «восстал и прет на Гончарова». Закончилось тем, что красный от испуга секретарь сплюнул сквозь зубы:

— Заставь дурака...

Но не договорив известной поговорки, хлопнул дверью служебной «Волги» и уехал восвояси. Долго этот музей власти не трогали, кривотолков боялись, а закрыть смогли лишь в августе 1991 года под звуки «Лебединого озера». Символично получилось.

Повесть о прапорщике Скамейкине

Завелся с некоторых пор в наших лесах грозный разбойник. Стал придорожные бензоколонки грабить, в мотелях продукты воровать, в лесхозах — пило- и стройматериалы тырить. Нашего фельдъегеря ограбил, когда тот подарки из области в столицу вез и «входной билет» в кабинет министров. Фельдъегеря медвежьим салом обмазал и собаками до смерти затравил. На основы власти покушался. Бывало, заедет в какое сельцо и крестьянам объявит:

— Земля теперь ваша, а не АПК, и вода ваша, и почта, и телеграф.

А то и хуже. Переоделся сельским учителем и устроился к девушке Маше репетитором, дочке фермера Троекурова, отставного генерала ФСБ. Большое доверие у него получил: на районных балах концертмействовал, первым икру на батон намазывать мог, первым «Столичную» откупоривал и местных барышень. Особенно Машеньку он любовью одурачил. Вместо арифметики да правописания ей, бедняжке, порножурналы показывал, опыты с прибабасами из секс-шопа с ней проводил. Узнал об этом непотребстве Троекуров, да поздно. Уже фазенда его пылает, зеленя на полях отравлены, скотина вся в сибирской язве лежит, а учитель с дочерью под ручку с революционными песнями в лес шагают, а за ними и все его батраки. Тут и хватил генерала смертельный удар.

История эта многие наши газеты обошла и мировые агентства. Не на шутку Петрович растревожился, больно ему этот злодей имидж региона портит. Стал думать: откуда напасть такая? А тут еще Петровичу донесли, что уж больно разбойник на его сослуживца армейского похож, прапорщика Скамейкина! Губернатор об этом и сам порой догадывался, но до конца поверить не мог. Помнил он, что после победы его гусей над китайцами прапорщик в тайге сгинул. Правда, Петровича после этого еще не один год в органы таскали, все выспрашивали, что он подозрительного о Скамейкине знает, дескать, какие он в части разговоры заводил, какой моральный облик с вольнонаемными поварами имел, был ли идеологически стоек к армейской кухне. Нагло утверждали эти органы, что вовсе не в бою пал Скамейкин, а к хунвейбинам в плен сбежал и у председателя Мао рикшей служил. Твоя садись, моя поехала.

Не мог поверить в это Петрович, потому сомневался: Скамейкин ли? Говорят, что нынешний супостат одноногий, на деревяшке из красного дерева ходит. А прапорщик Скамейкин всегда о двух ногах был и сапоги до блеска чистил. Да и как он мог тогда

рикшей работать? На одной ноге председателя Мао далеко не увезешь. И грехов особых за Скамейкиным в части не значилось. Разве что купил он в военторге генеральские погоны да к кителю и пришел звездочки покрупнее. Так по части и ходил. Ничего с ним сделать не могли. В дисбат за это не отправишь, только комиссовать можно. А тогда Родине кому служить? Не всяк в прапорщики пойдет. Еще одно нарушение за ним небольшое было — ядерную бомбу в карты проиграл. Но ведь он тогда двое суток в преферанс играл, втемную, с бомбами...

Вспомнил губернатор, как год назад к нему одноногий отставник в китайской блузе на прием записаться пытался. Пенсию просил, все кричал, что хунвейбины предателям пенсии не назначают. Милиционеры на вахте прогнали его тогда взашей, даже костыль из красного дерева сломали.

Решил Петрович разбойнику СМС на сотовый отправить, выяснить все непонятки. А в эсэмэске пенсию пообещал. Так на след душегуба и вышли. В УВД специальную операцию разработали — «Лесополоса». И когда разбойник сообщение от губернатора на мобильный принимал, у Комсомольского пруда субчика и повязали. Скамейкин в это время очередного фельдъегеря членил. Не просто, выходит, взяли, а с поличным. Даже судить не стали, сразу на главной площади казнили, когда еще убиенный им фельдъегерь остыть не успел. Другим прапорщикам на назидание.

Машу губернатор простил и отдал в монастырь на перевоспитание. Но через месяц она сбежала с заезжим шофером. Правда, в жизни все равно устроилась, сейчас плечевой без выходных работает на большой дороге. Печальную судьбу отставного генерала Петрович тоже не забыл. Село в его честь назвал — Троекурово. В этом каждый может убедиться, посмотрев на карту нашей области.

Музей-ресторан

Литературная слава Петровича должна была музейные формы обрести. Мечтал губернатор, чтобы его рассказ «Боевые гуси» на музейной витрине под стеклом лежал в виде книги. Да и рукопись с авторучкой, предметы писательского быта кое-какие. Гипсовый слепок руки, шедевр писавшей, стул, письменный стол, зубочистка любимая, ковыряя коей в зубах, он вдумчивые образы находил и точные метафоры. Вообще, все, что положено в экспозиции. Но помещать свою литературную славу в краеведческий музей не хотелось. Неуютно соседствовать с чучелами зверей и птиц, природу родного края представляющих, с шестеренками, подшипниками и памятными чугунными слябами, прославляющими местное производство.

Решил губернатор Литературный музей для такого дела открыть, для своей писательской славы и всех местных литераторов, в области просиявших. Особнячок для этой благой цели он давно присмотрел. Стоял домик старинный и бесхозный в стиле «модерн» аккурат напротив здания администрации, можно сказать, окна в окна. В царские времена в нем аптека была, в советские — бюрократическая контора, а в нынешние он пустой стоял, сильно поизносившийся и в долгострое капитального ремонта. Бросил Петрович все силы, чтобы ремонт поскорей завершить, бюджет и бизнесменов пошерстил на восстановление исторического памятника и создание Литературного музея. А как ремонт закончился, к губернатору неожиданно прибегает запыхавшийся начальник областных художников Творянчиков и ну особнячок канючить:

— Отдай, Петрович, нас, художников горемычных, в три раза больше, чем писателей. Мастерские Худфонда давно в аренду сданы, соберись творческим людям на праздник негде. Давай в нем музей-ресторан создадим имени старейшего нашего живописного мастера и моего учителя Порокина!

Понял ход мыслей Творянчикова губернатор. И чего застолья в администрации устраивать, коли можно столичных гостей рядом принимать, без посторонних взглядов и кривотолков. Но как славу художника Порокина до музейных стен довести? Во-первых, он еще живой, да и не в этом доме родился. Во-вторых, пишет живописный дедушка-гномик свои пейзажи большими пятнами масляной краски, даже цемент подсыпает для выпуклости, вроде уникальный колорист какой. А монументальных полотен типа «Тихон Хренников арестовывает Союз композиторов по приказу И. В. Сталина» у него нет. Какой же большой художник может состояться в нашей области без освоения крупных форм?

Но Творянчиков выход из положения нашел — послали старичка на казенный кошт с картинами в Париж, к одному знаменитому галерейщику, чтоб творчество заценил. Вернулся Порокин к губернатору без денег, но с пустой консервной банкой в руках, это, дескать, Петрович, сувенир такой с парижским воздухом! А следом в кабинет губернатора Творянчиков с консервным ножом забегает и давай банку открывать. Только крышка слетела, как флюиды и миражи парижские из банки по всей администрации пошли. Монмартр появился прямо ниоткуда, а на нем картины Порокина интуристы за доллары и евро скупают да тут же в Лувр перепродавать несут. Обрадовался Петрович и говорит Творянчикову:

— Твоя взяла, быть в этом доме не Литературному музею, а музею Порокина с гастрономическим уклоном и гостеприимством!

Пошла в особнячке чиновничья и художническая пьянка-гулянка. Ни одного видного гостя мимо не провозили. Только сам виновник музейно-ресторанного торжества Порокин ворчал:

— Сделали из меня свадебного генерала, а в дом своего имени не вхож!

А тут еще старичок-гномик молодыми художницами увлекся, для наставничества. Вместо пейзажей у него странные, аляповатые изображения из-под широкой кисти выходить стали и на один манер: большая женская нога, лицо пятном и шляпа. Одну молодую художницу Фиону мастер для удобства натурописания у себя на квартире поселил. Навроде платонической семьи творческой. Автор этого печального повествования сам видел почти идиллическую картину: идет длинноногая Фиона в большой фетровой шляпе на Соборную гору, аккуратно к дому-музею живого старичка, а за ней, молодой и резвой, Порокин тяжелый этюдник на плече несет, на подъеме крутом еле дышит. А Фиона обернулась на легком остром каблучке и родственную художественную душу слегка подбадривает:

— Ты что, старая б..., еле плетешься!

Но вскоре плодотворная музейная жизнь целой человеческой трагедией обернулась. Собрался как-то летом Порокин в Елец пейзажи писать по клеточкам и ну у хитрого Творянчикова машину служебную просить. Дескать, подавай мне свою директорскую «Волгу», коли моим именем вовсю музействуешь и директорствуешь! Но не дал горемычному машину Творянчиков, как слезно ни просил Порокин, на шибко преклонный возраст ссылаясь, ведь девяностый годок разменивал. Пришлось старичку по тридцатипятиградусной жаре в Елец и обратно в рейсовом автобусе ехать. Как вернулся с пленэра, сразу лег на диван и тихо помер.

А тут и другой скандал подоспел. Поехала в Париж группа молодых художников перформанс устраивать, да и выяснили проныры, что вовсе не заценил известный парижский галерейщик пейзажи Порокина, только плечами пожал и упрекнул в дальтонизме. Хотел было губернатор в приступе ярости Творянчикова наказать, за обман музейно-гастрономический, да передумал. Действительно, зачем такой уникальный организаторский талант наказывать. Скорее поощрять надобно художественно-экономическую инициативу! И тут же назначил директором картинной галереи. Там площади

для ресторанный дела побольше будут, и таких, как художник Порокин, мастеров пруд пруди на стенах висит, прославляя любого.

Как губернатор атаманом стал

Разумеется, местные казаки губернатора атаманом выбрали. Прямо на всеобластном местечковом кругу. С гиканьем, вприсядку, с шашками наголо. Событие на редкость музыкальным сделали, из столицы известного поп-казака пригласили. И не беда, что Петрович картавит малость. У нас в области все казаки картавят. Это еще с комсомольских лет осталось, от подражания Ильичу. Тут уж ничего не поделаешь: с кем поведешься, от того и не вернешься. Зато Петрович генеральские погоны с царскими вензелями на костюм деловой от гордости пришил, а с седлом и вовсе не расставался, так промеж ног оно у него и висело, правда, без стремян. Со стремянами — это уж слишком! — подумал Петрович. Сразу видно — скромный, природный казак. А тут еще доброхот в его родословной покопался. О-го-го, его предок тоже казацкий плантатор был, только яицкий. Самого Пугачева предал за коляску конской колбасы. А еще шашку Петровичу подарили с булатным клинком. Острая — жуть! Носовой платок на нее бросишь шелковый или чиновника провинившегося какого, мигом пополам до земли долетает. А за мелкое хулиганство или хищение небольшое Петрович в мировых судах казачью практику наказания ввел, розгами или плетью. Судьи теперь сами виновных порке подвергают, без всяких судебных исполнителей. Скажет судья строго:

— А ну, подсудимый, заголяй для наказания по приговору свой зад!

Говорят, что кнут и розга почтение к областным законам укрепляет посредством болевого шока. И тюрьмы переполнять теперь не надо всякой шелупонью за мелкие противоправные деяния. Стало быть, как наш губернатор казаком заделался, вольней стало жить, справедливей и веселее. Ипподромов, ансамблей казацких много развелось, оружейных мастерских, шорных кооперативов, парикмахерских и ателье. Но вот тем, кто на другом берегу Дона дворы имел, в знаменитой Задонщине, не повезло. Петрович почему-то их упорно черкесами и абреками обзывает, а по берегу заставы и секреты расставил.

Петрович и масоны

По итогам выполнения нацпроекта «Доступное жилье» нашего губернатора сразу в масоны записали. Пришли к нему строители-гастарбайтеры с ветками акации в натруженных руках и говорят степенно:

— Мы к тебе от самого Хирама Абифа с поклоном и сметой. Принимай почетный фартук, циркуль и мастерок! Будешь новую Берлинскую стену строить, а то НАТО непонятные понты развела!

Однако губернатор подарки не принял. Масонам отвечал уклончиво:

— Фартук мне ни к чему, я в рентгенкабинете не работаю, циркуль не нужен, потому что с детства не любил овал, я с детства угол рисовал. В мастерке проку нет, ибо строительство у нас крупнопанельное, и акация не пригодится, я лучше крыжовник на огороде посажу. И товарищу Абифу передайте, дескать, о мировом заговоре губернатор представление имеет и, вообще, склонен не к тайным собраниям по вопросам административного управления, а только к явным.

Действительно, в строительстве Петрович большой успех поимел, до него все, что в области ни строили, — хрущобы и махалля. А он от прогрессивных архитектурных мыслей никогда не отставал, типа ар-деко, хай-тек, зиг-хайль. Особенно его испанская

архитектура занимала. Этаким микс Европы и Востока. Дремлет в нем Альгамбра, спит Эстремадура. И все это веет миндалем с Балеарских островов и дачами новых русских в Коста-Браво. Петрович одно время и сам хотел дачку на испанском побережье построить, да природа ему больно голой показалась, каменистой. За грибами сходить некуда, и рыбы речной не половишь, а морскую живность Петрович не шибко уважал. То ли дело наши караси в сметане или уха из ершей и пескарей! Совсем другой вкус! Хотя домашние у губернатора дачу в Испании постоянно канючили. А все потому, что теща у Петровича испанка была, Дульсинея Тобосская, племянница Франко. Ее у нас, помнится, Пассионарией величали, видимо, за стойкую приверженность к определенным сексуальным позам. Она с интербригадой в Россию прибежала, со всем испанским золотом, после победы дядюшки. Не сошлись характерами, власть не поделили, а золото у нее потом хитрый Сталин отнял, жениться обещал, но слово свое партийное так и не сдержал, поостерегся. И немудрено, черна испанка была, как головешка, и темперамента огненного. Даже в туалет с кастаньетами ходила. И Петрович теперь, в память о знойной теще, в туалет с кастаньетами часто ходит. Трещит художественно. Много ему теща испанской культуры привила, как мандарин с антоновкой скрещивала. Вечерами Петровичу испанский сапожок примеряла, о Торквемаде рассказывала, о Сиде и сидре за кальвадосом. Благодаря ей Петрович к архитектурному вкусу приобщился и даже великого Гауди превзошел, только не под трамвай, а под первый в городе троллейбус попал и вовсе не погиб.

Совет отряда

Губернатор наш ловкий очень, даже руками пулю поймать может, когда шутники по окнам его кабинета по ночам стреляют. Для этого дела Петрович чугунную рукавицу заказал и фосфором обмазал, чтоб лучше в темноте пулю видеть. Ловит он их играючи, как кот мух. Жужжат пули, стало быть, понапрасну. Очень полезной рукавица оказалась. Навестил как-то Петровича Майкл Тайсон. Мужичок он, известно, задиристый не по делу. Рюмку выпьет — и пошел бузить.

Сидели за столом мирно, беленькую уговаривали с селедочкой по-царски, с морковкой по-корейски, с черными груздями в сметане. Аппетитно так Тайсон на губернатора поглядывает, словно прощупывает. Но только Тайсон справа открылся, чтобы Петровичу ухо откусить, как губернатор чугунной рукавицей его и достал. До сих пор Тайсон Петровичу благодарные письма пишет, о нокауте вспоминая. Урок мастерства американскому ухоеду преподнес.

В дзюдо тоже Петрович от всей страны не отстаёт, прямо в кимоно за национальным лидером идет. Любит подсечки особенно отрабатывать. Заезвается случайный прохожий или баба какая, глядь, уже на асфальте фейсом вниз лежит, только ладонью стучит, сдаётся, стало быть. Чтобы Петрович удушающий или болевой прием проводить не стал.

И в художественной гимнастике губернатор преуспел. Поставит, бывало, натурального козла у парадного подъезда и целый день прыгает через рога и круп козлийный, уморительные кульбиты выделяет.

Спросят его ветераны партийного строительства:

— Ты что, Петрович, белены объелся?

А он в ответ назидательно:

— Это я подрастающему поколению показываю, что всего в жизни можно добиться только через трудового козла! Даже губернатором стать.

Кивают головой ветераны-партийцы, соглашаются с мудрым Петровичем, а кое-кто и стариной тряхнет. Костыли — в сторону да через козла — фляком.

Часто на это зрелище глядеть пионеров приводят. Очень впечатляет. Козла они в пионеры приняли и в горны от радости трубили. В совет отряда назначили, вместе с губернатором в почетном пионерском президиуме заседать. Очень хорошо этот козел стенгазеты рисовать выучился. Разные пионерские пороки дельно высмеивал: протитущию, стукачество, голосовую почту. На правильный путь младое племя наставлял. Только почему-то не возлюбил козла школьный трудовик, все отвертку на него точил. Замышлял что или как, бог весть. Вскорости козла с почетом на пенсию отправили, по выслуге лет.

Тайное становится явным

За время славного губернаторства Петровича в нашей области был собран большой урожай шпионов. Почему же они облюбовали наши мирные края, пропахшие навозом и металлургическим шлаком? Шпионы хотят узнать страшную тайну производства лебедянских соков, излечивающих от всех болезней, дающих вечную молодость, потенцию и надежную защиту от псориаза. Они хотят узнать тайну нашей соевой колбасы, на которой шпииком выложены торжественные слова «Слава губернатору», потому что выложить таковые у безродных космополитов не получается. Заботит шпионов секрет производства чугунных труб из шарового графита, кои из-за своей уникальности не могут найти применения в ЖКХ уже добрые двадцать лет. Вода в них втекает и не вытекает. Шпионы мечтают отравить нашу местную минеральную воду, которую открыл еще царь Петр, лечился ею усердно с похмелья и благополучно умер аккурат от каменной болезни. Но главное — шпионы все время роют на дорогах ямы, устраивают лесные завалы, подпиливают болгарками бетонные опоры мостов, отвинчивают на рельсах гайки, чтобы наш славный губернатор не мог попасть из пункта А в пункт Б и встретиться с любимым народом, узнать о его чаяниях и нуждах. Всех пойманных шпионов расстреливают на месте. А с непойманными сотрудничают за валюту на благо всей области.

Проникают в наш регион шпионы старыми проверенными способами. Например, Чардаш (а что он японский шпион, Петрович еще не догадался) перешел границу области на огромных осиновых ходулях, к которым были приделаны верблюжьи копыта. Другой, еще не раскрытый шпион Куропопский прилетел в нашу область на безмоторном дельтаплане, в роковой ночной тишине. Речные границы нашей области шпионы преодолевают вплавь, используя покрышки от трактора «Беларусь» или педалные мини-субмарины мокрого типа. Так был заслан в нашу область еще один, до сих пор не раскрытый шпион — омбудсмен Нарывайко.

Если бы Петрович был менее доверчив, он бы с легкостью разоблачил и Чардаша, и Куропопского, и Нарывайко. Достаточно было внимательно присмотреться к одежде этих господ. Костюмы на них всегда в крупную клетку, слегка поношены, с множеством потайных карманов, чтобы было удобно спрятать ампулу с ядом, пробирки со смертельными болезнями, пистолет-авторучку, шифровки и явки. А если бы Петрович посмотрел на обувь, то легко заметил бы: башмаки на них всегда с широкими рифлеными подошвами, чтобы не утонуть в снегу или песке, а каблуки высокие и толстые — целая пачка валюты войдет, а то и фунт нюхательного табаку — никакая собака след не возьмет! Мог бы Петрович догадаться, почему эти господа все время носят коричневые бейсболки. Чтобы прятать под длинными козырьками свои нагло бегающие глазки и в любой момент притвориться грязью.

О том, что Чардаш, Куропопский и Нарывайко — шпионы, давно догадался начальник областного ФСБ. Разоблачил он их очень просто. Как-то заглянул в туалет обладминистрации и обнаружил в унитазах какашки явно «не нашей», областной толщи-

ны. Хитрый начальник ФСБ не спешит раскрыть карты перед губернатором, потому что у него есть основания и Петровича считать шпионом. Он хорошо помнит, как Петровича в молодости деревенские жители приняли за шпиона, и полагает, что во времена хрущевской «оттепели» тогдашние компетентные органы не пошли на должные меры по разоблачению Петровича. Не проверили его на полиграфе, не провели допрос с применением спецсредств, не попытались даже попробовать перевербовать, на всякий случай. Начальник ФСБ абсолютно уверен, что в голову губернатора вживлен радиопередатчик, а слюни Петровича изменены на генетическом уровне и представляют собой яд гремучей змеи.

Обо всех этих фактах главный контрразведчик области регулярно уведомляет вышестоящее начальство. Но на Лубянке упорно молчат, видимо полагая, что брат Петровича с личным еще время не пришло.

Петрович и глобальное потепление

В народе говорят, дескать, чтобы стать губернатором, нужно иметь большую голову, ну так, размером со стог. А такое умственное проявление уже близко стоит к сельскому хозяйству. Раньше в нашей области вообще ничего не росло. Это каждому школьнику теперь известно. Пустыня была, Кака-Кум, она целым краем в нашу область заходила, вместе с басмачами, верблюжьей колючкой и кактусами, певучими барханами, с редкими караван-сараями и дастарханами. Везде кости погибших от голода и жажды верноподданных губернатора белели, орлами поклеванные, шакалами обглоданные. Даже Великий шелковый путь мимо нашей области всегда проходил, огромный дефицит текстиля, риса и чая постоянно ощущался. Короче, очень гиблое место было, неперспективное, и если бы не вековые традиции крепостного права, давно бы народ из такой области в поисках лучшей доли в землю обетованную эмигрировал.

Вот и стал Петрович с несправедливостью природы, вредным капризом ее в одиночку бороться, темными ночами чернозем из соседних областей на тачке воровать. А тут и глобальное потепление подоспело: озоновая дыра прямо над областью отверзлась, и давай светило всю на нас протуберанцы огненные пускать, чернозем прогревать, биологические процессы повсеместно в гумусе ускорять. Да как вопреки полезные бактерии, растения могуче питать стали, то поперли у нас на ворованном черноземе невиданные урожаи. Зерновые теперь растут, что лес. Хоть топором руби. И как в лесу березняк сменяет ельник, так у нас в полях пшеница выпирает через рожь. Даже не надо пахать и сеять. Удивительно, но при этом изобилии хлеб дорожает в год на десять-двадцать процентов. В том Петрович полное лукавство рыночной экономики видит, а сделать ничего не может, только руками разводит:

— Мы для жителей области сорт дотационного хлеба придумали — «Липовский». Дотируем главным областному хлебопеку сто миллионным кредитом из областного бюджета под один процент годовых на неопределенный срок. Пусть сам с кредитным сроком определяется, а хлебушек льготный народу продает. Был бы кредит, а срок всегда подберем.

Правда, некоторые несознательные представители народа утверждают, что в соседних, не шибко урожайных областях буханка такого хлеба стоит дешевле даже после сезонного подорожания и без всяких кредитов хлебопекам и мельникам. Но губернатор на сей счет свое веское мнение имеет:

— Важно, граждане, не кто ест, а кто считает!

А от переизбытка зерновых постепенно завели и хорошее поголовье звероящеров. Вот тебе и мясо, и яйцо, и молоко. Три в одном. Петрович эту удивительно полезную животину сам пасет у села Ленино, в пойме реки Воронеж, на заливных лугах. Сам

доит и в гнездах на обрыве огромные яйца собирает. Одно яйцо на пять омлетов хватает. Звери умные, ручные и малоопасновыпасные — только маленьких детей едят, а больших не очень.

Как губернатор Библию написал

Много разных вероисповеданий губернатор перепробовал. Многим истуканам и идолам поклонялся. Например, Золотой бабе, да и резиновой тоже. Все, родимый, себя в себе искал и найти не мог. А сколько пережил он философских течений? Коварный Монтень привел Петровича к пофигизму, а девственник Кант — к критике чистого административного разума. Он даже солидную монографию о римских богах написал — «Двуликий анус».

Но начинал он как таежный шаман на должности и окладе простого советского лесника. Потом полюбил Древний Египет и даже одно время хотел объявить себя фараоном, мумифицироваться на кредит Сбербанка.

Это он яростно и неистово поклонялся Заратустре на самом темном дне Лавского известкового карьера и безжалостно бросал трупы односельчан в огромные глиняные башни, на съедение орлам.

Это он убил камнем из религиозных соображений великого мореплавателя Джеймса Кука и съел его из плотских соображений почти сырым с кетчупом «Балтимор».

Видели Петровича и в знаменитой шкловской синагоге с рыжими пейсами, заунывно качающегося над Торой. Часто сидел он задумчивым йогом на берегу Дона у села Кашары, подвесив к мошонке пудовый булжжик для укрепления тела и духа. Видели его режущим баранов на празднике Курбан-байрам, а еще больше видели в дацане. Что совершенно неудивительно, если вспомнить, что Петрович по национальности бурят. Это он, будучи в командировке на всесоюзном съезде животноводов в городе Ленинкане, открыл всему прогрессивному человечеству тайну Четвертого пути и подарил тибетскую свастику Третьему рейху. Но пока задумчивые бонзы ставили Петровичу в Тибете костры, неуловимого губернатора уже прибывал к кресту римский центурион на Ваганьковском кладбище. Согласитесь, очень бесценный религиозный опыт. Его Петрович стал записывать еще в древние времена, вначале на глиняных табличках, потом на папирусе, а потом на пергаменте, напоследок в программе Vista, в наши суровые дни. Свой письменный труд Петрович всегда и везде скромно величал Библией. Однако чиновники-льстецы назвали это писание диссертацией по сельскому хозяйству и уже объявили Петровича доктором экономических наук.

Петрович и мандала

Область наша культурой сахарной свеклы издавна богата. Сладкий корнеплод и продукт конечный из него не только к чаю пригоден, а на более крепкий напиток идет.

Но поизносилось оборудование на местном заводике, печи сахарные облупились, насквозь прогорели. Да и технология допотопная осталась, очень затратная, с большой потерей сахаристости в свеклке. В нынешней конкуренции нашему сахарку нет большой продуктовой жизни.

Решил Петрович у французов технологию и оборудование новое закупить. Они, как оказалось, в сахарной свекле большие исторические доки. Это ведь гражданин Наполеон сахарное производство в Европе открыть придумал, когда адмирал Нельсон французам морскую блокаду устроил да поставки сахарного тростника с Кубы во Францию похерил.

Купили, значит, у французов новый сахарный заводик с новой технологией выращивания свеклы. Технология оказалась уж больно ядреная. Травит поля химией так, что, кроме свеклы, ничего больше не растет. Ни сорнякам надежды никакой нет, да и вообще, никакой другой сельхозкультуре.

Но беда не в том оказалась, такую свеклу и полоть не надо, сама чистая в поле стоит. Беда в другом — сахарок мелкий и белоснежный на выходе из французского заводского агрегата получается, хоть на выставку отправляй, а вот для народного потребления совсем на проверку негодным оказался. Чай, конечно, с ним еще можно попить, но для производства первача не годится. Не бродит сахар, и весь тебе разговор! Для французов это значения, может, и не имеет, потому что они, как наши алкоголики, только портвейны и вермуты пьют, а областному серьезному и основательному селянину самого всегда требуется. Без него и огород не вспашешь, крышу не поправишь, дочь не сосватаешь и праздник не справишь. В соседних областях прознали, какой сахар у нас негодный, и покупать его отказываются. Короче, сахар этот французский не прибыльток областной экономике, а одно сладкое безобразие дает.

Стали возмущенные селяне на подводах и грузовиках французский сахар к губернаторской администрации свозить, от большого народного возмущения. Уже по шпиль грозят дом власти сладким песком завалить. Чиновники в панике, только один Петрович волю власти соблюдает, административную выдержку. Вышел к возмущенному народу, стоит по пояс в сахаре и говорит:

— Ша, селяне, знаю, как с нашего сахара порчу снять да настоящее качество ему вернуть!

Не поверили селяне поначалу, засомневались и кричат Петровичу:

— Хватит издеваться над нами, супостат, сейчас мы этот проклятый сахар подожжем, из тебя петушка на палочке выплавим!

А Петрович мысль свою уточняет:

— Петушок из меня все равно не получится, а только губернатор в карамели. Я предлагаю путем создания священной мандалы порчу с сахара снять.

Стал народ вместе с губернатором на главной площади мозаику из сахарного песка выкладывать со священным орнаментом да мантры тибетские для придания продукту нужного свойства бубнить. А по окончании работы всю сахарную мандалу мигом в реку Воронеж смахнули. Можно сказать, большой художественный труд безжалостно уничтожили. Но случилось чудо! Воскресли в сахаре отныне прежние достоинства, забулькали по всей области молочные фляги с доброй брагой, вновь закурились перегонные аппараты.

Теперь об этой истории народ часто вспоминает. Так и говорят: какую замечательную мандалу Петрович в области учинил! И только посвященным смысл этого слова понятен, а непосвященным селянам из соседних областей он забавным и оскорбительным кажется.

Как Петрович историческую память возвращал

Модно в наше время к историческим истокам обращаться, достижения предков вспоминать, исконные названия городам, селам и улицам возвращать. По всей стране это движение силу набирает и в нашей области смысл обретает. Стал в последнее время губернатора прискорбный один факт смущать — здание облминистрации на улице Пусконаладочной стоит, а это название улицы звучит вроде бы половинчато, механически и двусмысленно. Дескать, какая тут пусконаладка, коли администрация губернатора уже давно, как швейцарские часы, надежно работает.

Вот и решил Петрович главной улице историческое название вернуть. Вызвал Тихонича и давай его расспрашивать:

— Ты же, Тихонич, еще до октябрьского переворота родился и в революцию уже смышленным пацаном был, вспоминай, сердешный, как эта улица тогда называлась?

Тужится вспомнить Тихонич, жилы на лбу вылезли, а вспомнить не может, склероз замучил. Только одно твердит:

— Помню, как у Махно денщиком служил, у Берии — ликвидатором, а вот как наша улица тогда называлась, хоть убей, вспомнить не могу!

А тут Дуракова в разговор влезла:

— Отстань ты от него, Петрович, пожалей старческий маразм заслуженного человека, я точно знаю, как улица раньше называлась — Мудиловка. Мне бабка об этом в детстве рассказывала.

— Не может быть, — не на шутку всполошился губернатор. — Какая еще Мудиловка, откуда взялось такое название пакостное?

— Бабка сказывала, до революции, прямо на том месте, где наша администрация стоит, публичный дом был, — затараторила Дуракова. — Но очень приличный, не то что в нынешние времена. Местных девок туда не брали, а только приезжих. И порядки строгие бытовали, прежде чем купчик или чиновник барышню на ночь снимет, по фотографии ее выбирает да еще должен был бутылку шампанского и шоколадку девице заказать. А Мудиловкой улицу нашенские бабы и девки прозвали из-за неумной половой зависти. Да так название и прижилось, даже в реестр городских улиц официально вошло. Ну, а после публичный дом ночью подожгли по причине здоровой конкуренции.

Приздумался Петрович и решил, что рановато еще к такой исторической памяти возвращаться. Могут воспоминания ненужные в народе появиться да ассоциации вредные. Лучше пока по новой памяти пожить, чем старое вспоминать.

Губернатор и юбилей

Очень любят в нашей области юбилей. Порой не успеют тарелки помыть и жирные губы салфеткой вытереть, как вдруг снова заюбилеило. Оно и понятно — комплексы далекого и светлого детства, когда круглая дата — это обязательно праздник и подарки, домашний торт со свечами, селедка «под шубой», пьяный, щедрый папа и таскающая его за чуб экономная мама. А со временем, став великовозрастными оболтусами, чиновники начинают понимать, что юбилей — вещь не токмо зрительно приятная, но и крайне выгодная. Деньги тратятся бюджетные, а попробуй их действительное расходование подсчитать, коли в небо уходят фейерверки и воздушные шары безвозвратно, съедаются фуршеты, организуются мероприятия. И чем чаще начинаешь извлекать из юбилеев такую пользу, тем лучше для кармана. А повод всегда найдется, ведь чиновники сами создают свой календарь, изобретают памятные даты.

— Нельзя строить идентичность нашего областного народа на беспамятстве, — мудро поучает губернатор. — Сакрализация прошлого — вещь приятная и полезная.

— Правильно, — подхватил слова Петровича омбудсмен Нарывайко. — Давай-те трехсотлетний юбилей области устроим, — Я уже и сценарий написал, грандиозный план торжеств и продать его уже успел нашему управлению культуры за триста тысяч.

— А почему трехсотлетний? — недоуменно вопрошает губернатор. — Наша область всего как пятьдесят лет назад образована, по волюнтаристскому капризу. Вроде как пятидесятилетие недавно отмечали и пятьдесят миллионов на это угрохали.

— Петрович, — не смутился Нарывайко, — то мы праздновали юбилейную дату советской истории, а российская история нам дополнительно вещает, что Петр Великий триста лет назад наш регион одновременно с Петербургом основал. Завод металлургический воздвиг пушки отливать, корабли строил на берегах Воронежа для славного

похода на Азов, курорт минеральных вод основал. Еще бояре к нам на воды приезжали лечиться да пленные шведы. И никакого разночтения в истории нет. И советскую историю надобно уважать, и российскую не забывать.

— А как же князь Липецкий? — встрял в разговор писатель и краевед Ошалелов. — Это он в наших краях городище построил с мордвы дань собирать, стало быть, тысячетный юбилей справлять пора и не мелочиться!

— Ого, да мы сразу два юбилея отметим, — заулыбался Петрович, — один на триста миллионов рублей, коли триста лет празднуем, а другой на миллиард потянет, ежели миллениум со времен рэкетирских походов князя Липецкого исполнится. Но был ли такой? — хитро прищурился губернатор. — Не гонят ли наши краеведы историческую пургу в наше подстепье?

— Не было никакого князя Липецкого, враки, — как от зубной боли, скривился Нарывайко. — А для обоснования тысячетия перед областным бюджетом артефакты надобны.

— Как это не было? Все знают, что у меня дома его белые кости под диваном лежат который год, — засуетился писатель Ошалелов, — и ксерокопия из раннего средневековья имеется. А в ней четко сказано о князе Липецком. Как он еще от Рюрика по нашим краям бегал, в древнерусский федеральный розыск объявленный. Золотую статую Одина вроде как стырил.

— Занятная история, — задумался Петрович, — однако придется только трехсотлетие праздновать. Юбилей златокрада у депутатов подозрение вызовет, а у народа криволотки. Летопись ведь на юбилей обнародовать придется.

— Нельзя историю переписывать, — кипятится Ошалелов, — Хватит трактовать ее в сослагательном наклонении, пусть он и златокрад, но наш. Я тоже сценарий на юбилей написал и всего сто тысяч за него с управления культуры прошу, не то что хапуга Нарывайко. А мой сценарий красочнее и экономнее. У Нарывайко на юбилее водку из бочек пьют в бархатных камзолах, а у меня бражку из бурдюков и в картонных доспехах.

— Все равно не будем юбилей златокрада праздновать, — уперся губернатор, — нам такая областная история не нужна. В ней нет ничего позитивного, кроме кражи золотого истукана. Да и на фейерверки денег не потратишь. При Петре порох был, а при Рюрике его еще не изобрели. К тому же водку лучше пить, от бражки обыватель только дурет.

Ап! Клевреты у ног его сели...

Никакая власть не мыслима без пиар-команды. Не то чтобы у Петровича есть она как таковая, благо все перья затуплены и чернильницы давно пролиты. Но есть особо любимые и приближенные, как, например, редактора Коврова. Она часто молю бледной в кабинете у Петровича под ковром ползает, деньги ищет. А если не деньги, то сына. Он как выпьет, так дурак дураком. Головой о стену бьется. Все бум да бум. Тагуировка у него на руке готская, а рожа плотская. Если надоест все это Петровичу, ногой он Коврову под ковром быстренько нащупает да придавит. Визжит уж больно уморительно. А Петрович громко хмыкнет, отпустит и повторит свою знаменитую фразу:

— Журналист — это тоже гомо сапиенс!

Еще один занятный персонаж — неudelредактор Щавельев. Вот уж уникал! Природа дала ему удивительно тонкие и шустрые ножки. Быстро бегают от одного предвыборного штаба к другому. Но это еще не все. Свои оригинальные ножки Щавельев сделал на пуговках, может всегда их отстегнуть и Петровичу одолжить. За такую преданность и пользу великую затолкал губернатор сладкую парочку в Общественную палату задним умом заседать. Любопытно, что Щавельев и Коврова ненавидят друг друга

лютой ненавистью, прямо друг на друга вставными зубами скрипят. Не раз Коврова прилюдно говорила:

— Я дождусь, когда этого гаденыша мимо меня вперед ногами пронесут!

Но сие явление Петрович гордо именует системой сдержек, свержек и противобесов.

Вне этой системы любим Петровичем только журналюга Бредисфельд, за то, что классную передовицу о сельхозуспехах губернатора написал: «Орошение — жизни украшение».

Бредисфельд — очень хитрый псевдоним крещеного татарина Неверова. Человек он пожилой и молодой супругой сильно озабоченный. Да так, что в редакционной столовой всю сметану съел. Придут печатники да прочий издательский люд на обед в столовку, а на раздаче уже ни одного стакана сметаны нет. Но в положение Бредисфельда входят. Знают, как только переступит он порог дома, не успеет свое могучее перо у стены поставить, как Бредисфельдша из спальни кричит:

— Наелся ль ты сметаны на ночь, Изя?

А Изя уже крадется к ней с носовым платком, отравленным стихами. И душит, душит... Но не взаправду, а так, понарошку, для воспитания чувств. Большого темперамента этот журналист. И ревнивый, жутко от этого. Померещилось ему, что Щавельев его молодой благоверной куры строит. За это он в неudelредактора ботинок кинул, да только в державный портрет попал. Щавельев успел мигом под стол спрятаться и стал на Бредисфельда большую клязу в один компетентный орган писать.

Вызвали скандалиста на ковер в нашу областную ФСБ, дескать, что он хотел сказать этим ботинкометательным поступком в адрес главы государства? Не сродни ли таковой поступок террористическому акту? Но Бредисфельд не робкого десятка, взял и молча у чекиста галстук откусил по самый узел, а заколку нагло в окно выплюнул.

С тех пор его органы больше не трогали, испугались сильно галстокуса-диссидента. Вдруг взбеленится да еще кое-что, кроме форменного галстука, у чекиста напрочь откусит.

Вернулся в редакцию Бредисфельд гоголем-победителем и Щавельеву кулаком в кабинет грозит:

— Еще раз заложишь, гнида, башку проломлю!

Стал Щавельев у чекистов каску для защиты своего черепа просить. А ему говорят:

— Вы у нас штатским доброжелателем служите, а значит, такая форма одежды не полагается. Кроме тюбетейки и солнцезащитных очков, ничего больше выдать не можем.

Пришлось Щавельеву кастрюлю покупать. Выбрал он кастрюлю посolidней, блестящей и покрепче, короче — «Цептер». Сидит себе за редакторским столом с кастрюлей на голове и Бредисфельда больше не боится.

Так что если вы, будучи в нашем городе, встретите редактора с кастрюлей на голове, не удивляйтесь. А вспомните эту почти детективную историю и отнеситесь к Щавельеву с должным почтением. Любит Петрович свои верные перья, ласково «засраками» их зовет, это сокращенно, ведь они и вправду — заслуженные работники культуры. Стоит добавить, что все эти творческие люди отмечены журналистской премией имени Вермишелева. Нашего сказочного народного героя с Чудского побоища, очень прошу не путать с Рожковым, Макароновым и Лапшовым. Такие премии бытуют в соседних областях. У нас нагуляна еще только одна премия, можно даже сказать, литературная — имени Бунинского комсомола.

Губернатор и слова-паразиты

Было в державной речи Петровича, как и у любого смертного, слово-паразит. Смачное и заковыристое «ебс...». Вроде не совсем мат, произносил губернатор его

тихо и мягко, однако окружающие морщились. Особенно были недовольны местные тележурналисты.

Она и понятно, берут, скажем, интервью, и Петрович так и рубит в прямом эфире:

— В этом году, ебс, наша область, ебс, собрала рекордный урожай зерна, ебс...

Пытались телередакторы вместо этого проклятого «ебс» звук «пи» вставлять, да еще хуже получается, вроде как невинное слово совсем в матерный оттенок акцентируется. Пеняли губернатору, по несколько раз интервью репетировали, но все бесполезно, еще больше это «ебс» у него из уст выскакивать начинает.

— А ты, Петрович, — пришел к губернатору с дельным советом омбудсмен Нарывайко, — попробуй в конце каждого предложения другое слово произносить, скажем, «ква-ква», «гав-гав», «мяу-мяу» или «ко-ко-ко». Это я тебе как бывший журналист советую. В свое время я от слова-паразита «пышь» так избавлялся.

— Ты что, охотник, — оживился Петрович, — откуда «пыж» у тебя на языке?

— «Пышь» — это сокращенно «понимаешь», — пояснил омбудсмен, — Это у нас, Нарываек, наследственное слово-паразит, еще дед мой так говаривал, и прозвище у него такое было деревенское «Пышь».

— Ну и как, помяукал, погавкал, проквакал, и помогло? — поинтересовался губернатор.

— Как рукой сняло, — засиял Нарывайко.

— Я все-таки кокотать буду, — почесал за ухом Петрович, — Лягух, кобелей и кошек изображать не стану. Мне куры с колхозных времен ближе и роднее.

Добрый месяц исправлял свою речь губернатор. По всей обл администрации только и слышалось его задорное «ко-ко-ко!» на разные интонации. То грозное, то ласковое, но всегда отечески наставляющее подчиненных чиновников.

А тут пришлось Петровичу интервью федеральному телеканалу давать, попросили прокомментировать новое Послание президента Федеральному Собранию. Так наш губернатор в прямой эфир и выдал:

— В послании президента столько свежих идей, ко-ко-ко! Что не знаешь, ко-ко-ко, на что обратить внимание в первую очередь. Видно, ко-ко-ко, что он очень хорошо представляет все наши «болевые точки». Мне, ко-ко-ко, очень понравилось его замечание о том, что мы обязаны прекратить бессмысленное соревнование между народом и властью, ко-ко-ко! Когда власть порождает законы, а народ изобретает способы их обхода, ко-ко-ко!

Очень не понравилось это высказывание в Кремле. Даже Совет безопасности созывали на предмет слабоумия нашего губернатора.

Но Петрович не сплеховал, яйцо Фаберже на лондонском аукционе купил да прямо на Совете безопасности президенту подарил с трогательными словами:

— Я исторические традиции, ко-ко-ко, власти нашей возвращаю, стало быть, слово-паразит в моей речи с позитивным намеком появилось, ко-ко-ко!

Однако Нарывайко сие учение губернатора боком вышло. Обязал Петрович своим распоряжением омбудсмена слово-паразит «ебс» отныне употреблять не только устно и письменно, но и сделать его обычаем областного правозащитного делооборота.

Теперь всем должно быть понятно, почему права человека в нашей области навечно и неотвратимо сопряжены со словом «ебс»!

Губернатор и чары

Приходит как-то к Петровичу редакторша Коврова, босая и чумазая, в цыганской юбке, а за юбку сынок ее держится на полусогнутых, голодными пьяными глазками на губернатора нагло смотрит.

За руку губернатора Коврова мигом схватила и говорит, в глаза пристально глядя:

— Вот что я тебе скажу, изумрудный князь мой, на все твои деньги давно порча наведена! Не будет тебе счастья в жизни, дочь твою в турецкий бордель отправят, сына за взятку в казенный дом посадят, а жену медсестринского диплома лишат за незаконную торговлю лекарственными средствами.

Сам Петрович со страху сейф открыл, как в тумане все деньги достал, пачки долларов трясущимися руками еле у пуза держит. А Коврова мигом банкноты в газету «Липецкие известия» завернула и давай Петровичу по голове газетой стучать, порчу отводить, от него и всей семьи.

Очнулся губернатор от сна гипнотического, а уж Ковровой давно в кабинете нет, да и сынка ее малахольного, да и денег след простыл. Исчезло все, что непосильным губернаторским трудом нажито. Одна пожелтевшая газетная кукла с туалетной бумагой «Попкина радость» внутри возле него лежит, а лоб черной типографской краской густо измазан. Хотел было заявление в милицию писать, наглуго цыганку приструнить, да передумал. Узнают — на смех поднимут.

Как Петрович академиком стал

В нашей области академия давным-давно появилась, и всяк житель в этом убедиться может, открыв прямо посередине газету, которую редакторша Коврова издает. На газетном развороте забавная пещера изображена с древними домочадцами, а снизу под рисунком внушительная подпись: «Ректор домашней академии Коврова».

Она эту академию уже добрые два десятка лет назад открыла, без всякой лицензии минюста, еще когда замредактора была и явно мечтала о том, как редактор помрет и она его место займет. Так и случилось, тихо и очень обыденно. Молилась она, правда, на похоронах и после, истово, словно какой большой грех за собой чуяла.

Сама Коврова газетных статей отродясь не писала, брезговала по причине аллергии на краску типографскую. Только вырезки собирала из некогда популярных массовых журналов «Здоровье», «Работница» и «Крестьянка». Хорошая академия из этих вырезок получалась, очень уж научная и языком, в ее обработке доступная. Народ в деревнях шибко ее читал, почитал и благодарные письма в редакцию писал. Дескать, журналы купить селянам теперь не по карману и мудрые домашние советы академика Ковровой большим подспорьем в нелегкой крестьянской жизни служат.

Терпел Петрович это академическое безобразие долго, а как доктором наук стал, то терпение его мигом закончилось. Пришел в редакцию и стал Ковровой ультиматум ставить, даже ногой топнул:

— Ты, Коврова, без всякой ученой степени в академиках который год ходишь, а я со многими степенями на вольных докторских хлебах, без академического титула прозябаю. Давай срочно меня в свою академию принимай!

Ухмыльнулась Коврова и лукаво отвечает:

— Нет проблем в мою академию заслуженному человеку вступить, только пропишись в ней разок популярной и полезной статьей.

Приздумался Петрович, ведь не губернаторское это дело — газетные статейки пописывать, даже научно-популярные. Озадачил статьей своего пресс-секретаря. А тут к спичрайтеру теща из деревни приехала и ну ему рассказывать, как козу зааненскую купила с чудесными молочными свойствами. Слушал тещу пресс-секретарь, молочко козье прямо из банки прихлебывал, а рассказ ее задушевный во всех подробностях в ноутбук записывал. Правда, и приукрасил малость. Дивные молочные свойства не только зааненским козам, но и козлам этой породы приписал. Так и изложил художественно, мол, если правильно зааненского козла за пупырку потянуть, пол-литра жир-

ного козлиного молока точно будет. К губернаторской статье пресс-секретарь не поленился и фотографию козы в Интернете подобрать.

Так любопытную статью совместными усилиями от имени Петровича на страницах газетной академии тиснули. Вот и стал наш губернатор с тех пор соакадемиком при Ковровой.

Но тут и шум большой на пустом месте пошел. Нашлись, понимаешь ли, ученые знатоки и коллективное письмо с протестом в газету прислали. Утверждали они, что знаменитые зааненские козы, отродясь безрогие, а на снимке под статьей рогатая коза напечатана и порочит рогами всю науку о зааненских козах.

Коврова быстро выход нашла, редакционное уточнение срочно напечатала, дескать, вместо козы здесь молочный, в иллюстрации к статье, зааненский козел изображен.

Большой научный шум и интерес публикации Петровича в стране вызвали. Даже корреспондент «Комсомольской правды» на чудо-козла посмотреть приехал, тремя фотоаппаратами увешанный. За губернатором тенью бегал, кричал от нетерпения:

— Покажите мне срочно козла молочного, мировую сенсацию упустить не хочу!

А губернатор только руками разводит, знамо дело, погиб уже козел, невольник чести, пал оклеветанный зааненской молвой, с сосцами на груди и жаждой мести, поник рогатой головой. Только козлиные рога любопытному корреспонденту на память и подарил. Шляпы в редакции вешать.

Губернатор и гонг

Думал Петрович, чем бы редакторшу Коврову за прием в академики наградить, да так, чтобы звон об этом на всю округу стоял. Узнал, что есть премия для прессы — «Золотой гонг», конечно, не из настоящего, а самоварного золота. Но гонг — то настоящий и блестит здорово! Купил он эту премию и Ковровой в кабинет занес, прямо на стол водрузил. А редакторша, от великой радости прямо головой в этот гонг стукнула. Звон пошел, да такой, что и непонятно откуда: от самого гонга или от пустой головы Ковровой. Звон стоит, самоварное золото радужно по кабинету искры рассыпает. Понравилось это действие Петровичу, встал он перед редакторским столом на карачки, да и сам головой в гонг ударил. Так и пошло у них негласное соревнование, кто громче башкой о железную тарелочку шибанет, редакторша или губернатор? Теперь это стало доброй традицией, и при каждой встрече с прессой Петрович такой медиаринг устраивает. Проверяет, у кого из областных журналистов башка звонче и крепче. Гонг у Ковровой облдминистрация арендует с почасовой оплатой. И она не внакладе, и губернатор доволен.

Губернатор и приматы

Мало кто в нашей области знает, что любимое занятие Петровича и милое развлечение — зимой мартышек в зоопарке кагором поить от простуды. Идет по морозцу губернатор ранним утром прямо к обезьяньей клетке, отпирает ее собственным ключом и продрогших приматов начинает из горла сладким вином потчевать. А все потому, что губернатор считал приматов бывшими людьми, скорее всего чиновниками, сурово наказанными Богом. Одну мартышку он больше всех поил, уж больно она ему внешним видом и повадками редакторшу Коврову напоминала. Даст ей Петрович несколько глотков вина и начинает блох у макаки вычесывать, ублажать. И макака не промах, шарит своими волосатыми ручонками по телесам губернатора, забавно щекочет. Разница лишь в том, что щекотала обезьяна Петровича бескорыстно, не то что упомянутая редакторша.

Надобно заметить, что смысленные приматы Петровича давно за своего жожака стали принимать, и более преданных насельников и почитателей в области у нашего губернатора не было. Это даже местное отделение «Единой России» на своем областном съезде признало, красочный буклет по этому поводу выпустило «Будем как приматы!».

Действительно, любил Петрович с обезьянами по-свойски напиться и пойти по городу гулять. Висят пьяные макаки на губернаторе, задрав хвосты, а Петрович со всей этой честной компанией непременно в «обезьянник» ближайшего отделения милиции заходит и начинает уже задержанных кагором поить, тоже от простуды. Макаки ментов шугают и фуражки форменные примеряют, норовят в кобуру залезть, пистолет стырить, а Петрович хохочет над ментовским испугом и еще щедрее всех кагором причащает, приговаривая:

— Вот он, мой любимый электорат!

Тербунский баран

Послал губернатор омбудсмена Нарывайко в Тербуны, узнать, каким образом нелепые слухи о его любви к мартышкам по районам области пошли, но в искаженном виде и как теперь право Петровича гражданское на разного рода человеческие слабости защитить можно. Взял Нарывайко под козырек и на личном «мерседесе» в родные пенаты губернатора погнался. Шибко спешил, да так, что на въезде в село барана сбил. Вышла на дорогу девяностолетняя старушка над бараном плакать, а Нарывайко отвалившийся от иномарки бампер показывает и вопрошает:

— Много, старуха, у тебя баранов?

— А что?

— А то я их буду резать!

Еще больше старушка перепугалась. Поди пойми, что у такого важного господина на уме? Не ровен час, ее вместо баранов порешит. Да и баран, невинно убиенный, один в ее скудном хозяйстве был. А осерчавший Нарывайко бампер о собственное колено доломал и злой уехал.

Через месяц бабульку в райсуд вызвали. Судья нарсуда Пришилова с владелицей барана церемониться не стала. И правильно сделала. Надобно было бабке барана правилам дорожного движения обучить, прежде чем гулять выпускать. А то, что на этом участке дороги знак ограничения скорости стоит в сорок километров, так автомобиль Нарывайко с такой скоростью и ехал. Стало быть, именно бабушкин баран двигался со скоростью сто двадцать километров в час, и никак не меньше. Об этом свидетельствовал и тормозной путь непутевого барана. К тому же на баране отсутствовали номерной знак и габаритные огни. Оказалась старушка виновна перед тербунским судом по всем статьям. Омбудсмен просил взыскать с нее за погнутый бампер сто пятьдесят тысяч рублей. Но судья Пришилова мудрее оказалась, всего восемьдесят пять тысяч старушке заплатить присудила. А Нарывайко укоризненно сказала:

— Бабка и эти деньги вряд ли выплатит, у нее на книжке всего девять тысяч на похороны отложены.

Омбудсмен огорчился, но «смертные» у старушки забрал. А подобрив, подбодрив бабушку:

— Держи хвост пистолетом, я тебя сам похороню, да хоть сейчас могу закопать, и совершенно бесплатно!

На том суд праведный над бараном и старушкой благополучно завершился. Нарывайко шкуру барана у бабки тоже забрал, на добрую память. Малахай из нее пошил и тапочки домашние от ревматизма. Ходит победно в администрацию в малахае и в ба-

ранних тапочках зимой и летом, историю эту другим чиновникам рассказывая в наездание, и каждый раз с новыми подробностями. И губернатору омбудсмен деловито доложил, что есть у него и другие подозрения насчет этой бабки с бараном. Сама она, очевидно, колдунья и слухи о Петровиче непристойные распускает. И барана, зомбировав, наперерез автомобилю отправила, чтобы он, Нарывайко, до истины не добрался.

Губернатор и еврейская закуска

Решил Петрович строительство синагоги в нашем городе делом поддержать. А то неудобно как-то получается: каждый год евреи кафе арендуют — Хануку праздновать, а ведь губернатор обязательно туда заходит семисвечник зажигать, поплясать и на халю мацы вдоволь поесть. Но праздник есть, а синагоги до сих пор в городе нет. Негде культ отправить этой части нашего населения, свободу совести достойно реализовать.

— А коли построим синагогу, — здраво рассуждал Петрович, — То может быть американцы поправку Джексона-Веника наконец соблаговолят отменить да область прямо в ВТО примут, в обход Российской Федерации.

Но как поддержать постройку синагоги? Денег дать? Вопрос сложный, да и Тихоных все время на ухо шепчет, дескать, жирно будет, и так все финансы в мире сионистам давно принадлежат. Петрович напугался не на шутку, все думал, поглаживая свой толстый бумажник, а не сионист ли он сам? И местные чернорубашечники неоднозначно к такой стройке отнесутся, не отстанут, будут и на свой партийный офис-храм бабки требовать, они тоже блины с медом есть хотят и мацой их обзывать. Да и от областной епархии пощады за такую стройку не жди...

Позвал губернатор в гости местного раввина, о нуждах общины расспросить да намек дать, не надобно ли нынче его приходу песку, кирпичиков, цементика и стал раввина пытливым еврейской закуской угощать. А раввин странно так в тарелку посмотрел, вилок поковырял, зашаломкал и вон вышел, даже своей черной шляпы за столом не снял, все кудрявые пейсы парил.

На том разговор и кончился, хотя Петрович в такой же шляпе его встретил. А как добыл ее, отдельный рассказ. Известный артист в тот день на гастроли в нашу область приезжал с антрепризой, так Петрович у него на два часа шляпу из гримерки без спроса позаимствовал, когда тот задремал перед концертом.

Но хуже, что на очередную Хануку губернатора не пригласили, плясали под окнами администрации в кружок, семисвечник без него зажгли и мацу демонстративно ели. А потом кричали, глядя в сторону администрации:

— Тебя обязательно повесят, злой и хитрый Аман!

Вызвал Петрович к себе омбудсмена Нарывайко, тарелку с еврейской закуской ему под нос сует и говорит:

— Твой сын израильский этот рецепт давал, признавайся? Мне повар на кухне все рассказал.

— Так, Петрович, надо было сырки плавленные с чесноком тереть, — воротя нос от чеснока, как хороший вампир, омбудсмен отвечает: — А тут твердый сыр потерт и дорогой, наверняка «Ламбер». И чеснок, похоже, не наш, а тепличный, китайский. И вообще, я чеснок только в сало и холодец добавляю.

— А какая разница, сионистский прихвостень?

— Да это же шутка, Петрович, — смеется Нарывайко. — Эту закуску в советские времена еврейской и прозвали только потому, что приготовить ее можно было всего за копейки. Сырки плавленные «Дружба» копейки стоили, чеснок — тоже. А терка всегда бесплатной была.

— Вот с синагогой терку я тебе и устрою, — вскипел губернатор. — Как теперь в области еврейский вопрос решать? Что мне, на Доску почета портрет раввина вешать для извинения?

— Неплохая идея, — задумался Нарывайко. — Ты же эту доску уже в стену плача переделал. Только шляпу артисту верни, а то он четвертый час по нашему драмтеатру бегаёт, на журналистов с кулаками бросается, все шляпу ищет и почему-то упорно считает, что местный раввин у него шляпу спёр.

— Не могу, — отчаянно мычит губернатор. — Я на его шляпу сел неосторожно, и вообще, она засаленная какая-то. А артист не раввин, случайно? — с надеждой спрашивает омбудсмена Петрович.

— Нет, — огорчил его Нарывайко, — он под шляпой лысину от поклонниц прячет.

— Ладно, — решил губернатор. — Будем другой выход из положения придумывать, пошлем нашего повара сырки «Дружба» искать да чеснок у бабок на базаре. Попробуем раввина со второго захода охмурить, может, синагога в области и выгорит.

Как Петрович за три моря ходил

Стали в нашей области с недавних пор фестивали исторической реконструкции проводить. Это когда вполне цивилизные люди, по большей части бизнесмены, ибо удовольствие такое стоит недешево, каждый год в отпуске на себя рыцарские доспехи напяливают, в походном биваке обитают да силушку в потешных сражениях тешат. В нашей местности они почему-то себя к варягам причислили и той эпохой славной живут, из исторического образа выйти не могут, многие беспокойства у простого населения и церкви вызывают.

Проезжал как-то мимо ряженных викингов наш владыка в приличной иномарке, посмотрел из тонированного окна на сие ратное варяжское действо, и шибко оно ему не понравилось. Стал губернатору жаловаться:

— Викинги — это язычники поганые, нехристи, отродясь в наших краях черноземных таких супостатов не было. Мордва у нас жила, горшки глиняные лепила да лапти на экспорт хазарам плела. А управлял ею, как мне рассказывал наш видный писатель Ошалелов, мудрый князь Липецкий с городища. Ошалелов даже кости этого князя показывал, они у него дома и сейчас под диваном кучей лежат.

Возмутился Петрович разгулом язычников и решил сам посмотреть, что же это за реконструкция такая историческая объявилась. Вошел сам по-княжески в палаточный лагерь, а владыка следом за ним семенит с посохом, широкую спину Петровича знай размашистым знаменем осеняет.

Только Петрович хотел доморощенным варягам разгон задать, как заметил, что рядом на берегу ладью нехристи активно достраивают, смолят уже и конопатят. Да ладную такую, многовесельную и грузоподъемную, типа «река-море». Так и вырвался у него вопрос подозрительный:

— Куда, язычники поганые, намылились?

Варяги, увидев губернатора, шапки железные заломили и отвечают деловито:

— Мы из варяг в греки плыть хотим, за норковыми шубами. Без виз и таможенных сборов. Туда — серые мобильники, оттуда — дешевую пушнину, греческие цеховики славно шкурки выделывают.

Сразу Петрович смекнул, что дело выгодное. И говорит владыке строго и сухо, словно кошка черная меж ними враз пробежала:

— Мы их сейчас прямо в Дону крестим и простим, а что они грехом свальным живут и медовуху пьют, по нашим временам нарушения небольшие. Свальный грех день и ночь по ТВ показывают, а медовуху я и сам люблю.

Так и отправился Петрович в шоптур с варягами за три моря, даже домашних и собственную администрацию не предупредил. По Дону без проблем доплыли они до первого моря — Азовского. А вот уже в Азовском море смущения и трудности большие пошли. Варягов наших украинские таможенники салом в шоколаде и горилкой заманивали на косе Тузла. Кричали певуче, что сирены:

— Мы ваши мобильники, парубки, тоже без растаможки в Жмеринке скинем, половину можем батьке сосватать за зайчики, по выгодному курсу. Надо — дополнительные услуги окажем со скидкой.

А все таможенники как на подбор — гарны дивчины. Юбочки форменные короткие, аж трусики кружевные с державными трезубцами видны, декольте на кителях большие прорезаны и лифчики жовто-блакитные колыхаются. Едва устояли, кормчего пришлось за руки держать, чтоб в самостийную державу не зарулил. Петрович ему глаза собственной футболкой завязал и уши жевательной резинкой заткнул.

В Черном море тоже без приключений не обошлось. Пограничный катер наперерез послали. Капитан лично у штурвала стоял и на чистом английском языке чачу, хачапури, шашлык и харчо Петровичу предлагал. Патефон заводил с пластинкой Кикабидзе. А наш губернатор ему за борт суровый ответ бросил, как отрезал:

— На вас, провокаторов, российское торговое эмбарго наложено.

И жест неприличный локтевым суставом показал.

Струсил капитан. А как же! Сразу катер его задний ход колесами дал и в дымке багумского берега растаял.

А вот турки к нашим варяжским шоперам не приставали. Они обслуживанием российских туристов шибко заняты. Русские весь пролив Босфор на лежаках заняли, загорают — яблоку упасть некуда. Турки едва успевают им массаж делать, ракию подносить да кальяны раскуривать. А море так головами наших отдыхающих кишит, что бухту Золотой Рог по ним перейти, аки посуху, иногда можно.

За Босфором до Греции вообще рукой подать, мигом через Эгейское море доплыли. Между прочим, оно и вправду виноцветное, как Петровичу один греческий турист рассказывал, Гомер. А может, и не он, но тоже старик и тоже слепой.

Мобильники еще в Пирее у них афинские фарцовщики выхватили, не успели даже на пирс ступить. И шубы тут же в ладью большой кучей навалили, правда, без пуговиц.

Но назад Петрович возвращаться тремя морями отказался. Дескать, болезнь морская заколбасила и мозоли от весел не проходят. Стонет жалобно:

— Лучше назад меня бандеролью отправьте, чартерным рейсом.

Заколотили Петровича варяги в бандероль фанерную и дырочки просверлили. Сам Петрович в дорогу три шубы надел, не порожняком же из Греции ехать! А сверху губернатора апельсинами замаскировали, чтобы таможня в аэропорту контрабанду не заподозрила. В Греции все есть, а апельсины вообще, как у нас дички, вдоль дорог бесхозно растут, рви — не хочу!

Через четыре часа Петрович уже на Родине был, и нес его в бандероли носильщик-таджик согбенно, но прямо в родную сердцу губернаторскую приемную. Открыли в администрации бандероль, а оттуда чудище мохнатое с апельсинами вылезает. Дуракова заулыбалась по-детски, от радости запрыгала, в ладоши хлопает и говорит звонким голосом:

— Здравствуй, Чебурашка!

— Какой я тебе Чебурашка, — огрызнулся Петрович, — я губернатор ваш, только взопрел, мочи нет! По нужде пришлось сразу три шубы надеть, для экономии места в посылке и личной выгоды.

Кроличью шубу Петрович жене подарил, каракулевую — дочери, а норковую — преданной соратнице Дураковой. А все потому, что принципиально ценил рабочие отношения выше семейных.

Первый бал Дураковой

Решил Петрович свою соратницу и первую помощницу поощрить, а кроме бала, лучшего подарка комсомольской светской барышне, пожалуй, и не придумаешь. Петрович с удовольствием наблюдал ее хлопоты и беспокойство накануне торжества. Каждый день в новых нарядах в администрацию приходила. То юбка у Дураковой оказывается длинна и знаменитых панталон не видно. То джинсы новые наденет, модные теперь, без пояса, и пупок с бриллиантовым пирсингом показывает. То платье с вырезом на спине напоказ примерит, да вырез такой, что чиновников волновать и нездорово возбуждать начинает. Петровичу кажется, что она еще не повзрослела, что в душе она еще совершеннейший ребенок, не так давно говоривший своему первому поклоннику Чардашу: «Целуй куклу!» — или не далее как вчера матери: «Не замуж, а так...» Только один омбудсмен Нарывайко порядок знал: королеве бала колено поцеловал и сторублевку в панталоны положил, а остальные деньги пожалели и колено целовать не стали, шушукались по углам, дескать, даже стройные ноги надобно изредка брить. Под эти шушуканья Петрович подал королеве серебряную чашу из черепа одного из обкомовских первых секретарей с пенящимся глинтвейном. Отпила жадно Дуракова добрую половину, пузырьки из носа шаловливо пустила и яркие губы во хмелю ощерила. Пошла чаша по кругу и под рубахой у какого-то чиновника исчезла. Но не огорчился губернатор, мол, пусть в его семье серебро фамильное появится микробов убивать, напитки ионизировать, жирным рукам дезинфекцию делать.

А скоро и зала в администрации тысячей свечей засияла, осветив глубокие траншеи столов с напитками и яствами. Оркестр из местного гарнизона праздничной медью гремел и призывные звуки мазурки под самый потолок возносил.

Чардаш на своих гусарских ногах-шипикачках со всеми дамами сразу кружил, а вот Дуракову проигнорировал. Наверное, куклу забыть не мог.

А тут Тихоныч машкерадным гусаром нарядился в белые рейтузы детские. Даже сабельку пластмассовую на бок повесил. К Петровичу подходит и нагло заявляет:

— Ежели она подойдет прежде к своей кухне, то она будет моей женой.

Выделил-таки, старый хрен, Дуракову из серой массы балующихся, только и подумал губернатор. Наверное, оттого, что лицо и манеры ее не имели на себе общего светского отпечатка. Любуясь радостным блеском ее глаз, беседуя о самых простых и ничтожных предметах, Петрович, однако, Тихоныча строго на место поставил:

— Вот ведь как твоя гнусная, похотливая, старческая сущность проявляется: «Ежели, она подойдет прежде к своей кухне... то она будет моей женой». Ты ставишь свою будущую загробную жизнь в зависимость от случая, то есть слушаешь прежде всего голос разума, а не сердца. Да и вообще, ты же старый пень, уже пятьдесят лет как женат!

А в середине бала перемена в настроениях началась. Тихоныч над заливной рыбой заснул, прямо с вилкой во рту. Только проснется изредка, брови с рыбьими костями над блюдом поднимет, сальные глазки на королеву бала разлепит, ногами под столом посучит да и снова крепко заснет.

Меж тем Дуракова с Чардашем под сальсу помирились, в знойном танце потерлись. И внезапно уединяться стали. То за портьеру заскочат, то за колонну, то на балкон якобы свежим воздухом подышать и на звезды посмотреть. А когда свечи прогорели, вообще до утра в оркестровую яму упали, прямо на большой барабан, с музыкантами вполвалку. Только дробь до рассвета и раздавалась.

Губернатор и президентский полк

Есть в нашей области славная традиция — ежегодно десять самых лучших призывников в президентский полк отправлять. Главным образом смотрят на рост, чтоб не ниже

ста восьмидесяти сантиметров был, осанку, вес, да и лицом гвардеец крив не может быть. Еще лучше, если белокур и голубоглаз, беспрекословно подчиняться уметь должен, слухом одарен. А то станет встречать главу иностранного государства в почетном карауле, ритм не разберет и весь гвардейский строй за собой не в ногу уведет.

Отправляют таких призывников в столицу с особым почетом. Сам Петрович у Вечного огня юношей на президентскую службу напутствует, а ветераны, на них гляючи, скупые слезы роняют. Здесь и концерт народу дают на патриотическую тему. Так и в нынешний призыв было, чувствовали новобранцев шибко, Петрович каждого по-отечески поцеловал на прощание. Посадили президентских новобранцев в шикарный автобус, да вернули с полдороги. Шифрограмма в военкомат из столицы пришла неожиданно, мол, президентский полк уже полностью укомплектован, вакансий больше нет.

Выдали призывникам военные билеты прямо в автобусе, без всяких объяснений, и до следующего призыва по домам отправили. А на следующий день к губернатору разгневанные родители в кабинет вломились, шумят, скандал в СМИ грозят на всю страну поднять, дескать, наши ребятишки теперь на улицу боятся выйти, перед сверстниками и всей областью стыдно. С таким шумом и почетом служить в президентский полк отправляли, а вернули с полдороги, как уклонистов или белобилетников негодных!

Пришлось Петровичу срочно выход из щекотливого положения искать. Решил он родителей успокоить, честь новобранцев отстоять путем создания своего губернаторского гусарского полка. Чем наша власть столичной хуже и почему бы губернатору не занять областной почетный караул?

Маршируют теперь областные гусары в киверах со страусиными перьями по нашей главной площади ежедневно. Берданки в белых перчатках вертят и вверх подбрасывают. А командовать парадом Тихоныча поставили, как ефрейтора запаса. Правда, Тихоныч сразу себя в маршалы зачислил, пришел к Петровичу и претензии высказывает:

— Давай мне, губернатор, маршальскую звезду и жезл, бриллиантами усыпанные, как положено. Негоже мне губернаторским полком в ефрейторских погонах командовать, область перед столицей срамить!

Подарил ему Петрович бадик, стеклярусом облепленный, да звезду на грудь елочную — не обижать же отказом вице-губернатора и почетного пенсионера.

Однако наряду с бравыми явлениями гусарской жизни стали проявляться и негативные явления. Тихоныч мигом махровую дедовщину развел. То воины ему на даче баню строят, то бассейн, то свиней откармливают или огород копают. Стали множиться неуставные взаимоотношения путем вовлечения служивых в карточные игры со штатскими. Один раз Дуракову таджикским гастарбайтерам проиграли, еле Петрович вмешаться успел и паранджу с нее снять. Другой раз кавказцы гусар в дураках без берданок оставили. А после и вовсе казус на всю область прогремел: выкрали гусары из нашего зоопарка ручного медведя, написали на спине зверя белой краской «Единая Россия» да напоили крепко медведя и Тихоныча. Ходит пьяный медведь со спящим Тихонычем в лапах возле администрации и грозно ревет.

После таких безобразий Петрович и решил, что без губернаторского гусарского полка спокойней жить будет. А здесь и реформа военная вовремя подоспела. Так что сократил губернатор свой потешный полк на полных основаниях, только гусар в стройбат дослуживать отправил, вроде как в небольшое дисциплинарное наказание.

Власть могла пропасть

Первый раз кресло под нашим губернатором зашаталось, когда на Петровича ополчились местные попы. Пришли они как-то в его кабинет со справкой из архива, трясли долго бумажкой с печатью перед постным ликом Петровича. Очень уж нагло утверж-

дали, дескать, здание администрации — это вовсе не ее здание, горбом трудящихся построенное, а чудом возникший из римской языческой базилики нерукотворный храм Обкома на Куличках, да еще и памяти преподобного первого секретаря, сталиниста на всю область просиявшего.

Короче, намекнули Петровичу срочно собирать чемоданы. И стали после этого наглого визита бывшие прихожане обкомовского храма со стервозными лицами вокруг администрации крестные ходы устраивать да стекла по ночам камнями из мостовой бить. Всю площадь в три дня исковыряли, а администрацию, свой же, пардон, храм, почему-то все время поджечь пытались. Губернатор самолично бутылку с коктейлем Молотова своим знаменитым пиджаком от «Версаче» отважно потушил. Приходилось чиновникам и на крыше дежурить, и «крышу» братковскую по старой памяти на окончательную разборку-стрелку с верующими вызывать. Хорошо, что не забыли Петровича наши братки, по первому свисту на черных джипах прямо по оголтелым верующим прикатили. А после еще пару раз проехали взад и вперед. Вроде религиозная проблема и укаталась сама по себе. Так Петрович от взбеленившейся паствы отбил и больше никаких попов на порог облдминистрации не пускал. Ибо религия для Петровича была всегда догматическим явлением, сковывала его свободные, порой фривольные мысли и чувства. А после неожиданной поповской атаки он окончательно понял, что не может быть никакого бюрократического аппарата между ним и Богом, то бишь самого института церкви. И вообще, Бог — это власть. Поскольку именно власть всемогуща и бессмертна, только она действительно покоряет сознание, а не религия. Выходит не зря церковь отделена от государства.

Сумерки областных богов

При любом удобном случае Петрович с религией боролся, никак не мог наезда верующих на администрацию забыть. Конечно, местную епархию он не трогал, боялся, что в столицу нажалуются, а государственная власть у нас нынче крепко с официальной церковью обнимается, и, не ровен час, можно по шапке получить. Но на разных полуофициальных религиозных течениях Петрович с удовольствием злобу вымещал при первом удобном случае.

Пожаловали как-то в нашу область богородичники, сняли в городе зал и выставку устроили, вроде как покаянную, с громким названием: «Соловки — русская Голгофа». Петрович вначале на эту выставку даже внимания не обратил. Дескать, Голгофа от нашей области далече будет, и неважно, где она, на Соловках или в Израиле, расстояние, пожалуй, от наших краев одинаковое, что в одну сторону, что в другую. Наша хата с краю от этих Голгоф стоит. Однако терзало Петровича какое-то внутреннее беспокойство, можно сказать, предчувствие нехорошее. И не зря, уже на следующий день, как выставку открыли, к нему с очумевшими глазами омбудсмен Нарывайко прибежал:

— Ужас, губернатор, совсем богородичники распоясались. Патриотическое слово «русская» к слову «Голгофа» злонамеренно присобачили. Разве Иисуса на Соловках распяли и был он русским? Да кого там вообще распяли? Троцкого, что ли? Его же ледорубом латиноамериканский мачо кокнул на почве страсти к чужой жене.

— Да пошли вы на фиг со своей религией, — отмахивается Петрович. — Одни мучения Христа придумали, другие — репрессии Сталина, а у меня посевная на носу и окончание отопительного сезона ниже пояса сильно бьет.

— Нельзя власти на свободу совести глаза закрывать, — вкрадчиво тараторит главный правозащитник области, — нашему владыке на этой выставке совсем плохо сделалось, в обморок упал от экспозиции лукавой и богомерзкой. Его монашки из эскорта до больницы на руках тащили. Учительница одна мне сегодня позвонила, волосы на

себе рвет, в телефонную трубку рыдает: повела старшеклассников на экскурсию, половине класса физически дурно сделалось, а другая половина словно зомбировалась. К ее классу устроители выставки проявили необычное коварство: детям не дали возможности рассмотреть представленные на выставке плакаты и литературу, разбили на группы и в навязчивой форме начали проповедовать учение блаженного Иоанна. Дальше — больше: от этих проповедей занемогли семнадцать школьников, а у троих случилась истерика.

— Это уже другое дело, — всполошился Петрович, — надо наше ФСБ подключать, они церковников, почитай, с Октябрьской революции ненавидят. Беги, Нарывайко, скорей в комитет, холодные головы и чистые руки поднимай.

Однако уговаривать ФСБ вмешаться потребовалось три дня. Пусть школьники и пребывали в возбужденном состоянии, но твердили о спасении, очищении и пророке Иоанне. А это к делу не пришьешь.

— А вы пришейте возбуждение! — мудро посоветовал омбудсмен.

Выставку в тот же день закрыли. Закрывантам достались богатые улики — сто экземпляров культовой литературы, тысяча листовок с символикой церкви, блокноты с записями и неизвестная жидкость с резким запахом. Улики, конечно, страшные. Особенно блокноты с записями и культовая литература. Неизвестная жидкость на свет божий появилась тоже не случайно. Ею коварные адепты вкупе с ангельскими речами, стало быть, и охмуряли школьников. О составе жидкости чекисты до сих пор молчат, видеть, так и не разнюхали.

Богородичников трое суток в обезьяннике продержали. Хотели судить, да вроде не за что. Выставку сами власти официально разрешили. Информация о зомбировании школьников да охмурении их дурманящим веществом не подтвердилась.

Но тут новая беда к губернатору пришла. От столичных правозащитников жалоба на областного омбудсмана. Дескать, он не только погром выставки организовал, да еще во главе комитетчиков сам в черной маске экспозицию громил, на плакат с ликом Христа ногой наступил. Вызвал Петрович омбудсмана Нарывайко, сетовать стал:

— Может, с богородичниками действительно палку перегнули, неудобно как-то. Пакостно получилось. Похоже, наплел ты мне с владыкой ахинеи, как теперь заваренную кашу расхлебывать будем? Уже и комитетчики задний ход дали, говорят чекисты уклончиво, что в настоящее время проводится проверка деятельности этой церкви для принятия процессуального решения. Выходит, надобно было вначале принять это процессуальное решение, а уж потом адептов «тащить и не пущать».

А омбудсмен маску с преданного чела снял и улыбается:

— Всё мы правильно сделали, владыка божится, что богородичники — создания мерзкие, кровь христианскую стаканами пьют и не морщатся, да еще чокаются при этом. Выдумали, видишь ли, церковь катакомбную. У нас в области никаких катакомб нет, одни карстовые провалы в наличии. Да и чекистам однозначно посещение выставки на пользу пойдет. Они ведь тоже нуждаются в спасении души, очищении и даже в пророке Иоанне, ведь в их ведомстве точно нет пророков. Лишь бы только арестованную жидкость не нюхали. Ну а якобы пострадавших школьников мы на курорт в Сочи по путевкам Пенсионного фонда отправим. Пусть видят жители области, что от этой выставки действительно есть нервнопотерпевшие и охмуренные.

Так губернатор и омбудсмен скандал с религиозной выставкой удачно замяли.

Губернатор и печник

Второй раз стало ему плохо, когда войной на него местный печник пошел. Сам губернатором стать захотел. Хороший печник, основательный, шибко офшорный. Печи

у него большие, металлургические да и в подмастерьях чуть ли не полгорода ходит. Ох, как над ним этот печник покуражился! Один раз в атаку сразу триста колесных тракторов с развевающимися флагами на обладминистрацию бросил, чтоб живьем запахать да окончательно забронить.

В другой раз глав районов совратил зелеными деньжищами, перспективами радужными закалейдоскопил да и сколотил из чиновников-предателей Дикую дивизию. Посадил голыми на орловских рысаков и бараньим жиром густо намазал, чтоб даже шашки каленые с предателей в смертельной атаке соскальзывали и вреда никакого не причиняли. Еле эту психическую атаку Петрович своими наличными отбил, по ложному следу татей в престижную загранкомандировку отправил.

Уж Петрович печнику замок тринадцатого века в Англии купил, со многими привидениями и винной галереей, порт в Туапсе с кораблями и крепостными докерами, Чайна-таун с плененными китайцами на гранитном Манхэттене, а все не может одолеть супостата. Пришлось поднатужиться, облигации областного займа срочно допечатать да купить печнику всю администрацию. А кроме того, еще в придачу Дуракову замуж за печника поневоле выдавать. Хорошо, что не на совсем, а только на время. Чисто попользоваться. Только тогда печник к Петровичу мириться пришел — зарыть вместе топор войны.

Петрович и кремлевская кухня

Решили Петровичу в Кремле гастрономическое испытание устроить на политическую лояльность. Пригласили за стол столичного борща отведать. Сам президент половником аппетитный свекольник в тарелку с гербом наливал, густую сметану клал, а сверху еще и жирную навозную муху водрузил. Смотрит, ухмыляется, ждет лукаво, когда Петрович муху проглотит. А наш губернатор сделал вид, что насекомое не видит, но ложкой старательно вокруг мухи борщ зачерпывает. До дна тарелку выхлебал и на муху ехидно показывает:

— Я перец горошком не ем, панкреатита боюсь.

Расхохотался президент от находчивости нашего губернатора, а Петрович под его смех муху в борще в твиттер сфотографировал да еще едкий комментарий успел написать: «В борще кремлевском вижу муху, а в экономике разруху».

Во всем мире к этой истории отнеслись с юмором. Муха стала героем многих газетных публикаций, ей даже имя придумали: Ярославна.

Но в управлении делами президента ничего смешного в этом не узрели. Дескать, клеветает Петрович на высшую власть, муха не из кремлевского борща, на тарелке под сметаной российский герб не виден. Стало быть, Петровичу надо перед кремлевской кухней извиняться или уволиться со своего поста по причине слабоумия.

Испугался Петрович, скандальную фотографию из твиттера удалил, а сам твиттер в бурлящий компот бросил, когда на кремлевской кухне перед поварами извинялся. За ноги их хватал, ботинки лобызал, лбом о разделочную доску стучал. Кричал, что умом ослабел после того, как у него в Куршавеле один олигарх лыжи украл.

Простили Петровича в Кремле или нет — нам не ведомо. А муха свой твиттер завела и вовсю за кухонную демократию в Интернете борется с помощью таких строк: «Лучше быть мухой в борще, чем быть у власти вообще».

Петрович и цветная революция

Решили оппозиционеры в нашей области цветную революцию устроить. Даже вице-губернатора Тихонюча на это подбили. Он как раз с очередного курорта, солнцем

утомленный, вернулся и толком не понял, в чем, собственно, дело. Пришли к нему люди домой, вроде как свои, и честно спросили с угрозой:

— Будешь у нас вождем?

Испугался Тихоныч и сразу вождем стал. На голову убор из перьев надел, лицо загадочным орнаментом посредством губной помады разрисовал, туристический топорик, на томагавк похожий, в спорттоварах приобрел. Он ведь старенький, всего боится, всех слушается. Но глаза при этом горят, волосы подъяты, несутся хрипы из груди, и топориком работать умеет, не отвыкла еще рука. Ну чем не вождь? Да к тому же, как здраво прикинул Тихоныч, вдруг они победят, а потом обидятся, что к ним вождем не пошел, и без чиновничьей пенсии оставят.

Пришли на главную площадь с подсолнухами. Ко всем целоваться лезут, солнечными цветами размахивают, семечки лузгают, песни революционные поют, на мирный переход власти явно намекают. А Петрович намек не понял да все подсолнухи приказал срочно на маслозавод свезти. Но что самое удивительное, оппозиционерам премии солидные выдал за помощь в сборе урожая полезной масленичной культуры.

Вышли революционеры в следующий раз на площадь с сахарной свеклой. Петрович и вовсе обрадовался, сладкие корнеплоды на самогон отобрал. И опять премии выдал, но уже не деньгами, а крепкими декалитрами, по чекушке на нос.

Как протрезвели мятежники, так в третий раз вышли на площадь протестовать, но уже с тыквами. Не будет же губернатор тыквы у них отбирать и кашу варить. Он, поди, одной икрой, лобстерами да карбонатом питается. А Петрович на крыльце гостей с восторгом встречает, чертом наряженный, но со свечкой, и опять благодарит:

— Молодцы, какой веселый Хэллоуин придумали! Сейчас все вместе будем тыквы потрошить, глаза и рты проковыривать, свечки в них ставить и народ ночью забавлять!

Тихоныч вообще ничего понять не может, а Петрович с его головы убор вождя из перьев снимает и пустую тыкву с дырочками для глаз важно надевает. Испугались революционеры и ну креститься, разбегаясь от Тихоныча в разные стороны:

— Сгинь, нечистая сила!

А Тихоныч носится кругами по площади с тыквой на голове, переспрашивает:

— Где нечистая сила? Готов и над нечистой силой мудрое руководство взять, в Люциферы записаться и должность честно отправлять, лишь бы пенсии не лишили!

Так Петрович не только цветную революцию предотвратил, но и над смертью и нечистой силой лихо посмеялся.

Петрович и нанотехнологии

Что такое нанотехнологии и с чем их едят, народу пока не понятно. Но наш губернатор, как настоящий доктор наук, очень доходчивое объяснение пытливому обывателю всегда дает:

— Наночастицы, дорогие мои сограждане, это такие суперполезные микробы атомные, которые, вступая в половую связь с прочими земными материалами, просто чудеса иногда вытворяют и народному хозяйству могут небывалый импульс придать, мировое лидерство страны в ближайшем будущем надежно и дешево обеспечить!

А тут в правительстве выставку нанотехнологий устроили и Петровича на просмотр официально пригласили. Губернатор, с учеными запросто общаясь, здравую смекалку проявил и пробирочку с чудесными атомными микробами в карман на всякий случай занякал. Вертел, крутил в руках, языком перед учеными цокал от восхищения, а потом незаметно в рукав затер и в нагрудный карман опустил. Словно пробирка чудесным образом сама по себе в воздухе растаяла. К тому же заветную пробирочку Петрович не себе взял, а для пользы дела всей нашей области.

Вернулся Петрович с выставки и стал эти полезные атомные микробы с другими материалами активно случать. Смотрит в микроскоп, как микробы случаются, хохочет над прибором от удовольствия. Случил он наномикроб с питьевым спиртом и сразу градус еще выше прыгнул, аж хорошо разбавленный на местном ликеро-водочном заводе спирт закипел. Случил с соевым фаршем, так из него натуральные свиные, очень сочные сардельки сами в гирлянды вязаться стали и без дров закоптились. Случил с бумагой — на банкнотах нули сами по себе растут, особенно на долларах. Случил с полистиролом — гигантские урожаи синтетического зерна образовались и нерукотворными реками в элеваторы потекли. Зерно оказалось вполне съедобным, правда, куры от него только шарики для пинг-понга несли, а гуси — бильярдные шары. Но ведь сие очень даже хорошо для развития игровых видов спорта. А когда Петрович этих наномикробов с дизельным топливом случил, то трактора по полям, как «феррари», гонять стали, по сто га за полчаса вспахивают, пласты земли сами по себе тут же боронятся от вихревых потоков, а картошка в землю от страха запрыгивает уже забытым квадратно-гнездовым способом.

Решил Петрович наночудо и в своем домашнем хозяйстве употребить. Не все ж народу отдавать. Лодочка резиновая у Петровича давно прохудилась, а без лодки какая рыбалка? Случил Петрович наномикробы с казеиновым клеем и лодку попробовал заклеить. Как новая стала! Задумал Петрович крепость изобретенного клея научно проверить. Гирия у него пудовая давно в гараже без дела стояла. Намазал он подошву этой гири да к стене с размаху и прислонил. Схватило намертво. Он даже стоял на этой гире запросто. Увы, после пришлось кувалдой гирию от стены отбивать вместе с кирпичами.

Но тут и оказия нехорошая вышла. Во время опытов Петрович чудо-клей себе на штаны нечаянно пролил. Брючная ткань к живой коже намертво приклеилась, надо полагать, на молекулярном уровне. Думал губернатор, само по себе отлипнет, ан нет! На ноге язва образовалась гнойная, и пришлось срочно к докторам идти. Переполох доктора подняли: такого опасного чуда еще не видели, а они, понятно, головой за здоровье губернатора отвечают. Тут и местная ФСБ подключилась с расспросами. Пришлось колотиться Петровичу да про заныканную на нановыставке пробирочку все рассказать и на заседании правительства покаяться.

Объявили губернатору строгий выговор и квартальной премии лишили. Но оргвыводов делать не стали, а все про эксперимент с синтетическими зернами расспрашивали. Мешок синтетического зерна Петрович лично премьеру презентовал. Весь правительственный кабинет с восторгом смотрел, как курочка натужно квохчет, а из нее шарик для пинг-понга выскакивает. И как гусь бильярдные шары несет, на парламентском часе всей стране показывали. А один депутат гуся себе забрал, на правах вице-спикера, проводящего экстренное думское заседание. Гусь теперь в Госдуме обитает, в большой корзине.

Русский лес

Видит губернатор по телевизору злободневные передачи о том, как китайцы русский лес вырубают, и от смеха покатывается.

— Какое же глупое у нас телевидение, — не понимает и от счастья руки потирает. — Мы и сами с усами, у нас свой Китай!

Для начала затеял Петрович первый в области съезд лесников провести и сам на нем выступил с речью:

— Почему — не знаем сами, но дела идут хоть плачь, залесились мы лесами, засорились враскорячь!

Короче, предложил Петрович главного лесника за профнепригодность сместить, а на его место поставить некоего гражданина Насосова, чтобы в лесах нужный порядок срочно навести. В лесах Насосов, конечно, ничего не смыслит, но губернатору большой друг, а значит, лесное дело в цивилизованный оборот войдет, новый импульс при поддержке властей получит.

Не прошло и полгода, как верный Насосов распоряжение не глядя подмахнул, по которому сразу несколько тысяч гектаров леса переводились в категорию земель поселений, а значит, подлежали законной вырубке. Вырубить, правда, успели лишь триста с гаком гектаров по копеечным лесорубным билетам. Один местный капиталист под расширение завода земельку попросил. Но тут экологи шум подняли, а из столицы следственная бригада прикатила. Дело уголовное возбудили и взяли несчастного Насосова под стражу прямо из теплого кабинета в холодный казенный дом.

Всего столичные сыскари вменили невольному лесному реформатору ущерб в размере нескольких миллиардов рублей! Именно невольному, не для себя же одного Насосов так старался! И что ж? Минул год, сидит Насосов под стражей, а шум сильно поутих. Насосов в кабинете следователя физиономию хитрющую скорчит и одно твердит:

— Мое дело политическое: не может же в моем частном огороде вырасти федеральная капуста!

Злые языки пророчили, что Насосова обязательно отмажут, он ведь очень правильно сидит — никого не выдает. А областной прокурор вообще перестал отвечать на запросы из столицы по поводу незаконной вырубки леса. Он ведь у нас слепой и глухой. Петрович его специально из дома инвалидов на иждивение взял. Дескать, сам у него поводырем буду, со мной не заблудится и не пропадет.

Закончилась эта лесная история и вовсе замечательно. Руководитель Федерального агентства лесного хозяйства неожиданно присудил области звание «Лучший субъект Российской Федерации в области лесных отношений» да еще Насосову прямо в тюрьму правительственную телеграмму отстучал с теплыми словами: «Выражаю благодарность за взаимопонимание и поддержку в решении задач по реализации эффективной лесной политики, устойчивому управлению лесами, их рациональному использованию и восстановлению». Так прямо из-под стражи в новом лесном кителе с губернаторского плеча поехал Насосов получать диплом о присвоении почетного звания в Москву. И получил его в День работника леса на славной сцене Малого театра. И Петрович ему из бархатной бордовой ложи сильно аплодировал и лукаво подмигивал.

Губернатор и кризис

Стал Петровичу Леня Голубков во снах являться да порой еще и свою жену в новых сапогах приведет или брата-алкоголика. Сядет на край кровати в тельняшке, вначале график роста доходов покажет, а после гаечным ключом по лбу тукнет и хитро приговаривает:

— Мы не халявшики, Петрович, а партнеры!

Просыпается губернатор в холодном поту. Лени Голубкова рядом нет, а на лбу огромная сизая шишка и саднит сильно. И понял губернатор — не к добру. Не Леня это вовсе, а сущий экономический кризис ему являться стал в личине Голубкова. Несколько раз пытался Петрович с ним во сне в диалог вступить:

— Что тебе, кризис, в нашей области делать? Как в ней ничего не было со времен советской власти, так и нет! Разве же мы работаем? Только видимость создаем для получения высоких зарплат и государственных наград, признаюсь как на духу.

Говорит это, а сам кукиши под одеялом держит, и не только руками, но даже пальцами ног фиги показывать научился. Так многолетнее губернаторство на гибкость членов

влияет. Но не помогает, кризис ночами все чаще является странными видениями: то брат Голубкова Петровича к противоестественному сожительству склоняет, то его алчная жена в кровать под бок ложится. И похожа становится на свинью-копилку Петровича. При этом подлинная фарфоровая свинья-копилка губернатора вдруг превратилась в какого-то страшного монстра с торчащими ребрами, а деньги пропали.

Пытался губернатор выход из наступающего кризиса сыскать да поменять с соседними областями репо на брюкво, да никто не берет. Говорят, от своих репо и брюкво в амбарах стены трещат и мыши, объевшись,дохнут.

Первое время Петрович старался банки и крупные предприятия поддержать: рубли на цветном ксероксе накатал да раздавал страждущим даже неразрезанными. Не было времени нормально ножницами поработать, во как старался кризис упредить!

Только потом понял: лечить областную экономику финансовыми вливаниями все равно что лечить понос перееданием. Тогда Петрович запретил местным СМИ волновать народ кризисом, а депутатам приказал в срочном порядке принять местный суровый закон против возможных забастовок. Нет ведь повода для недовольства. Сокращают рабочую неделю? Так ведь это благо, пусть трудяга побольше времени уделит семье, с детишками задачки порешает, на карусель сводит, жену лишний раз потискает. Урезают зарплату? Похудеть тоже полезно и не нужно на фитнес тратиться. На улице оказался? Счастливым человеком стал: гуляй — не хочу! А разные недовольства поручил прокуратуре усмирять на предмет паникерства и экстремизма.

Как жена губернатора экономику лечила

Понял Петрович, что местные экономисты ему не помощники, и решил, что экономике требуется срочное медицинское лечение. Понятно, такое лечение областным врачам-коновалам не доверишь, стало быть, надо просить любезную супругу-медсестру употребить заветные пилюли для хронического кризиса неплатежей. Добился губернатор, чтобы жену председателем банка назначили, иначе неплатежеспособности правильного диагноза не поставит. Но как только возглавила банк губернаторская жена, сразу из него два с половиной миллиарда рублей исчезли, уйдя по ошибке на корреспондентские счета вкладчиков по всей матушке-России. Как такое могло произойти? Да сущий пустяк: два молодых и неопытных программиста банка Многоженов и Несвеженцев техническую ошибку допустили, которая привела к сбою в электронной системе и изменила суммы отправляемых из банка платежей в сто раз! Рубли и копейки в платежных поручениях исчислялись как целые цифры, а два ноля добавлялись в конце суммы автоматически. Многоженова и Несвеженцева быстро из банка выперли, как говорится, без выходного пособия, а прокуратура взялась деньги назад в банк возвращать. Но уже первый выявленный незаконный получатель халявных денег — предприниматель из славного города Воронежа, по фамилии Огородов, возвращать полученные ошибочным образом сорок миллионов отказался. Аргументировал он отказ так: если мне самому возвращать эти деньги в банк, то с них за перевод придется заплатить четыре миллиона из собственного кармана!

Удивился губернатор его догадливости, но велел прокурорам предпринимателя арестовать и под стражу посадить. Пусть еще раз подумает в уединении и здравое для области решение примет.

— Надобно от него добиться признания, что в сговоре с неустановленной группой лиц вывел из строя программное обеспечение банка неустановленным способом и совершил мошенничество в особо крупном размере, — напутствовал силовиков Петрович.

Уголовное дело быстро состряпали да в суд передали. Однако предприниматель и сам оказался малый не промах, в недавнем прошлом прокурор. Говорит, дескать, я ждал из

банка официальных документов, подтверждающих принадлежность разницы суммы банку, чтобы вернуть ее на законных основаниях. Вот до сих пор отсудить ничего не удается: не находят судебские в его действиях состава преступления. Более того, выяснилось, что и сам банк ревизии на сей счет не проводил. А тут еще одна история всплыла: оказывается, жена губернатора подобным же образом несколько лет назад один из районных банков лечила. Деньги ищут до сих пор.

Петрович и антикризисный автобус

Решил губернатор, что в период экономического кризиса полезно областному народу настроение поднимать, веселить его. Собрал Петрович транспортников и объяснил свою идею:

— Юмор — это не хурмы-мухры, а хороший механизм психологической защиты от социальных потрясений. С его помощью происходит обесценивание опасности. Он пересаживает суровую кризисную реальность в область ничего не значащих знаков. А знаки, в отличие от реальности, не пугают, они вроде щита между нами и реальностью. Сама опасность не пропадает, но факт переживания страха редуцируется, — мудро сказал все это Петрович и сам себе удивился: — Во как! Стало быть, будет ходить по городу и области такой автобус с бесплатным проездом, а настроение гражданам будем поднимать тем, что по пути на работу или на биржу труда они будут слушать короткие рассказы Зощенко, Жванецкого и молодых областных юмористов.

А тут еще и омбудсмен Нарывайко в серьезный разговор втерся:

— Юмор — месь маленького человека тяжелым жизненным обстоятельствам. Это отдушина, с помощью которой он делает сносной часто невыносимую действительность и с помощью смеха становится ее господином! Временами в шутке есть зерно жизненно важного упрямства. Например, кризис уже помог моему родственнику снова встать на ноги! Он не смог больше платить банку по автокредиту и лишился машины. А сегодня я попытался получить деньги в банкомате, но он мне сказал, что «средств недостаточно». Я так и не понял, он имел в виду себя или меня?

— Правильно, — подхватил мысль омбудсмена губернатор. — Вот и наш министр финансов успокаивает простых граждан: «Вам нечего опасаться кризиса. Опасаться нужно было раньше, а сейчас уже поздно». Бизнесменов заодно раскошелим на этот автобус и назовем это «принуждением к щедрости».

Губернатор и кивалы

Многотрудным законотворчеством наши областные депутаты прославились. Какие только полезные и нужные законы не напридумывали! Выдвинет депутат инициативу, а остальные рты разинут и кивают при голосовании. Например, придумали закон для борьбы с преступностью, запрещающий ходить по улицам в черной одежде, обуви из войлока и с лицом, выкрашенным черной ваксой, поскольку все вышеперечисленное составляет наряд областного ночного вора. Категорически запрещается умирать в стенах администрации, чтобы не портить настроение чиновникам. Захотел умереть — выйди на улицу и умирай на здоровье. А человек, пойманный на краже мыла, обязан мыться им, пока оно не кончится. Река Воронеж не имеет права подниматься выше уровня Петровского моста. А взрыв ядерного заряда в черте города карается административным штрафом в тысячу рублей. Человек, занимающийся отловом собак, обязан за три дня предупредить собак о своих намерениях путем расклеивания объявлений на деревьях городского парка. Запрещено продавать дырки от бубликов с маком. Кровать не может быть подвешена за окном. Нельзя испускать неприятные запахи в лифте. За-

прещается помещать табличку с надписью «продается» на машину, если она видна с улицы. Парикмахерам запрещается есть чеснок и лук между семью часами утра и семью часами вечера. Женщине запрещается появляться небритой в общественном месте. Если вам больше восемнадцати лет и у вас нет некоторых зубов, то когда вы улыбаетесь, вы не должны показывать окружающим больше одной дырки во рту. Мужчинам запрещено находиться в возбужденном состоянии в общественном месте. Женщинам запрещается носить лакированные туфли, чтобы мужчины не видели отражение их нижнего белья. Нельзя переходить улицу на руках. Мужчинам, имеющим усы и бороды, запрещено целовать и щекотать женщин. Незаконно ограбить банк и затем выстрелить в кассира из водяного пистолета. Если вы покусаете кого-то своими настоящими зубами, то это будет простым нападением. Если вы будете кусаться вставными зубами, то это будет нападением приотягчающих обстоятельствах. Незаконно полоскать горло в общественных местах. Запрещено кататься на велосипеде в плавательном бассейне. Запрещено делать больше трех глотков пива стоя. Собакам запрещается спариваться на расстоянии двухсот метров от кафе, школ или мест отправления культа. Однако, кроме запрещающих, приняты и разрешающие, очень полезные законы: беременная женщина может попросить у милиционера фуражку для отправления естественных нужд, если поблизости нет общественного туалета. Не запрещается повесить того, кто застрелил вашу собаку в пределах вашей собственности. Попрошайничество и гримасничанье являются формами выражения свободы слова, а всем жителям области навечно гарантирован солнечный и лунный свет.

Губернатор и Интернет

Петрович никогда не отставал от благ цивилизации и считал, что каждый чиновник должен быть продвинутым пользователем Интернета. А может, даже и хакером. Только это обстоятельство наконец поможет преодолеть разницу между районами и областью на пути к цивилизованному деловороту.

Интернет ныне — это воистину свобода, ум, честь и совесть нашей эпохи. Кроме того, здесь нет интонации и мимики, неважно, как чиновник одет. Всем наплевать, что он пришел на работу с большого бодуна или прямо из медвытрезвителя. Неважно, плеши ли чиновник, прыщав, гугнив, благо общение с народом и с собратьями по департаментам происходит посредством обыкновенного, бесстрастного электронного текста.

А для губернатора — это мир его воображаемой власти, ловко созданный с помощью компьютера. Однако и в сухом, деловом режиме губернаторской интернет-конференции гражданам разрешено испытывать страх, головокружение, радость, преданность, оптимизм и нездоровый азарт.

На протяжении всей истории области искусственная реальность имела много разнообразных форм: партсобрания, радио, телевидение, праздничные демонстрации трудящихся и товарищеские суды над тунеядцами. Но все они меркнут перед сегодняшними возможностями Интернета. Вот уже сидит Петрович с народом в поисковике, шутками-прибаутками сыплет, бородатые анекдоты припоминает, афоризмы из памяти вытаскивает. И ему вопросы идут интересные:

— Почему ваши чиновники прогнили от коррупции и что вы собираетесь с ними делать?

— Расстреляю, а администрацию в голубой цвет перекрашу, — стойко шутит Петрович.

— А почему в голубой цвет?

— Я так и знал, что по второму вопросу будет дискуссия, — не унимается губернатор.

Через час конференции в компьютер губернатора злобный вирус проник, и по монитору розовый фаллос игриво по диагонали запрыгал.

— Кыш, кыш, — азартно кричит ему губернатор, — а сам ждет, не появится ли еще что-нибудь поинтересней. Вот и «Одноклассники.ру» следом за фаллосом всплыли, а в них, ба! Дуракова свои прелести выставила с точным описанием интимных параметров для знакомства, замужества или поиска друзей. От такого коварства Петрович обомлел. Он хорошо помнил, как Дуракова несколько лет от компьютера отказывалась и даже на административном совете заявляла, что боится у монитора сидеть, чтобы груди не облучить!

А вот и Тихоныч объявился. В режиме он-лайн про Петровича юморные истории рассказывает по телефону доверия ФСБ, вот приколист! Очень Петрович этому факту обрадовался — уж если старичок Тихоныч компьютер освоил, значит, и другие чиновники скоро киберпространством овладеют. Следом в сети он и на Чардаша набрел. Этот малый не промах, в карты играет в интернет-казино, между прочим, на очередной госзаказ. Затем узрел губернатор на мониторе, как омбудсмен Нарывайко лихо условно-досрочными освобождениями приторговывает с колонией строгого режима, шлакоблоки начальнику для дачи обещает, оцинковку в обмен на освобождение известного мошенника. Короче, в виртуальном мире — все как в реальной жизни, и вся область и что в ней деется видны как на ладони.

Вот так светло и радостно Петрович по Интернету с народом пообщался. Ибо какими бы убедительными ни были губернаторские идеи, Петрович не добьется успеха, если не сможет поделиться ими с людьми.

Доходы от преисподней

Приходят чиновники утром на работу в обладминистрацию, а на центральной площади, прямо напротив памятника Ленину, из растрескавшегося асфальта, из-под земли, густой дым валит. Хотели ближе подойти, да не смогли: языки пламени вырываются, дым едкий, и пахнет почему-то навозом. А тут еще дворник, убиравший площадь, ушел в землю по пояс и сильно ноги обжег. Следом автомобиль МЧС, выехавший на место странного возгорания, по самую раму в землю ушел, еле спасатели успели из него выбраться.

Омбудсмен Нарывайко к этому природному феномену с опаской подошел и сказал многозначительно:

— Это нам привет из преисподней, дождались...

— Типун тебе на язык, — огрызнулся губернатор, — Конечно, дел неправедных мы немало понаделали, но ведь не до такой же степени. А если и грешим, то сразу в церковь бежим каяться. И кто без греха?

Пригнали несколько пожарных машин, языки пламени сбили водой и пеной, но дым от этого еще гуще стал, видно, пожар под землей так и не унимается. Не помогли и осенние дожди, и снежная зима. Чиновники сидят теперь в обладминистрации в противогазах, все здание крепким навозом пропахло. А приходя на работу, больше не здороваются друг с другом, а многозначительно говорят:

— Воняет!

Однако обыватели нашли пользу и от подземельного горения. Золу собирают, говоря, что она дивному урожаю овощей способствует. Один предприниматель пытался даже палатку возле областной преисподней поставить, да она тоже в землю ушла и тлет до сих пор.

— А что скажут об этом подземном горении наши областные ученые? — собрав административный совет, уныло спросил Петрович.

Но местные геологи головы опустили и молчат. Тут владыка со своего места вскочил и затараторил плаксиво:

— Наказал Господь нашу область, на весь земной шар погано и страшно ославил. А тебе, Петрович, бесу окаянному, быть теперь вечно слугой Люцифера! Изыди, нечистая сила, — грозно затряс владыка посохом. — С этого дня отлучаю губернатора от церкви!

Петрович сразу дар речи потерял и от удивления из кресла на пол выпал. Лежит, вставать не хочет, свернулся калачиком и глаза от страха закрыл.

— Не горячись, владыка, — встал на защиту Петровича писатель Ошалелов. — Не знаете вы своей областной истории. При Петре Великом на этом месте конезавод был, навоз, видимо, не убирался, вот и скопились под землей большие его залежи. А загорелся он, видимо, от случайно брошенного на асфальтовую трещину окурка.

— Во, — поддержал его омбудсмен Нарывайко. — Я всегда говорил о вреде курения, а меня никто не слушает. Курение — причина пожаров.

— И долго этот навоз под землей гореть будет? — вопрошает с пола пришедший в себя губернатор.

— А Бог его знает, вероятно, несколько лет, — задумчиво отвечает Ошалелов, — конезавод сто лет работал.

— Надобно сие неожиданное природное явление с толком использовать, — нашелся успокоившийся владыка. — Демонстрировать областную преисподнюю нашим грешникам для устрашения.

— Правильно, — окончательно воспрял губернатор. — И туристам показывать ее будем за большие деньги. Надобно президента на официальное открытие областной преисподней пригласить, да строку в уже сверстанный бюджет не забудьте дописать. Так честно и пишете: доходы от преисподней.

Губернатор и смертная казнь

Никаких гнилых европейских ценностей Петрович никогда не понимал и не принимал. Судил он в области разного рода нелюдей только тройкой. Как высокообразованный губернатор, знаток литературы, всегда следовал открытию одного великого русского писателя, некогда радостно воскликнувшего: «Русь-тройка!» Но патроны Петрович на преступников жалел тратить, считал справедливо, что боеприпасы на войне сгодятся.

Впрочем, смертные казни в нашей области имеют давнюю традицию, и губернатор только слепо ей следовал, ища корни своей отеческой расправы в глубинных пластах славного исторического прошлого. Будучи представителем власти, он прекрасно знал, что смертная казнь появилась в качестве законного вида наказания именно с зарождением власти, скорее всего, как явление одномоментное. Стало быть, законнее и справедливее смертной казни никакой иной экзекуции быть не может. И в книге Бытия сие однозначно закреплено, без всяких экивоков: «Кто прольет кровь человеческую, сказал Господь, того кровь прольется рукой человека». Если, конечно, следователю, прокурору и судье наглый кровепроливатель большую взятку не даст. Но сие тоже законам историческим не противоречит, ибо существовало всегда в нашей области понятие «цена крови», и за убитого можно было щедрой вирой расплатиться, оставшись в живых.

Огромное число типов смертной казни бытует в нашей области, поскольку в жизни всегда есть место новаторству и эксперименту. Но больше всего губернатор любит закапывание живьем в землю, так как это ее неплохо удобряет. Случалось, что проштрафившемуся районному сатрапу губернатор присылал кипятильник, который тот должен был проглотить, включить в розетку и ждать, пока не закипит желудочный сок.

Забавляло его сажание на кол, то бишь прямо на шпиль купола администрации. Благо далеко осужденного видно, что весьма назидательно, и можно провести последний допрос, а священник успеет принять от него раскаяние, если, конечно, преступник не закоренелый атеист. Но чаще всего осужденных пускали на колбасу. Сырокопченая «Губернаторская» в буфете администрации особым спросом пользовалась.

Дитя солнца

Казнь в нашей области до сих пор неотделима от ритуального убийства. Петрович не считал, что сие противоречит областной культуре и морали. Не в меру сердобольному обывателю надобно просто понимать естественное происхождение этого трагического обычая. Жертвоприношение — та же молитва, которую губернатор обращает прежде всего к солнцу, кое каждый день встает над нашей областью. А могло бы и не вставать. Стало быть, движет губернатором не кровожадность, а насущная забота о счастливом завтрашнем дне, хорошем урожае, приросте производства, нужной явке народа на выборы. Таким образом, он относится к жертвоприношениям, как дитя — к солнцу, и не более того. Обратим внимание и на гуманизм Петровича. Чаще всего он приносит в жертву не преступников, поскольку считает их нечистыми и недостойными, а местных финансовых работников, используя их физическую и умственную беспомощность.

Некоторые особенности областной судейской этики

Путешествовал как-то губернатор по Интернету, новые знакомства искал на сайте «Мамба.ру» и вдруг видит очень знакомое лицо — местного судью. Разместил служитель Фемиды на этом прикольном сайте четыре свои фотографии, решив познакомиться с девушкой «в возрасте от 18 до 40 лет». Хотел судья найти в Интернете девушку с маленькой грудью с темными сосками и обещал будущей знакомой большие сексуальные удовольствия, на которые всегда готов, даже в здании родного суда. Не пожалел красок судья для описания своей персоны, дескать, умный он шибко, щедрый по причине характера и большой судейской зарплаты, веселый, но очень скромный. Даже спонсором может стать для своей малогрудой избранницы, желательно авантюрного характера. А еще любит судья задушевно поговорить в различных позах, даже размер своего «микрофона» в сантиметрах указал. Честно признался судья на просторах всемирной сети, что выпить не дурак и в меру покуривает.

Больше всего Петровича размеры судейского члена возмутили. Вызвал он председателя областного суда на ковер, чтобы поведение его подопечного обсудить. А главный областной судья уже за порогом стоит с распечаткой страницы этого сайта, как чуял, что скандал придется заминать:

— Мы уже ему выволочку на коллегии устроили, клянется и божится, что это подстава, мол, размер члена не писал, и винит во всем хакеров. Кошмар с этим размером получился, областной суд уже все порностудии страны звонками и запросами завалили, просят с судьей контракт заключить на киносъёмки. Большие деньги сулят.

— Из судей его, конечно, вытурить придется, — вслух размышляет губернатор, — за нарушение судебной этики, а вот о контрактах с порностудиями областному суду стоит подумать, на предмет хозрасчета.

— Хотели мы его вытурить, — уныло констатирует главный областной судья, — да такое заявление он сам должен написать, отставку попросить по закону о статусе судей. Но он упирается, говорит, что за размер члена с работы не выгоняют, а, наоборот, продвигают по карьерной лестнице. И коллеги против такого увольнения, считают, что судья тоже живой человек и имеет право на личную жизнь.

— Выходит, с членом он не намудрил, — констатирует Петрович. — Стало быть, нужно помочь человеку с дальнейшей профессией определиться. Хороший порноактер не меньше судьи зарабатывает да еще и удовольствие получает. Давай кастинг в суде устроим, может, еще какие таланты обнаружатся.

— Поздно, — огорчил губернатора главный судья области. — Его параметрами в Верховном суде уже заинтересовались, просят в столицу на работу перевести. Он уже и чемоданы собрал да весь секс-шоп скупил.

— Я же не раз говорил, — воодушевился Петрович, — карьера — это не то, что тебя пихает снизу, а то, что тянет сверху. Значит, теория моя подтверждается. Этот малый не промах, нашел у себя орган, за который его теперь вверх потянули. Плохо, что в советские времена секс в нашей стране запрещали. Если б меня кто за мою «репку» тогда потянул, давно бы в правительстве или министерстве служил.

Губернатор и водоохранная зона

Всю жизнь мечтал Петрович о сельском пасторальном уединении, целебном отдыхе на природе от многотрудных государственных дел. Присмотрел участки в тихом лесном уголке для себя и соратников да построил элитный поселок с нарядными теремками из голландского кирпича. Домики красиво теснятся на берегу речушки, у самой воды, а сама речушка плотинкой подперта, чтобы рыба у чиновничьих домиков вольготно разводилась и резвилась, рыбалка в удовольствие и на пользу каждый день была.

Петрович удобств цивилизации не чурался, но любил воду из ключа брать на душистый чай. Не такая живая она, если в городской квартире из крана течет. Сам за ней на ключ с ведрами на велосипеде поутру ездил. Крутит педали по лесной тропинке мимо дачи Тихоныча и видит очень занятную картину: на огромном балконе стоит вице-губернатор без штанов и отдыхающим у реки прыщавый зад нагло показывает. От неожиданности губернатор с велосипеда рухнул, ведра с водой опрокинул, осерчал не на шутку:

— Ты что же, Тихоныч, на старости лет стриптиз народу кажешь, власть дискредитируешь посредством небывалой оптической доступности своего заднего места?!

— Я, Петрович, никого не дискредитирую, — кряхтя, с высоты балкона отвечает ему Тихоныч, — а геморрой проклятый с утра полезными солнечными ваннами лечу, витамин Д одновременно получаю.

Против полезного лечения ничего губернатор возразить подчиненному не мог. А тут из своей калитки к нему озабоченная Дуракова с такими аргументами подходит:

— Тихоныч у себя на даче лечением заднего прохода занимается, это его частная жизнь, охраняемая законом. Да и мне отдыхающие на берегу мешают. Люблю прямо из баньки, телом упарившаяся, в прохладную речку с разбега гольшом нырнуть, иммунитет укрепляю путем резкого перепада температур.

Права Дуракова, подумал губернатор, это не диким отдыхающим на собственных дачах чиновники неудобства создают, а прочая мелкая сволочь из местного населения в частную жизнь власть имущих вторгается. Вместо того чтобы работать на пользу области или приусадебные участки в порядке содержать, они, видишь ли, на речку отдыхать повадились в будние и выходные дни. И сам он не раз в большое раздражение приходил, когда рыбу с зеленого бережка ловил, а местные пацаны с удочками рядом пристраивались, галдели и рыбу распугивали.

Вот Петрович и распорядился весь бичевник у реки высоким забором огородить, в три метра высотой, из колючей проволоки «Егоза», чтобы местное население праведному отдыху чиновников не мешало, по берегу не шастало. Все бы ничего, да стали из Росприроднадзора с проверками наезжать. Из кустов с другого берега наблюдали за

процедурами Тихонича, Дуракову в неглиже в реке фотографировали, как папарацци какие. А потом грозили, что снесут забор решением суда вместе с дачами. Дескать, Петрович какой-то там Федеральный закон о водоохраных зонах шибко нарушил.

Губернатор объяснял по-доброму, терпеливо и основательно:

— Ваш Росприроднадзор несостоятельные для цивилизованного мира законы понапридумывал. Венеция пятьсот лет прямо на воде стоит без всякого ущерба природе и тамошнему водному хозяйству.

Пытался Росприроднадзор с губернатором судиться, а наш областной суд у него даже искового заявления не принял. Сказали, что предмета для иска не видят. Покажите вначале предмет, тогда и судить Петровича будем, заборы и дачи сносить. Стушевался Росприроднадзор перед судейскими: водоем-то с карасями в суд не принесешь. Даже спорный забор на своем горбе в суд не дотащишь!

Однако история с водоохранной зоной неожиданно плохо закончилась. Нашлись среди местных жителей отъявленные негодяи и створы на плотине динамитом ночью взорвали. Да так, что и починить невозможно — бетон с металлом шибко искорежило и спаяло, так что всю плотину теперь сносить и заново строить надобно.

Ушла вода, и разом обмелел водоем у элитного коттеджного поселка. Дохлой рыбой на всю округу воняет да гнилым болотом. Даже ключ, Петровичем любимый, откуда часто воду на чаек брал, густой тиной зарос и навсегда под землю ушел. Разом чиновники с дач съехали без всякого Росприроднадзора. С тех пор Петрович о сельском отдыхе вспоминать не любит и другим чиновникам не советует.

Губернатор и поющий дуб

Когда губернатор затеял строительство дачи, то на участке старый вековой дуб обнаружил с признаками полного умирания. Петрович посчитал дерево совсем негодным, хотел на дрова для мангала спилить. Но как пилить стали, так у рабочих руки словно отсохли, слабость во все члены пришла, головы закружились, будто от азотного наркоза. И пилы сами по себе затупились, зубья в разные стороны погнулись. Понять не могут, что за дела! А из дуба вдруг послышалась чудесная, тихая, но очень явная музыка, вроде церковных песнопений. Тут к Петровичу один сгорбленный старичок подошел и говорит скрипуче:

— Про этот дуб легенда в народе ходит, будто его святой Тихон Задонский посадил. Золотой желудь на дороге к храму нашел и в эту землю с молитвой бросил!

Смекнул Петрович — дуб точно непростой и несомненную финансовую пользу приносить будет. Огородил он дерево высокой оградкой, будочку с кассой поставил, электронный турникет. Пусть народ к чудесному дереву по билетам подходит и ухо к коре его прикладывает, музыку слушает, а семье губернатора законный доход непрерывно идет. Дуб-то на его приватизированном участке произрастает, стало быть, чудесное древо его собственностью стало.

Скрытую рекламу в СМИ Петрович мигом организовал. И повалили толпами паломники к поющему дубу. Облепят его, как мухи банку с вареньем, и дивным мелодиям внимают. Слух пошел, что многим этот дуб не только удачу и благополучие предсказывает, но и несчастья, болезни нехорошие запросто предугадать может. Скажем, зазвучит из дуба попса — будет большая удача в коммерческих и теневых делах. Колыбельную услышишь — жди рождения дитяти в семье. Романс мерещится — суженую или суженого точно встретишь. Пугачева запоем — к празднику или торжеству большому в доме. А вот если, не дай бог, из вешего дуба песня «Партия — наш рулевой» явится, значит, точно всего имущества лишишься, в казенный дом попадешь или по миру вскорости

пойдешь. А если «Интернационал» заиграет — можешь сразу гроб кумачовый покупать и еще живым в него ложиться.

Случались и музыкальные казусы. Раз послышались Дураковой из дуба строки незабвенного романса «Отвори потихоньку калитку, кружева на головку надень». Так она сразу к Чардашу в кабинет побежала и кружева на головку напялила. Петрович ее публично за это отчитал:

— Ты же образцовая комсомолка, а одни пошлости на уме!

И Тихонич по стариковской глухости у дуба отличился. Видите ли, песню услышал: «Почему ты мне не встретишься, юная, стройная...» Теперь на улице ко всем тинейджеркам пристаёт, ни одной юбчонки не пропускает.

Впрочем, дуб самому Петровичу ценное пророчество музыкально воспроизвел в виде популярного шансона. Слова он не запомнил, а вот мелодия точно на «Семь сорок» была. А на следующий день дефолт приключился. Успел Петрович из банка в ту же ночь свои кровные забрать да в ближайшем обменном пункте на поганые доллары с большой выгодой обменять. С тех пор живет семья губернатора безбедно и на чудесный поющий дуб не нарадуется.

Меняем квартиры на валенки

Очень в нашей области молодым семьям живется трудно и тесно, заводят личную жизнь без своего угла, где придется, за аренду жилья целую месячную зарплату отдают, а спасительная ипотека не то что молодежи, зажиточным обывателям пока не по карману. Недаром же шутка в Интернете появилась: заменим смертную казнь ипотекой под двадцать пять процентов годовых! Потому уже несколько раз наш омбудсмен Нарывайко перед губернатором вопрос о защите молодых семей поднимал, в глаза преданно заглядывал. Но Петрович все в ответ одно твердит:

— Все молодые семьи, если, конечно, богатых родителей нет, квартирным вопросом мучаются или мучились во все времена. Такова жизнь. Нужна квартира — найдите способ заработать на нее. Не можете? Значит, собственное жилье вам не нужно.

Омбудсмен и сам помнил, как двенадцать лет с молодой женой в общежитии прожил и в общий туалет на этаже с зонтиком ходил. Общежитие было аварийное, с верхнего стояка в туалете прямо на голову дерьмо натурально капало.

На почве этих невеселых воспоминаний Нарывайко отличная идея пришла! И поведал он ее губернатору с большим удовольствием:

— Слушай, Петрович, сколько в городе стариков и старух одиноких квартиры имеют? Родственники о них забыли или вовсе знать не хотят, ухода и помощи нет. Иное дело, если такого старикана в наш дом престарелых на полный казенный кошт определить, хороший присмотр и медицинское обслуживание, а их квартиры в другие руки передать, хоть бы и молодым семьям.

— Так у нас дом престарелых и без того переполнен, — возразил с сомнением губернатор, — старики, чтобы на этот пансион попасть, несколько лет на очереди стоят.

— Не беда, — взбодрил его омбудсмен Нарывайко, — я уже с директором дома престарелых переговорил, он готов делу помочь. Кровати двухъярусные намерен в палатах поставить. Скажет старичкам, что будем теперь в поезд играть. Ходячих, если надо, на второй ярус завсегда медсестры подсадят, они все равно перед отбоем обход палат делают. А неходячих компактно в кроватях валетом разместим. Так самим старикам веселее, теплее спать будет, организмы у них быстро зябнут, недаром зимой и летом в валенках ходят.

— Вот про валенки ты хорошо заметил, — одобрительно хохотнул губернатор, — квартиры мы не просто забирать у них будем, это бесчеловечно и не по закону, а станем

на хорошие валенки менять, для стариковского же блага. Заодно и спрос на этот народный товар поднимем, производство отечественное поддержим. Одними валенками сразу двух зайцев уьем!

Первую же отнятую стариковскую квартиру Нарывайко неожиданно для своего сына выпросил. Встал в позу перед Петровичем, петухом нахохлился и нагло говорит:

— У меня сын от первого брака только что из Израиля на историческую российскую родину вернулся, прямо ко мне на шею, с молодой женой и дитем. Не могу же я права других граждан отстаивать, коли права своего сына на отдельное жильё отстаить не могу!

— Весомый аргумент, — согласился губернатор. — Так и быть, забирай квартиру для сына.

Вторую стариковскую квартиру Тихоныч просить слезно прибежал, дрожит весь, язык от страха заплетается:

— Выручай, Петрович, тут одна молодуха забеременела, говорит, от меня, грозит экспертизу ДНК провести и шум на всю округу поднять! Власть от этой внеплановой беременности точно лицо потеряет, а меня жена чугунной сковородкой прибьет!

Пришлось забеременевшей молодухе Тихоныча квартиру срочно подписывать.

За третьей квартирой сам директор дома престарелых пожаловал, смотрит исподлобья и свои права качает:

— Отдавай, губернатор, эту квартиру моей дочери, она с внуком пятый год без законного мужа на моей жилплощади прописана в большом стеснении. Я ведь, для администрации квартиры добывая, под уголовной статьей о мошенничестве хожу. Стариков перед поездкой к нотариусу транквилизаторами накачиваю, а самому нотариусу еще на лапу даю, чтоб строчку об обмене квартиры на валенки в договоре не замечал.

Пришлось Петровичу и этой квартирой пожертвовать ради общего благородного дела помощи бесквартирной молодежи. Пусть эта молодежь — дети приближенных, но со временем и до простых молодых семей с квартирами дойдем.

Но уже на четвертой стариковской квартире осечка вышла. Во-первых, старикан очень капризный попался, стал бунтовать в доме престарелых, дескать, валенки ему сильно жмут, хоть дырки для пальцев прорезай. И спать он влетом больше не желает, видите ли, у другого старика ноги сильно воняют. А во-вторых, у старика внук неожиданно объявился. Говорили, что он в Чечне погиб, а на тебе, вернулся контрактник живой и здоровый! Пришел в кабинет директора дома престарелых и угрожает:

— Не вернете квартиру, всю вашу шайку перестреляю, мне самому теперь негде жить и терять нечего.

Испугался директор, к губернатору прибежал и ситуацию непростую мигом доложил. Стал справки Петрович наводить в военкомате об этом контрактнике, а там грустно отвечают:

— У этого вояки действительно в военном билете записано: воинская специальность — снайпер.

Впервые в жизни всерьез струхнул губернатор и решил с делом обеспечения молодых семей квартирами за счет одиноких стариков малость повременить. Лучше попробовать пока принять закон о пожизненной ренте на областном депутатском собрании. Авось депутаты покумекают да выгодную для власти стариковскую ренту обязательно замутят.

Петрович и шахматист

Любил губернатор в обеденный перерыв в шахматы поиграть. Не на еду же драгоценное время тратить! Ест он и так целый день без перерыва в память о голодных сту-

денческих годах. В шахматы играть Петрович в Нижний парк ходил, в деревянный павильон, где каждый день шахматисты-любители турниры устраивали. Интерес был чисто символический: выигранная партия — всего рубль в карман, всех привлекал скорее сам вдумчивый азарт древней игры. Раз в соперники Петровичу достался неопрятный мужичок: зубы гнилые, очки в трещинах и на резинках к ушам привязаны, да еще и грязные сандалии на босу ногу. А Петрович очень не любил нечищенной обуви. С красотой души ее сравнивал. Из-за такой неприязни и сделал ему губернатор два детских мата, взял с него два рубля мелочью и хотел было в администрацию, к делам возвращаться. А мужичок говорит ему задушевно, бутылку вина с тремя семерками из кармана показывая:

— Давай, Петрович, победу твою стратегическую крепленным красненьким обмоем!

«А почему бы и нет, если можно выпить на халяву?» — здраво подумал губернатор и как зачарованный пошел за неказистым мужичком в ближайšie кусты.

Но только глоток успел из горлышка сделать ровно в три булька, как веревку на своей шее почувствовал и признаки внезапного удушения. Очнулся, а его шахматный соперник уже землей и листвой его по-собачьи закидывает, стало быть, тело губернаторское, еще теплое, навсегда схоронить от народа хочет.

Лежит Петрович уже полузакопанный, сил набирается, чтобы неожиданно подняться, а сам вспоминает, как этот мужичок и раньше своих соперников по мудрой игре куда-то уводил, и больше они в шахматный павильон не возвращались. Тринадцать случаев вспомнил, не меньше! После этого вскочил на ноги Петрович, отряхнулся и пинками скулящего шахматиста в милицию погнал. Но прежде сказал ему веско:

— Лучше сразу колись, куда, гад ползучий, тринадцать соперников по древней игре закопал?!

Все тайные могилы ему шахматист-маньяк со страху показал: шесть в парке, шесть за кооперативными гаражами и одну прямо под окнами администрации, у памятника Ленину.

Вспомнил губернатор, как в прошлом году ревизор из столицы приезжал, тоже заядлый шахматист. Приехал и пропал на следующий день, как раз во время перерыва на обед. Петрович из-за этого шум поднимать не стал, подумал, что ревизор от проверки сам отказался и спешно уехал, на слово главбуху обладминистрации поверил. А шахматисту-маньяку губернатор путевку на обследование в столицу, в институт судебной психиатрии, выхлопотал. Незачем в области громкий судебный процесс устраивать да порочить ее жителей наличием опасного и странного маньяка, да и древнюю мудрую игру такими примерами дискредитировать.

А тут еще и омбудсмен Нарывайко на защиту маньяка стеной встал, даже по телевизору выступил с аргументами в его защиту. Так и сказал:

— В конце концов никто не заставляет этих жертв шахматные партии у маньяка неразумно выигрывать да больного человека провоцировать и опасно злить. Сами жертвы, выходит, виноваты, а особенно оплошал столичный ревизор. Негоже высокому чиновнику перед простым областным обывателем выделываться, свою высоколобость шахматную направо и налево выказывать. У любого маньяка всегда другие ходы на уме. А наше гуманное дело — его поведению жестокому не уподобляться, а вылечить и вернуть человека к нормальной, полноценной шахматной жизни.

Как губернатор с автостоянками боролся

Прибегает раз к Петровичу начальник областной милиции, а за ним братки в кабинет вваливаются, запыхавшиеся, и кричат, друг друга перебивая:

— Беда, губернатор, наши незаконные автостоянки убытки стали терпеть, да и весь этот доходный бизнес в одночасье рухнуть может!

Надобно сказать, что незаконные автостоянки в городе и области повсеместно расплодились, у каждого жилого дома. А коллизия в том, что одним жильцам-автовладельцам это удобно, поскольку не нужно далеко за машиной ходить, в гараж или на автостоянку. Особенно утром хорошо: вышел из подъезда, прямо в авто сел и сразу на работу поехал. Но другим жильцам, еще безлошадным, одни неудобства: разводы масляные на асфальте, всю ночь автосигнализация воеет, выхлопы газов в окна, да еще норовят автомобили на газоны ставить, коли места на тротуаре не хватает. И городским службам неудобства: «скорой помощи» к дому не подъехать, пожарной машине, да и мусор утром бывает невозможно вывезти — к мусорным контейнерам доступа нет. Посигналит мусоровоз, постоит, да так пустым и уйдет. А мусорные баки переполненными остаются, воняют по несколько дней, мух разводят и бродячих собак привлекают. Жалобы от населения уже который год в администрацию идут. Губернатор поначалу все к главному милиционеру области приставал:

— Когда же милиция порядок с незаконными автостоянками наведет, ликвидирует напрочь, ведь это же самое настоящее незаконное предпринимательство, уголовно наказуемое!

А милицейский начальник глаза все время отводил, бурчал что-то себе под нос, ногой нервно постукивал. Тут омбудсмен Нарывайко ему на помощь пришел, словно ждал этого принципиального разговора:

— Ты не горячись, Петрович, законных автостоянок в городе не хватает, гаражи редко у кого есть, и дороги они, а сейчас в стране автомобильный бум пошел. Запретить автостоянки у домов немудрено, но тогда граждане перестанут автомобили покупать, автопроизводителей стимулировать, экономику. Еще, не дай бог, перестанут грабительские автокредиты брать! Тогда и банкам каюк! Да и как защитить тогда личные авто граждан от преступных посягательств, вандализма, краж и угонов? Тут вопрос о правах граждан выше городских крыш сразу встанет и в высокие сферы упрется.

А главный милиционер области, чувствуя поддержку, сразу язык развязал:

— Наша милиция рука об руку с братками эти незаконные автостоянки давно крышует, порядок соблюдает и интересы граждан. А баблом, между прочим, со многими службами в твоей администрации делимся, порядок знаем, сами зарабатываем и другим даем!

Смекнул Петрович, что вопрос о незаконных автостоянках не такой простой, каким его несознательные обыватели в своих жалобах чернят. После чего в словах губернатора стали осторожные нотки проскальзывать, если приходилось, к примеру, в телефонных прямых линиях или в живом телеэфире с народом на эту тему общаться. Так и говорил, отвечая на очередной вопрос обывателя, возмущенного незаконной автостоянкой:

— Милиция постоянно борется с этим позорным явлением, но ликвидировать незаконный бизнес пока невозможно, административным штрафом никого не испугаешь, а незаконное предпринимательство доказать сложно. Да и до хозяев нелегальных автостоянок добраться не так просто: охранники при появлении милиции разбегаются, а если поймаешь, добиться от них ничего невозможно. Они же, прохиндеи, официально не трудоустроены и всегда могут сказать, мол, я возле этих автомобилей случайно оказался, просто покурить на улицу вышел. Стало быть, все упирается в несовершенство нашего законодательства, в вечное отставание правоприменительных механизмов от реальной, многотрудной областной жизни.

Так жили мирно и плодились у нас незаконные автостоянки года три. И вот на тебе, как гром среди ясного неба, начальник милиции с братками пожаловал и утверждает, что этот очень доходный бизнес крах начинает терпеть.

— Вы не суетитесь, — покровительственно успокоил их губернатор. — Рассказывайте по порядку, что за беда пришла.

— В городе ушлый предприниматель объявился, — волнуясь, докладывает начальник милиции, — хитрый способ придумал, чтобы всеми незаконными автостоянками завладеть. Зарегистрировал ЧОП, и его охранники стали уже несколько стоянок охранять, хлеб у нас отбивать.

— Так вы его сами за организацию незаконных автостоянок прижучьте, уголовное дело за незаконное предпринимательство срочно возбудите. Народ такого дела давно ждет, администрацию жалобами завалил.

— Не получается, — пыхтят солидарно главному милиционеру братки. — Этот гаденыш хорошим юристом оказался. В законе ведь не сказано, какое количество автомобилей можно незаконной автостоянкой считать. Сродни этот случай такому каверзному и занятному вопросу: что считать кучей — две пачки денег, а может, три, а может, и больше? Поди разберись и докажи, что такое куча. Нашел он, стало быть, лазейку в законе — ЧОП у него законно организовано и зарегистрировано, а нанять охранников для присмотра за автомобилем у дома любой обыватель вправе или сразу несколько жильцов. Выходит, законно он работает, даже на каждой стоянке микроавтобус поставил с кассовым аппаратом. В грудь себя бьет теперь, дескать, я еще и налоги плачу!

— Что-то вы совсем нюх потеряли, — укорил визитеров Петрович. — Больно цивильными сделались, прежние порядки забыли, добрые воровские традиции. Нехорошо! Этого деятеля просто шугануть хорошо надо, чтоб в штаны наложил и убрался куда подальше! Ладно, я вам личным примером покажу, как работать надо.

Ближе к ночи сел губернатор в машину начальника милиции, и поехали они автостоянки наглого предпринимателя разгонять. Даже разговаривать не стали ни с ним, ни с его охранниками. Подъедут к стоянке, главный мент стекла у автомобилей из именного «макарыча» расстреливает, а Петрович в разбитые окна автомобилей бутылки с бензином кидает. За ночь тридцать автомобилей сожгли. А уже на следующий день предпринимателя и след простыл. Еще бы! Его возмущенные автовладельцы на куски порвать готовы были.

— И правильно, — сказал начальник милиции, комментируя в теленовостях это происшествие, — взял, наглец, с граждан деньги за охрану автомобилей, а должной охраны не обеспечил, и люди вмиг ценного имущества лишились. Настоящий мошенник! Мы его уже в федеральный розыск объявили и обещаем за помощь в поимке негодяя приличное вознаграждение.

Губернатор и провалы

С некоторых пор в нашей области земная кора капризно вести себя стала и геологический норов выказывать. То яма на каком огороде карстовая появится, то кусок дороги под землю уйдет вместе с автомобилями и постом ГИБДД, то мост пополам переломится. А то и целый дом с хозяевами, коровами, кошками и собаками в тартарары провалится. Собаки под землей лают, коровы мычат, а хозяева власть матерят снизу вверх, дескать, почему губернатор такое безобразие исправить не может. Одни только кошки свое неудовольствие мяуканьем не высказывают, они в темноте видят хорошо и мышей-полевков под землей ловят.

Вспомнил было Петрович про римского героя Марка Курция, который нырнул в пропасть, отверзшуюся у форума, и дыра в земле от его жертвы сама собой затянулась. Спас таким образом свое отечество. Но ведь негоже самому губернатору сломя голову

в неизвестные науке провалы прыгать. Во-первых, Курций простой римский гражданин был и юноша. Он власть не отправлял, как Петрович. Во-вторых, наш губернатор в летах и вдруг пожертвует собой, а провалы останутся?

Сначала Петрович, чтобы народ успокоить и каверзы земли научно обосновать, всему населению про нашествие инопланетян рассказывал, дескать, это вредные происки посланцев внеземной цивилизации. Противные инопланетяне всю область подземными ходами изрыли в поисках урана для ракетного топлива. Провалы и образуются, когда земляные своды над подземными ходами проседают и рушатся. Вот уж наш консервный завод скособочился и тихо под землю проваливаться стал. Однако и здесь Петрович нашел положительный пример, дескать, благо это большое сулит: на случай войны или голодомора стратегические запасы консервов иметь будем. Тушенку свиную, горошек мозговой, икру кабачковую. Под землей продукты еще лучше сохраняются, как в деревенском погребе. А потом и вовсе идею всей администрации подал:

— А не замутить ли нам по всей области метро, начать использовать подземные силы стихийные народу во благо?! Да и экономия строительства налицо, даже рыть туннели не надо, природа обо всем сама позаботилась.

Послали под землю отряд смелых геологов с фонариками на касках, а они побродили в чреве земли да чуть не заблудились и выползают на поверхность с новостью огорчительной:

— Пустоты под землей и туннели хаотично разбросаны, с очень большим перепадом высот, с извилинами причудливыми и тупиками. Никакого метро не построишь, только разве американские горки.

И тут Петрович не унывает:

— Мы эти скоростные развлекательные горки построим с усовершенствованием, с пещерами ужасов. Я такие сам видел, когда в прошлом году в нашу область польский луна-парк приезжал! На меня тогда в темноте скелет упал, просто ужас!

С тех пор по этим пещерам со скоростными горками и ужасами пенсионерам, инвалидам, школьникам и гостям области платные обзорные экскурсии устраивают. Тариф, как и в общественном транспорте, социально незащищенным слоям населения — скидка. Иной раз и не поймешь, то ли еще по области едешь, то ли уже по пещере ужасов.

Непознанное

Выходит раз Петрович вечером из своего кабинета и видит: по коридору бродит бывший губернатор Хавролин, во все двери заглядывает и тихо спрашивает:

— Как пройти в туалет?

Испугался Петрович не на шутку, потому как Хавролин никого не узнает. Даже Тихоныча не признал, с которым много лет проработал. На «вы» к нему деликатно и очень робко обратился, а ведь в прежние времена только и называл «ж... с ручкой». Очень подозрительно! Не говоря о том, что много лет Хавролин в этом здании просидел, в свое время сам его строил, стало быть, не только знает, где туалет находится, а каждый закоулок администрации ему ведом. Или склероз с ним случился, или, чего хуже, это — привидение бывшего губернатора! Да и сам Хавролин выглядит странно, бледный такой, словно полупрозрачный, губы синие, под глазами зеленые круги и рот алый. Склерозом в нашей области так не болеют! Проводил Петрович Хавролина в туалет по доброй памяти, прямо за руку до кабинки довел, еще и бумажку дал.

Зашел в кабинку призрачный Хавролин, а после урчания сливного бачка вышел из нужника уже не Хавролин, а давно усопший, но румяный Герман Геринг. Ладошку с пухлыми пальчиками в коротком приветствии вверх выставил и спрашивает:

— Гутен абенд, комзомольгауляйтер Петрович, как мне невесту свою русскую Груню найти? Я когда немецкой летной школой в вашем городе командовал, большой роман с ней имел, натюрлих. Да Гитлер, браун швайн, жениться нам запретил, концлагерем пригрозил.

Обалдел Петрович, но вида не подает. Знал он, конечно, что в тридцатые годы прошлого века у нас секретная немецкая летная школа была. Весь цвет люфтваффе в наших краях на крыло был поднят. И о Геринге с русской невестой слышал, но в местной ФСБ не раз сказывали, что это был совсем другой Геринг, однофамилец будущего рейхсминистра. Правда, секретный кабинет Геринга в городе все ж остался, но доступ к нему имеет не всякий.

— Твою невесту, партайгеноссе, — выпалил губернатор новому призраку, — давным-давно НКВД в расход пустил.

— Тогда цвай битте бир, — умоляет Геринг.

— У нас в сортирах пивом не торгуют, — нашелся Петрович. — От этого пена портится и пиво прокисает.

Помыл руки Геринг брезгливо, каблуками лакированных сапог щелкнул и исчез в теплой струе полотенцесушителя, словно его и не было.

Воскрешение Хавролина

А на следующий день после явления призраков в стенах администрации губернатору очень плохую новость сообщили: Хавролин застрелился. А все из-за того, что неумный и алчный Тихоныч пришел к нему десять хавролинских бензоколонок отнимать, нажитых непосильным трудом за годы губернаторства. Пришел Тихоныч к нему с бутылкой армянского коньяка и вроде как с благой идеей — перевести бензоколонки под крышу областной топливной компании, дескать, выживать в рынке сообща легче будет, а Хавролин понял, к чему дело идет, Тихоныча молча выслушал, но как дверь за ним закрыл, то сразу к сейфу с охотничьим ружьем кинулся. Даже прощальной записки не написал, сел на кухне на стул, ствол в лоб себе упер, а на курок большим пальцем правой ноги нажал. С этой новостью к Петровичу омбудсмен Нарывайко и пожаловал.

— А я тут при чем? — впал в недоумение губернатор. — Это, в конце концов, его личный выбор.

— Да вот следователь, Петрович, стал воду мутить, — огорченно заметил Нарывайко. — Вопрос странный задает, дескать, кто самоубийце после выстрела тапки надел? Усопшего возле ружья в тапках нашли, а как он, не снимая тапок, мог пальцем ноги на курок нажать? Интересный вопрос!

Вызвал губернатор Тихоныча и спрашивает:

— Ты последний с Хавролиным разговаривал, жадюга, признавайся, что тапки ему надел!

— Да я их и не снимал вовсе, — ухмыльнулся Тихоныч. — А как выстрел получился в тапках, кто снимал и надевал обувь Хавролина, разве теперь узнаешь, он уж четыре дня как в земле лежит, да еще за церковной оградой как самоубийца.

Тут Петрович и вовсе смутился:

— Как же мы отставного губернатора без должных почестей похоронили, словно бомжа? Надобно на могилку срочно съездить и веночек от администрации водрузить с добрыми пожеланиями.

Приехали на кладбище, встали вокруг свежей могилы и молчат. Один Петрович не выдержал, расплакался:

— Что же ты руки на себя из-за бензоколонок наложил? Мы же пенсию тебе хорошую назначили, семьдесят процентов от губернаторской зарплаты, на такую пенсию детей и внуков содержать можно, не только себя!

А из-под земли подозрительный шорох раздается и вроде как тихий плач. Задрожали чиновники, побледнели, лица у них в нервном тике задергались. Один Петрович самообладание не потерял, палец к губам приложил и прислушался. Точно, стоны и всхлипывания из могилы слышны! Простер тогда губернатор руку над свежей землей и произнес властно:

— Вставай, Хавролин, мы ждем тебя и все еще любим!

А из-под земли четкий, но приглушенный голос явственно раздался:

— Дудки, злые вы все, алчные, я эти бензоколонки на спокойную старость прикупал, а вы на святое покусились. Не вылезу из могилы — и баста!

— Вставай, Хавролин, — как громовержец, пророкотал губернатор. — Половину бензоколонок за тобой оставим еще на пять лет, а кроме того, выберем тебя почетным гражданином нашей области!

Ей-богу, как крот, шустро Хавролин из земли выбрался после этих приятных слов, не то что сырую землю — крышку гроба зубными протезами прогрыз.

Так помирились Петрович и Хавролин после пяти лет неприязни и прямо с кладбища примирение это в ресторан отмечать пошли, да и медаль почетного гражданина заодно обмыть.

А в нашей епархии случай этот чудесный с воскрешением на особую заметку взяли и раздумывают: не канонизировать ли нашего губернатора. Вот и омбудсмен Нарывайко владыке то же самое советует очень настойчиво, дескать, таких чудес в нашей области вообще никогда не было да, скорее всего, больше и не будет.

Петрович и бессмертие

Как всякий нормальный правитель, Петрович втайне мечтал о бессмертии. В бессмертии души он не особо верил. Ненадежное это определение, сомнительное. С того света к нему еще в гости никто не заходил, из ада телеграммами пока не беспокоили, да и из рая по персональному телефону правительственной связи тоже не звонили. Стало быть, не о душе по части бессмертия кумекать требуется, а исключительно о бренном губернаторском теле. Разного рода эликсиры бессмертия и продления жизни Петрович всячески отвергал. Не верил он чудодейственным снадобьям из толченых жаб и мумий, а настойками из собачьих и оленьих пенисов вовсе брезговал.

Больше всего Петровичу внушал оптимизм строго научный подход. Прослышал Петрович, что холод, то бишь постоянное охлаждение организма, продляет жизнь, и тут же принял сие к сведению. Еще бы, снижение постоянной температуры тела всего на два градуса способно удвоить жизненный путь любого индивидуя, а на четыре градуса — на семьсот лет жизни!

С тех пор здание областной администрации не только не отапливают зимой, но и свой кабинет Петрович превратил в настоящий холодильник. Сидит в нем в ушанке, тулупе и в валенках. Бюджет области по этой причине уже сверстан на семьсот лет вперед.

Странности губернатора

Не всегда, конечно, Петрович был в этой жизни белым и пушистым. Однажды он даже собачку на охоте в приступе ярости утопил. Сие происшествие разнохали да на

всю страну раздули неугомонные защитники прав животных. Один бородатый писатель об этом хорошо написал, но, кажется, по-французски.

А вот еще случай был: поставил Петрович в своем кабинете мощный прожектор и давай вечерами голым на роликовых коньках кататься. Представляете, как на фоне обычно освещенных кабинетов кабинет с прожектором выделяется. С улицы все видно! А губернатор знай круги нарезает в чем мать родила, в ослепительных лучах света купается и пальцем в носу ковыряет. Пальцы у него тоже особенные, часто Петрович ногти цветными фломастерами раскрашивает и любит ими любоваться, словно в руках радугу держит и отпустить никак не может.

Еще любит Петрович в своих подчиненных ножи метать, у него всегда на поясе дюжина ножей висит. Особенно терзал он своего пресс-секретаря. Как увидит его — сразу нож в воздухе засвистит. Только успевают ножи от лысины спичрайтера отскакивать. Но однажды пресс-секретарю совсем не повезло. Зарезал его губернатор. Даже ножи метать не стал, а просто подошел и тихо по горлу лезвием чикнул. Зарезал, как свинью.

Тербунский цирюльник

Посетил как-то губернатор родину своего детства инкогнито. Приехал под вечер и решил к своей первой любви на огонек заглянуть, аккуратно под Валентинов день. А как, пусть и бывшую, любимую навестишь ныне без модной интимной стрижки. Так и стал Петрович районную парикмахерскую искать. Идет по улице, бодро арию из «Севильского цирюльника» насвистывает, а вывески знакомой не видит. А тут старушка навстречу губернатору по переулку идет и словно шаловливые мысли Петровича телепатическим способом читает:

— Мужчина, — ехидно шамкает она, — шейвингом у нас местный ветеринар занимается, вначале на козах руку набил, а ноне молодежи лобки художественно оформляет.

Делать нечего, пошел губернатор к ветеринару на дом. Стучит в калитку и ширинку поглаживает:

— Есть ли в доме козий боди-дизайнер?

А ветеринар уже шаг к забору из темноты к нему делает с огромными ножницами для стрижки овец и, не удивившись, вопрошает:

— Вам какой причесон? «Доллар», «плейбой» или «младенец»?

— «Гитлера», пожалуй, — задумавшись, отвечает Петрович. — Я на своей малой родине брутальным выглядеть хочу...

Свистят в ночи под уличным фонарем ножницы, колдует ветеринар. Закончил прическу со знакомыми словами:

— Освежить?

Губернатор только головой помотал и подозрительно на свой лобок посмотрел. Вроде усики, как у Гитлера, действительно получились. Расплатился щедро. Пятихаткой. А тут и до бывшей любимой недалеко. Заходит Петрович к ней на огонек, а бывшая любовь в куклы играет. Смутилась, дескать, ролевые игры изучаю для школы. И Петрович ей словно вторит:

— Я тут кое-что со своим «школьником» сотворил, сейчас покажу...

Но не готова оказалась бывшая любовница к новым веяниям времени и навсегда выставила за порог.

О дружбе с губернатором

Очень трогательное отношение у губернатора к друзьям было. Всегда он друзей и приятелей со слезами на глазах и объятиями встречал. Для этого специально пипетку дер-

жал в кармане брюк. Друзей много, как на всех слез радости наберешь? А потому, чтоб обмана в этом никакого не было, пипетку он носил совершенно искренне и дружбу считал добровольным рабством. Разве будет справедливым, коли он Дуракову со слезами радости встретит, а Тихоныча — нет? Дружба ведь, почитай, высшая форма справедливости. А дружба губернатора питается только формой денежной справедливости, при коей делится на четыре вида кредитной привязанности: родственная, общественная, гостеприимная и любовная. Губернатор даже специальные отделы в администрации под эти нужды создал. И правильно, только одна родственная дружба может быть бесплатной. На прочую губернаторскую дружбу всегда разумный тариф имеется, то есть она разумно дифференцирована. Ибо дружба высокого должностного лица питается такого рода общением, при коем неравенство меж приятелями всегда может влиять на исполнение губернаторских обязанностей. А это недопустимо и чревато разного рода кривотолками, завистью.

Дружба Петровича всегда имеет форму увещевания и наставления — это первейшая обязанность между друзьями. Потому губернатор и зарезал своего пресс-секретаря, как свинью. Исходя из проявления высшей справедливости патронажной дружбы. Не понимал и не слушал несчастный наставлений губернатора, мимо ушей пропускал, не понимая, что сие себе дороже обойдется.

Отдельно стоит сказать о любовной привязанности как форме губернаторской дружбы. Она самая дорогая, поскольку состоит из свободного выбора. Такая любовь, звонкая, шуршащая, жаркая и томительная, доступна только чиновнику над всеми журналистами — Чардашу. Но это пламя безрассудное и летучее, стало быть, весьма ненадежное. Благодеяния и услуги здесь не слияние воли друзей за долгой игрой в карты на интерес. У губернатора всегда будет очко или джокер.

Всепобеждающий Эрос

Очень не нравилось Петровичу, как административные советы проходят, нудно и без толку. Сидят говорящие головы, заученные тексты излагают ни о чем, видимость кипучей деятельности создают. Недаром он прессе однажды лукаво заявил:

— Это не административный совет, а плач Ярославны!

Решил губернатор в этот совет живую жизнь вдохнуть, интерес здоровый к рутинному процессу заседаний возбудить. Живинку человеческую теплую в строгие административные стены внести. Ну, скажем, в перерывах заседания стриптиз устраивать. Чтобы был в зале не горький плач Ярославны, а нежный и радостный эротический танец Дураковой. Вначале она сильно заупрямилась, никак раздеваться не хотела, все прелести свои аппетитные от дурного глаза для будущего жениха берегла. Не устояла только тогда, когда ей Петрович красные шелковые стринги купил да босоножки со стразами на высоких шпильках.

И пошла на административном совете отныне другая жизнь. К примеру, только закончат параллельное финансирование мыльного завода и городской бани обсуждать, как в зале гаснет свет, начинает бегать лазерный луч, цветомузыка нежно затрындит, а Дуракова вокруг шеста упитанной змейкой вьется, сладко телесами трясет. Чиновники прямо с ума сходят, слюни пускают. Многие с работы уходить не хотят. На бис требуют административный совет продолжать. А Дуракова еще больше счастлива. Еще бы! Так мужским вниманием не обделена, что с каждого административного совета полные трусы денег и конфет домой приносит. Можно и на приданое накопить, на будущее свадебное романтическое путешествие, а может, и свой стриптиз-бар через пару годочков открыть. Не вечно же самой на шесте висеть.

Вечно живой

Был случай, когда Петрович притворился мертвым. Пришел на работу и сразу лег в простой дубовый гроб прямо в центральном фойе. Лежит и не дышит, только одно веко приоткрыл и подсматривает. Уже через пять минут ему венки пластмассовые принесли, боты крепко связали и стали по полированной крышке гроба крашенные яйца катать. Больше всех вице-губернатор Куропопский обрадовался. Сейф в кабинете губернатора маникюрными ножницами открыл и губернаторскую цепь себе на грудь важно повесил. Еще хотел контрольный выстрел Петровичу в голову сделать, да жаль — пистолет заклинило. А Петрович все лежит недвижим и в том, что совсем живой, признаваться не хочет, вида не показывает, даже принципиально дышать перестал. Так его живым в гроб и заколотили гвоздями-сотками, на кладбище бегом унесли.

Когда закапывали, никто про него хорошего слова не сказал. Вначале целый час вообще молчали, переглядывались, локтями друг друга толкали, дескать, кто первый начнет. А потом как всех разом прорвало... Только плохие слова говорили, по большей части непечатные и даже настоящему покойному обидные. Потом еще долго, почти до рассвета, стояли над свежей губернаторской могилой, плевали на нее, а затем и вообще развели большой, вонючий, чернодымный костер из старых автомобильных шин. Вся администрация от радости самогона напилась, чиновники и чиновницы стали комсомольские песни орать. А когда костер догорел, прогнали над могилой стадо коров, жалобно мычащее, в три тысячи голов. Затаптали могилу губернатора копытами, окропили коровьим навозом и только тогда успокаиваться стали.

Только Дуракова в этом шабаше не участвовала, а тихо стояла поодаль и горько плакала, обняв тонкую кладбищенскую березку. Ох, тогда многих понял губернатор, вызнал скрытых своих врагов. Достал лжепокойник дорогой мобильник из кармана, позвонил начальнику местной ФСБ, и сразу прекратилось это безобразие. Неслись в город с кладбища черные воронки, полные миглом протрезвевших арестованных чиновников. Это же надо, живого губернатора просто так в сырую землю закопали и праздничную оргию устроили, да еще за счет бюджета!

Осталось только непонятным, отрыли Петровича из могилы или нет. Неужто забыли на кладбище впопыхах? Может, нами теперь Лжепетрович правит?